

Кирилл Тер-Амбарцумян

БРОД ЧЕРЕЗ НЕБО

Тверь–Париж
2004

Кирилл Тер-Амбарцумян.

Брод через небо. Тверь: «Лилия Принт». 2004 г. — 164 стр.

Кирилл Тер-Амбарцумян — лидер российской группы «АВСТРАЛИЯ» (Париж—Тверь—С.-Петербург), созданной в 1989 г., и автор песен. «Австралия» выступала на сцене с Жанной Агузаровой, группами «Зоопарк», «Ва-Банк», Алексеем Хвостенко, Дмитрием Шагиным.

В эту книгу вошли произведения — стихотворения и проза, которые сам автор считает лучшими из всего написанного за те двенадцать лет (1992-2004 гг.), что он живет в Париже.

На обложке использован фрагмент работы Микеладжело «Рождение человека».

ISBN

© Тер-Амбарцумян К., автор. 2004.
© «Лилия Принт», оформление, 2004.

БРОД ЧЕРЕЗ НЕБО

Брод через небо — не пишется,
Сердце не бьется — колышится...
Что ты хотела — не чаяла,
Очи прикрыла — растаяла.
Уста, что солнца горящие,
Горькие и настоящие.
Брод через небо — с глаз капало,
Чувство не грело — царапало!
Свет не смеялся — все скалился,
Дождь не сочился — все лаялся
С тучами, что хозяева
излияния раева,
С лунами, что сменяются,
Со звездами, что не каются.
За что им, важным, плакаться,
По что им, гордым, маяться,
На что им, видным, мыкаться —
Ничто тут не меняется,
Нéкто тут не горит огнем,
Нéчто тут не сведет с ума,
Нету тут омутов — с головой,
Негде тут допьяна взять вина...
Брод через небо — не можется,
Вечер комкался и ежился,
Навзрыд деревья проплакались,
Чувства не грелись — царапались.
Брод через небо...

Не спи, не спи, художник,
Не предавайся сну,
Ты вечности заложник
У времени в плену.

Б.Пастернак

«Брод через небо» — это шаманский танец Сакатеки именно в той точке нашего бытия, где пересекаются Небо и Земля, где стираются все Грани, Горизонталь переходит в Вертикаль, Вертикаль — в Горизонталь, Инь сливается с Ян, образуя тандем во Вселенской Гармонии. Ибо истинный подъем по лестнице самосовершенствования не может быть осуществлен без соприкосновения с Неизвестным — Космической Инспирацией. Это бесконечный поиск новых горизонтов, сознательный труд, намеренное страдание. Это вечная тяга действующего человека к Непознанному. Это постоянное стремление к освобождению от фальшивых оболочек ложной личности, необходимость отыскать в себе Золотое Зерно Сущности.

Да снизойдет на Вас священное «In vina veritas!», аминь.

*Кирилл Терр,
Анна Бондарева*

Чтобы захотелось жить,
Вышей красного вина
И отправься в Никуда,
Где «откуда» и «зачем»
Превращаются в «ничем»,
Где смятенье, страх и боль
Вдруг становятся рекой,
Высохшей среди пустынь...

Нам еще придется быть,
Бегать, плакать и просить
Всепрощение в том, о чем
Мы сожалели нипочем.
А день и ночь, что птицы,
улетают прочь,

И ты опять сидишь одна...
Так вышей красного
До дна!

А.Б.

1.

П
А
Р
И
Ж
С
К
А
Я

Т
Е
Т
Р
А
Д
Ь

1992-1998,
2004

Коварный талант,
Как бархатный бант,
Красуется весь,
словно ересь...
Тебя он готов продать
и купить,
Лишь только бы ты
забыл свои сны!!!

А.Б.

Звучание ветра — по коже звон,
Холодный день сыпется стоном,
Осень внезапно срывается с крыш
Все еще не раскрытым бутоном.
Агония листьев застилает асфальт,
Улыбки на лицах — небо дождливо,
Луна рождается часа через три,
Желтым телом сверкая игриво.
Шкала небоскребов тихо висит
в ноябрьском воздухе, будто бы спящем,
Изрыгая отчасти из окон свет
в объятья ветра. Без дела летящий,
Он расчетливо делает тела холодней,
пробивая плащи арбалетной силой,
Лишь черные клумбы вянущих роз
Служат лета надежной могилой.
Я, брошенный в небо из-под земли,
Пью морскую соленую воду —
похоже на слезы,
найти б те глаза, чтоб
дали им излиться свободу...

Споры, споры до хрипоты,
Черные, красные, синие вспышки,
Вернуться — остаться, податься вперед,
Куда запихнуть фантазий излишки?
Стенания брызжут в расколотый смех
Вслух — над другими, втишь — над собой,
Я сделаю ночью прозрачный браслет,
Чтобы похвастаться перед тобой.
Вырежу рифмы — воздушные знаки,
Я падал на землю десятки раз,
Пролетая меж девушек, бьющих окна,
Посменно входящих в слепой экстаз.
Теплое тело. Холодным рассветом связаны
Руки. Но все равно
Мне стынуть в бумаге словами-углями
И растечься часами, почувствовав дно...

Прозрачное небо — изнанка души,
Отблески света подобны дельфинам,
Чьи пульсации в моря ровной тиши
Заставляют солнце слоняться по спинам,
Гладким спинам с темными плавниками.
Вот звезды луну призывают хором,
Но их нельзя коснуться руками,
Они залегли в небесные норы,
И пасмурным утром, ближе к пяти,
Когда в глубинах готовятся спать,
Звездам в панике норы свои
не найти,
Они исчезают, не успев доказать
Свою состоятельность. Печальный конвой
Из облаков провожает луну
В отблески света. Ночная блажь
Нырять и тут же идет ко дну,
Круги на воде уныло висят,
Дельфины уже отошли ко сну.

Когда бы сердце я разбил
о мостовую,
Свихнувшись от парижского тумана,
Засунув небо в шашку дымовую,
Чтоб надышаться утренним дурманом.
Когда бы душу я распял на башне,
В глухом углу истлевшей колокольни,
И вороны, сидя в прокисшей пашне,
Обматерили бы меня, достойно
Я б принял муку и дремучим лесом,
Пропитанным густой тяжелой бранью,
Я бы прошел к единственной завесе,
Плюя дорогою в глаза бараньи.
Таращатся кругом, но, сдернув
шторы,
Увидел бы я только отраженье,
Лезть напролом — и не найти опоры,
Идти сквозь мглу — и не иметь движенья!

Я б принял карму, дрогнув
 лишь губами,
Кляня судьбу до одури слепую,
Туман осел бы ясными слезами,
Когда бы сердце я разбил
 о мостовую.

Я принят был магнитным озареньем,
Пил тяжесть льда надменно голубую,
Бродя, как тень, в парижском ослеплении,
Я в четырех стенах искал святую.
Мир распадался, оставляя блики
На зеркалах, кишащих отраженьем,
Ряды деревьев издавали крики,
Роняя в листьях наземь суть движенья.
Без смысла пела в осень мать Варшава,
Берлин искрился светом улиц полных.
Домой неслись веселою оравой
Уставшие от бушеванья волны.
Звон колоколен, словно в дымке,
Слух, утомленный зовом воли,
Истоптанная гладь тропинки,
Страдая, корчится от боли.
Дань небосклона — стать поэтом,
Свидетель есть — пустой Париж,
И утвердительным ответом
Слетают капли с мокрых крыш.

Тоска с утра висит на башне,
печаль зарыта в эшафоты,
и с дьяволом заводит шашни
Хор улиц, вслух орущий ноты.
Да, нету песни, воздух вязок,
И солнце рваное закрыто
Толпой из облаков-подвязок,
Изрешеченной, словно сито.
Работа молний — воля грома,
Печаль бывает бесподобной,

Когда, испепеленный ромом,
Палач готовит выстрел пробный.
В кого из нас, в какое чувство?
Нарыв в душе, слабеет тело,
Казнить тоску — это искусство,
Рубить печаль — и нет предела
Опустошенью, стынут веки,
Пищат брезгливо сновиденья,
Рожденные в утробе Мекки,
Спаленные в одно мгновение.
Палач без слез и без шелома,
Свет звезд ласкает чьи-то руки,
Счастливый добредет до дома,
Не испытывав смертельной скуки.

Над Парижем воздух стынет,
Горный воздух? Спите, горы!
Звезды небо приобнимут,
веселится гость позора.

Стыдно, воздух, зубы скалить,
Зря ты бросил чудо-скалы,
Улицы тебя здесь жалят
И с издевкой лупят шпалы.

При попытке робкой к танцу
Лучше висни на балконе,
Здесь не любят иностранцев,
вспоминающих о доме.
Не смей меня ты плачем,
Если ищешь постоянства,
пробуй выполнить задачу
упоения пространством.
Разодетый, но печальный,
ты тоскуешь вечерами,
горделивый, но опальный,
в колыбели, за морями
брат твой — вихрь — криком воет,
Ищущий с тобою встречи,
Он тебя пока не стоит,

Буйнокровный ищет сечи,
С кем — не важно, он — стихия,
ты-то горный, ты же чистый,
у него глаза сухие,
у тебя глаза искристы.

И когда, Париж оставив,
ты помчишься восвояси,
Он сожжет твои владенья,
Кувыркаясь в мнимом счастье,
Будь спокоен, горный воздух,
Возвращайся к чудо-скалам,
Путь захвата слишком спорный,
Улыбайся, счастье — в малом.

Это кипящее чувство,
брызги на мраморе тела,
в местах зарождения искусств
леденеют белмы пробелов.
О, заиндевевший пророк,
Смято длинное слово,
И был ты когда-то богат
Лица выраженьем суровым.
И плел ты когда-то пасьянс
из карт игрально-нечистых.
И вил ты когда-то венки
из цветов изначально тернистых.
И был обожжен твой дом
Похожей на жижу глиной,
И в сердце твоём — гарем,
запаянный в мрачную льдину.
И грохот зубастых лавин,
И скрежет дырявых ущелий,
И звезды, краснея, горят
в бокале вечных похмелий.
Забывший, как выглядит снег,
Зовущий ядра огня,
Считающий день, что век,
Замороженный я!

Сию в пустом кафе Парижа,
Дыблю сквозь сон и улыбаюсь,
Колеса облаков я вижу
И к телу солнца прикасаюсь.
Когда бы были ясны ночи,
Когда б костром дымились звезды,
Тогда б ласкал я твои очи,
Бровей чудесные борозды.
Суть вдохновенья — в хрипе улиц,
Дождь размывает постоянство,
Жужжит прохожих шумный улей,
Течет, ликуя, гладь пространства.
И скачет сердце, тают боли,
И скалятся витрин медузы,
И отыграла злые роли
вконец разбитая обуза.
Сию в пустом кафе Парижа,
Дыблю сквозь день и улыбаюсь,
Колеса облаков я вижу
И к свету солнца прикасаюсь.

Огромный город — сын небес,
Их бездны яркость перочинна,
И облаков шершавых лес
поет, что настает кончина
Дней осени — они текут
Гирляндой розового дыма,
И Сены мертвенный уют —
в стеклянной пасти Херувима,
что охраняет город сей
и брызжет каменной пеной.
Сухие отблески камней
в шершавом рубище вселенной.
Фонтанов сизые глаза
Кричат негаснувшей струей,
рождая чудо-голоса
над непокрытой головою.
О, это солнце, этот блеск,

Мне ничего сейчас не надо,
Лишь только слышать неба плеск,
С утра слоняясь до упаду.
День правды — и моя нога
Ступила в твердь иного племя,
Париж открыл свое лицо,
И, дрогнувши, застыло время.

Рыб прозрачных чешуя
пела песню на закате,
ты спустилась из дворца
в незастегнутом халате.
Холодел за дымкой лес,
птицы небо покидали,
звезды — спутницы чудес —
в речку прыгали, плясали.
Вниз неслись, не чтя луну,
Ты умела целоваться,
Звезды сразу шли ко дну,
Не успев засомневаться.
Может, не правы они,
что меня с тобой скрывают?
Так далеко до зари,
Может, рано они тают?
Бродят звери, спит вода,
Ничего кругом не видно,
Кувыркается луна —
В одиночестве обидно
Вечно время коротать.
Осенью длиннее ночи,
для кого-то — время спать,
для кого-то — ставить точки.
Рыб прозрачных чешуя
Пела песню на закате,
Ты спустилась из дворца...

Каждый день бегом лечу,
Взгляд ласкает грудь пространства,

Презираю мишуру,
Разбиваю постоянство,
Гроыхание подков,
Улюлюканье затворов.
В миллиарде пышных снов
Роет день побега норы.
Солнце, выпучась, глядит,
Ясна радость пробужденья,
А на крышах снег сопит,
Получаю наслажденье
от движенья.
Я лечу и миную пропасть буден
В пасть широкую лучу,
Что, как миг рожденья, чуден.

Написать бы мне в этот солнечный
День о святой природе горных картин,
Изможден, как видно, полетом я
В бесконечном витке ночных паутин.
О! Могу я следы кидать в потолок,
И десяток планет рукою достать,
И летающей рыбой висеть над водой,
Ощущая недавно обретенную власть.
И могу я звенеть стародавней стрелой,
И задиристым снегом игриво блеснуть,
А могу обернуться апрельским дождем
И, как лес молодой, солнцу оду петь.
Написать бы мне в этот день как день,
Что люблю я этот рваный асфальт,
Повинуясь слепо капризу души,
Достает мой друг запыленный альт.
Так бульвары рожают синь тупиков,
И маячит в небе месяц-старик,
А в местах забвенья пролитых чувств
Пронзает Париж мелодии крик.

Звонящий март на кольцах звезд
Смеется долго, беспричинно,

Я, полunoчный дряхлый пес,
Вдыхаю воздух слишком винный.
Звучит небес разбитых нота,
Луна в объятьях паутины,
И на ступенях эшафота
Опавших слез белеют льдины.
Мои слова отлиты светом,
Но глаз ручьи чисты незнанием,
Я объявлюсь январским летом,
Внезапным взрывом мироздания.
Людские взоры брызжут треньем,
Костры с землей заводят споры,
И по упругим воскресеньям
Жрецы штампуют разговоры
О чистоте никчемной мысли,
Леса зачем-то красят синим.
Над головой дожди повисли,
А ты сказала мне: «Покинем
Шарообразные минуты,
И этот шум весны летящей».
И в океане снов укрывшись,
Мы, улыбаясь, скрылись в чаще.

* * *

Брод через небо — не пишется,
Сердце не бьется — колышется,
Что ты хотела — не чаяла,
Очи прикрыла — растаяла.
Уста, что солнца горящие,
Горькие и настоящие.
Брод через небо — с глаз капало,
Чувство не грело — царапало.
Свет не смеялся — все скалился,
Дождь не сочился — все лаялся
С тучами, что хозяева,
излияния раева,
С лунами, что сменяются,
Со звездами, что не каются.
За что им, важным, плакаться,
По что им, гордым, маяться —

На что им, видным, мыкаться —
Нéчто тут не меняется,
Ничто тут не горит огнем,
Нéкто тут не сведет с ума,
Нету тут омутов — с головой,
Негде тут допьяна взять вина...
Брод через небо — не можетя,
Вечер комкался и ёжился,
Навзрыд деревья проплакались,
Чувства не грелись — царапались.
Брод через небо...

Я знаю о жизни несколько больше,
чем следует знать.
Просохнувшим утром роса на деревьях
стесняется лгать,
И небо вернуло ночную задолженность
россыпью звезд,
Растаявшим месяцем в платье
из желтых борозд.
Распятие веры — оружие всякой тоски,
Я знаю, как облака разделить на куски,
Я знаю, где солнцу сегодня
следует встать,
Я знаю о жизни несколько больше,
чем следует знать.
Пропороты земли, текущие
плавной струею на Юг,
На Севере ждущей змеєю
свернулся испуг,
На Западе сытой чумою
покоится блажь,
И лопнули Замки Востока
под бременем краж.
Заплакал зеленым дождем
изнывающий лес,
А мне все мерещились краски
каких-то чудес,

В глазах твоих — вечно туманная
 синяя гладь.
Я знаю о жизни несколько больше,
 чем следует знать...

* * *

Жарким зноем упоен,
В камне стонет Валленвайдер,
Впишет в Сену сетку вен
Дождь, печальный аутсайдер.
Златы солнца купола,
Рваны выхлопы тумана,
Поняла ли ты орла,
Облаков густых смутьяна?
Копоть вечно черных туч,
И кусок луны незрелой,
Плещется в озерах жуть,
Дно раскрашивая белым.
Бело-белым, как снега,
Отцвести пришлось им рано,
Поняла ли ты коня,
Средь полей пустых буяна?
И как будто обделен, теребя
часы бессилья,
Я к спине приставил клен,
А казалось мне, что крылья.
И опершись об него,
Будто бы уже взлетая,
Я увидел в вышине
Те места, где рвутся стаи.
Поняла ли ты меня,
Не принявшего обмана,
Бренного в плену огня
Средь шатров чужого стана?

* * *

Я вышел к лавине моря,
 день занимался звоном,
И Раковина солнца горела
 огнем, зеленым панцирем

С сердцем, что спрятано в двух ногах.
Что это — вопль, крик или стон?
Где это я, что не слышу себя?
Звон тишины — режущий звон —
Рвется ко мне, в окна дубя.
А что он? А они? А оно? А она?
Падают — в воду — тонуть и плясать...
Ты видишь: так просто спрыгнуть с ума
В миг, когда знаешь, что надо писать!

Чудных метафор шумный спор
и безобразия рассвета
со мной заводят разговор.
Я понимаю это лето.
И губы раскаленных крыш
разбиты поцелуем ветра,
а не проснувшийся Париж
похож на ледяного мэтра.
В глазах искрится приговор,
рука усталая обвисла,
и в обездоненный простор
с календаря ныряют числа.
Пробиты стаи облаков
моей последней сигаретой,
я бы хотел меж берегов
летать расплавленной кометой,
водой безудержной реки
из края в край опять мотаться
над телом голубым земли
и по частям ей отдаваться.
Я улыбаюсь, шумный спор
со мной с утра заводят звуки,
неописуемый простор,
моя лечебница от скуки.

ВЕЧЕР

Пал день, и ночь опять клубится,
Замерзли рыбы, гаснут птицы,

И на Парижском небосклоне
Не видно звезд средоточения,
Мой сын гуляет в Вавилоне
И строит замки из печенья.
Моя звезда еще восходит,
Я, не имеющий границы,
Звеню оковами печали
И начинаю веселиться.
А что звезда? Звезда все ближе
в прямоугольнике Парижа...
Я бы вернул ее домой,
Когда бы ты была со мной...

Ледяные рога у беззвездного неба,
И пустынное око неполной луны,
Ночь течет темной кровью последней
 победы

В русле мертво цветущей, раздетой
 страны.

Оттого ли не знать одиночеству цену,
Что в серебряных кубках — еда и питье́,
Оттого ли не видеть старуху-измену,
Оттого ли не слышать тупое зверье?
Я себя отстою — я помолвлен
 с пространством,

И прозрачные тени моих гибких
 чувств

Ослепляют прохожих небесным
 убранством

И твердеют огнем брызгозвездных
 искусств.

Что мне острые камни — кинжалы
На мерцающем дне одиноких пещер —
И смертельные рифы, берегов зубоскалы,
И земной, временной, беспощадный
 барьер!

Я лучист и бросаю словесное семя
Сквозь молчание стены
 на почву минут,

Пусть танцует впотьмах
 оголтелое племя —
 Волны времени в бездну его унесут.
 Унесут и меня, но блестящей
 стрелой пропоет и застынет
 Мой несогбенный Дух,
 И, в безвоздух вонзаясь,
 в пространство чужое,
 Раскидает над миром
 Свежей вечности пух!

Никогда не бойся растерять
комнатное, ровно оплачиваемое
тепло,
картина неба и дождь,
пятна фонарей на лужах.
Живое, голодное чувство, оно
обычно предпочитает стужу.
Если ты каменеешь, черствеешь,
как мрак,
в углах непричесанных улиц,
умей вовремя встать под
дождь
и не причитай, что тебя
обманули.
И даже если ты почти уже стал
серой, ненужной пылью,
смейся любимой, последней звезде,
в бессильный и страшный
безмолвный миг —
умей обрести крылья.

ОСЕНЬ

1

Дыханье осени сквозь воздух,
Вдруг ставший плотным и глубоким,
Шуршание дождем нарядным,

И день прозрачный, многоокий,
Я так люблю печаль долин,
Еще не удивленных мною,
Запечатленных надо мною
Узором звездных паутин, луною,
Разменявшей фазу,
Потухшим бегом облаков,
Что тают, недоступны глазу,
Как на заре ночной покров
и отпечатки странных снов.

2

Я осенью дышу, я растворяюсь
тоской в незримых, влажных
белых цветах,
огонь и крик, и воздух — куб,
в своем незрелом совершенстве
несущий смех, несущий страх,
растопленный в немом блаженстве,
в прозрачно-дымчатых
мирах, идущих что ни миг на сруб.
И бесконечно повторяю
я плачущим движеньем губ:
о, осень, факел мой прохладный,
о, осень, мой незримый друг,
о, ты, то робкий, то отважный,
мой восхитительный недуг!

Как холоден приют, когда тебя
не ждут,
Когда печаль — владычица слепая —
Тебя обнимет, тягостно лаская,
Как страшен бег минут.
Как холодно́ вино в покинутом бокале,
Хранящее улыбку милых губ,
Лишь в тишину ворвется скрип
усталых труб,
Как в одиночество не верится вначале!

зажигающим леса,
в небе тлели образа
облаков, луны и солнца,
темных туч и
ясных звезд,
шумно двигались по кругу,
веселились неумно, в пене счастья забываясь,
но отнюдь не покидая вечный пост.
Дождь, и мокрыми кругами
закачался пред глазами пестрый
мир! Ангел усмехался в камне,
по нему стекали капли, громкий
пир вольнодумство закатило по весне
в лужах, вспененных ветрами,
и в траве
молодой
и уходящей в глубь земли.
Но когда в молчащих окнах заворочались огни,
вспышкой яркой, черно-красной
распустились
два цветка, тут вдруг ангел отошел от сверкающего
трона, и когда он снял корону,
Вольнодышащим фонтаном
Расцвели его глаза.

Что еще ты можешь здесь сделать? —
Стать плоским на ум и сердце,
Стать до прозрачности белым,
Стать абсолютным неверцем...
Что еще ты можешь здесь сделать? —
Застынуть куполом неба
В форме вечнонезрелой
С претензией на победу.
Тяжесть плечами отведать
И быть небольшого роста...
Что еще ты можешь здесь сделать?
В Париже в конце 90-х...

ЧУДО

...На расколотой площади
буден

Люди мечтают о чуде,
И шипит сковородкой
небо,

Чудо, что плесень с хлеба,
Чудо, что мерзлый
студень,
Чуда больше не будет.

А у чуда глаза — калоши,
А у чуда мысли — подковы,
Голова, как пятно
на солнце,
И не ведомы чуду
заслоны.

И не ведомы чуду
делишки,
Те, что мелкой речушкой
текут,
И не ведомы чуду интрижки,
Те, которыми люди
живут.

Но как будто бы искренни
люди,
Но как будто в глазницах
свет,
И как будто реально чудо,
Но по факту его больше нет!

Вот и сказ, сотворенный
светом,
О людях, что канули в Лету,
О тех, что мечтали о чуде
На расколотой площади
буден...

БОЛЬ

Боль мерцанием бледных идей,
 Памятью, сползшей к кольцу,
 Вычурным смехом бровей,
 Прыгающих по лицу.
 Внутренним спором тупым,
 Серым в беспамятстве днем,
 Волосом влажным, прямым,
 Отраженным зимним окном.
 Тягой пустых облаков,
 Шумом тяжелых дождей,
 Грузом расколотых снов,
 Рябью продажных огней.
 Пылью седых хризантем,
 Выставленных на панель,
 Всем, абсолютно всем,
 Севшим на вечную мель,
 Криком холодным, немым,
 Бесплотным и тусклым, что дым,
 Ею насквозь любим,
 Жив и зачем-то храним...

Поэтов больше нет,
 есть рты,
Читающие вслух и так,
Размером версты в полторы
И глубиною с пятак,
Есть прыжки всклокоченных
 лиц,
И вспененный пьяный спор,
И дрябь оттремевших зарниц,
Ставящих все на кон.
И смех, и вопросы —
 в сортир,
И гибельная зевота,
Подбитый плесенью мех,
И лубочная прямота,
И вера в раскрашенный шар,

Звонящий над головой,
И камуфляжный пожар,
И одноклеточный вой,
Прыщавая гордость и визг
На стыке ночи и дня.
— Не скажете, кто тут поэт?
Их нет. Хотите огня?
— Спасибо, я не курю!
Вы ошиблись —

это не я,
Чудовищный, мертвый бред,
Мне жалко даже труда
Для первого шага к костру,
Да что вы —

совсем не болит,
Так скоро я не умру,
Я видел как-то, как свит
Зловонный ядерный гриб,
Одетый в мысли-рвань.
Хотите знать, что под ним?
Это все. Весь этот бред!
Есть поэты! Огонь! Свет!

МОЕМУ ДРУГУ АЛЕКСУ

1

Чашка кофе, неба стук,
День мохнатый, цепкий, липкий,
Как сорвавшийся паук.
Из седых воспоминаний
выбегают облака,
Я забуду то, что было,
Где? Зачем? При ком? Когда?
Снова вечер, новый друг,
Чувств возрастающая ветка,
Рядом камень глух и глуп,
Может быть, я снова в клетке?
Но чудесно пахнет воздух,
Свеж и будто бы не сух,

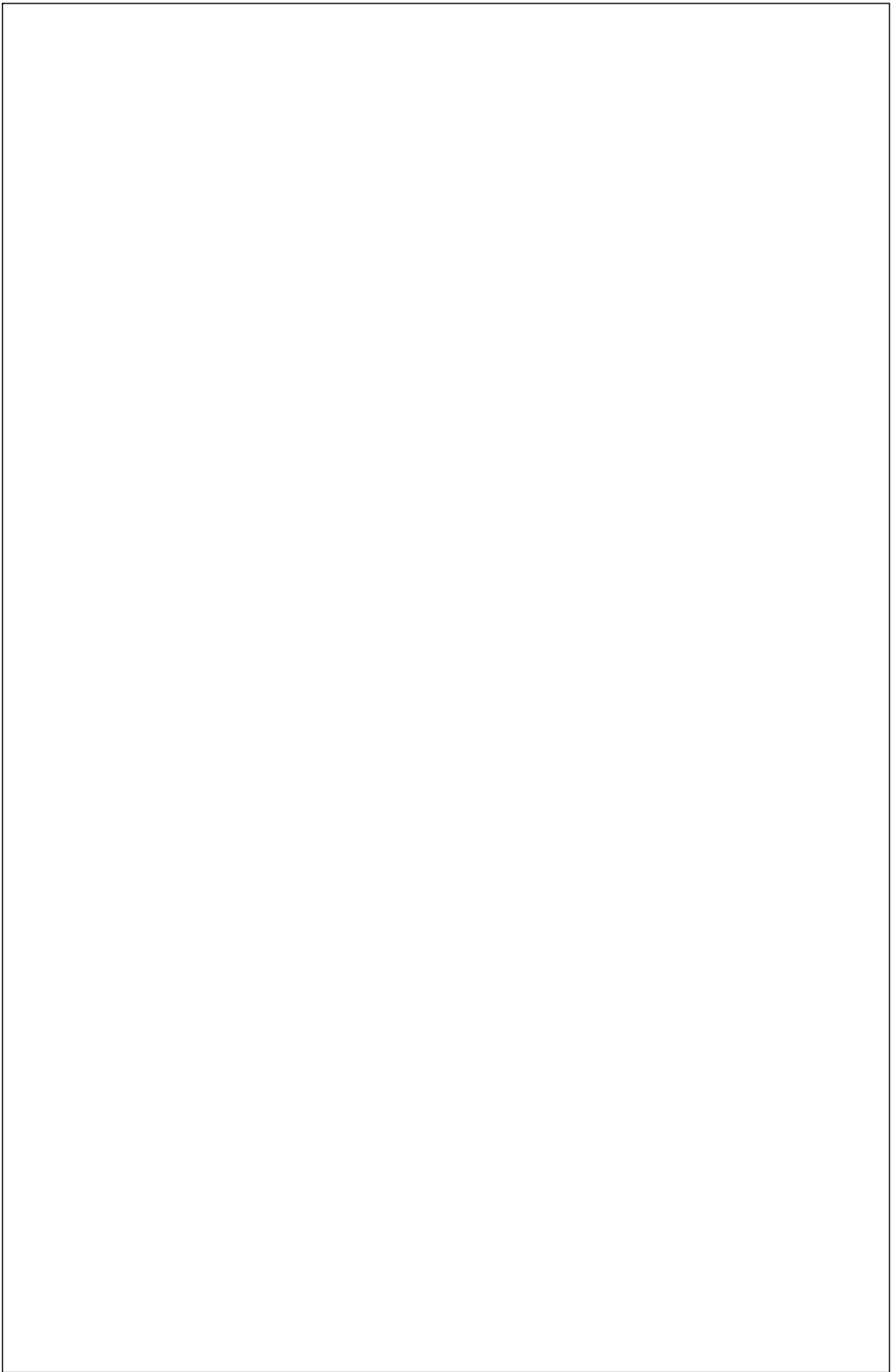
Стрелка света в шлем земли,
Мне как будто бы неловко
Наблюдать паденье дня,
Кто-то медленный и хрупкий
Отделился от меня.
Говорят, что есть душа,
Средь незримых стен эфира,
Я еще зачем-то есть,

Но уже далек от мира.
Слышишь, отдаленный друг:
Чашка кофе, неба стук!

2

Вот чашка вязкого кофе
И запиленный
Саймон-Гарфункель,
И ясность в ломаном небе,
Пришедшая после дождя.
Стреляю пожаром желаний
В глаза бесцветных прохожих
И упиваюсь простором, взглядом
Седого вождя
Погибшего войска весны!
Пока я еще различаю дорогу
К пустынному дому,
Пока мне еще знакомо
Ожидание новизны...

По бескрайнему полю
Путник идет одиноко,
Вечная тайна...

2.

М
И
М
О
Н
Е
Б
А

1995

Я, может быть, ищу,
Я, может быть, совсем не знаю.
Предназначение свое у Бога
я пытаюсь вывести...
Откуда нам, непросветленным чудакам,
Возможно озарение познать?
Сегодня нами правит вдохновенье,
А будет завтра ли оно —
Как знать...
Один лишь свет способен разогнать
раздумий мрак,
Свет мысли — свет небесный.
Так вот, ищите света, чудаки, —
Я призываю вас в ненастье!
Когда соединим мы воедино все мосты,
Откроются и нам врата
Неисчерпаемого счастья!

А.Б.

1.

Херсон бросил на деревянную стойку пять ярко-красных квадратных монет, когда группа «Три Аэроплана» возобновила свой брызжащий эйфорией веселья концерт. Некоторые из сидящих у бара оставили свои стаканы и погрузились в пучину ослепительно голубого бассейна. Херсон отхлебнул синего пива и тоскливо вздохнул. Он был абсолютно чужим на этом празднестве нелепых паяцев.

От чувства исключительной важности люди приобретали цвет разгорающегося костра, и едва не взлетали под купол здания круглыми напыщенными шарами. Каждый стремился показать не того, кем являлся, сделать не то, что умел, сказать не то, что знал. В сущности, они были крайне нелепы и где-то смешны, если бы этот смех не плескался в горле душливой ледяной волной.

За время странствий Херсон отвык от атмосферы враждебности, царящей на этой многочисленной вечеринке.

Несмотря на то, что в зале присутствовало множество «свободных» дам, он не сдвинулся с места.

И подумать только, ведь еще и десяти лет не прошло, как он сошел с быстрого поезда на маленькой станции своего города. Тогда он был молодым воином, прошедшим двухлетнюю школу моральных сражений и изнуряющих физических работ. На станции его ждал улыбающийся отец, они заключили друг друга в объятия, а затем вихрем понеслись домой...

На следующий день Херсон вышел прогуляться вдоль течения широкой реки и встретил своего давнего приятеля Аре. Аре был сладко задумчив и спросил его, какой сегодня день.

— Сегодня не что иное, как 1 июля, — ответил ему Херсон, — мой первый день за пределами непобедимой армии.

— Прекрасно! — обрадовался Аре, и его томление приобрело конкретную форму. — Не накрыть ли нам стол и не отметить ли твое прибытие в компании длинноногих грез?

Внутри Херсона зашевелились временно забытые желания, и он кивнул, напряженно сглотнув.

— Когда тебе случалось в последний раз отмечать дату твоего появления на свет? — спросил его Аре.

— Более восьмисот световых дней назад, — ответил Херсон. — Последняя дата была ровно сто двадцать пять дней назад, но ты сам знаешь: среди сурового и грубого войска праздники редко получают.

— Знаю, сам недавно оттуда, — сказал Аре. — У меня есть идея: ты иди домой и приготовь пенные жидкости и острые кушанья, а я «слетаю» в центральный городской лес и непременно раздобуду двух длинноногих грез.

— Идет, — согласился Херсон и устремился к себе.

Отца с матерью не было дома, и он быстро справился с незатейливой, но привлекательной сервировкой стола. Через два часа он услышал стук шагов по каменным ступеням лестницы и звонкий женский смех...

Длинноногих грез звали Мия и Оя. Мия сразу захотела есть и гордо уселась во главе стола.

— За что сегодня пьем? — спросила она Аре, с которым познакомилась час назад.

— Конечно же, за Херсона! — ответил длинногровкой диве возбужденный Аре. — Нашему хозяину исполнилось сегодня двадцать весен.

— Ну не совсем сегодня, — возразил ему Херсон. — Впрочем, какая нам разница, раз мы ищем повода для веселья, — со смехом добавил он и наполнил стаканы собравшихся морским шампанским.

— За тебя! — сказала Оя и вытянула длинную загорелую ногу под столом так, чтобы слегка касаться ею щиколотки Херсона.

Когда запас пенных жидкостей практически вышел, Аре поднял на руки ослабевшую Мию и скрылся с ней в спальне родителей Херсона. Херсон прилег на диван, у него кружилась голова, а перед глазами плавали странные бурые пятна неизвестного происхождения.

Оя села на пол у ног Херсона и молча смотрела на его опущенную руку. Так они сидели с полчаса или час, не осмеливаясь прервать бесконечное молчание словами или прикосновением. Вдруг из спальни донесся хриплый, исполненный сладкой страсти крик, и за ним — протяжный, свистящий стон.

Оя и Херсон дружно посмотрели на дверь в спальню, а затем — долго и пристально друг на друга.

Но в тот момент, когда Херсон уже был готов накрыть губами маленький кусочек загорелой кожи, обнажившийся между коленом левой ноги и чуть приподнятым платьем Ои, из спальни вышел Аре и сел подле стола.

— Что Мия, она не спит? — спросила его Оя.

— Нет. Ей было хорошо, — сказал Аре, жуя большой кусок сыра без хлеба, — она смотрит в потолок и улыбается ушедшим мгновениям, не сменив привлекательной позы.

— А... Я рада за нее, в последнее время ей все опротивели, и она ни с кем не хотела разговаривать.

— Что-то не похоже, — усмехнулся Аре, наливая себе желтый сок. — Кстати, Оя, у тебя очень красивые ноги.

— И грудь, — добавила она насмешливо, смотря на руку Херсона. — Гладкий, загорелый живот и мягкие ладони, когда я касаюсь ими чьей-нибудь щеки. Но к делу это не относится. Скажи, пожалуйста, Мие, что пора уже и честь знать.

Аре нехотя встал, почесал свой полуобнаженный торс и направился в спальню.

Оя села на краешек дивана возле Херсона и положила ему на лоб горячую ладонь.

— Не думай, что это плохо, когда к тебе заходят почти посторонние люди и спят в разных комнатах, сидят на полу и смеются всякой ерунде, — тихо сказала она. — Есть множество стран, где никто никогда не придет к тебе просто так, не позвонит среди ночи, не заговорит на улице. Помни об этом, если когда-нибудь окажешься вдали от этих мест.

Она поцеловала Херсона в переносицу и пошла в коридор вместе с вышедшей из спальни раскрасневшейся Мией. Херсон, шатаясь, проводил их до дверей и понял, что на этот раз действительно оплошал. К своему удивлению, он не бросился вниз по лестнице, а удалился в ванную комнату, не слушая восторженных реплик Аре; он открыл воду и вылил на дно ванны изрядную порцию хвойного шампуня. Он не слышал, как Аре ушел, пообещав позвонить с утра, не слышал, как глубоко за полночь вернулись родители, он лежал в горячей пенистой ванне и думал об узкой полоске темной кожи между левым коленом и приподнятой линией бледно-серого платя.

2.

Херсон заглянул в стакан с синим пивом, убедился, что до дна еще далеко, и опять заскользил по реке ушедшего времени.

Через несколько дней после ухода из могущественной армии он встретил недалеко от дома своего старого приятеля художника Рята. Все эти дни ему надоедал своими звонками Аре с предложением придумать что-нибудь интересное: острую вечеринку, многоразовый коктейль или организовать поход на площадь совместной тряски тел.

Херсон же все время думал о вечере 1 июля и о тускло мерцающих глазах Ои, а Аре видеть не хотел. В конце кон-

цов Херсон отключил на день телефон и впервые за долгое время почувствовал, что его внутренний мир в относительной безопасности.

Рят начал восторженно рассказывать Херсону о замысле своей новой картины, а затем пригласил его расписать бутылочку лесного ликера.

— Ну вот, давно не виделись, — сказал Рят, когда они сели напротив большого окна в его магической комнате с водопадами, льющимися со стен, и с полупрозрачными большеглазыми животными, с яркой зеленью деревьев и трав, выписанных с таким же потрясающим мастерством.

— Послушай, Херсон... — Рят наполнил бокалы и погасил свет, оставив в качестве иллюминации огромную карту обоих полушарий земли: она занимала всю стену над кроватью, а столицы мировых держав переливались разноцветными лампочками. — Надо вечеринку какую-нибудь выдумать и пригласить прекрасных воительниц.

«И он туда же», — подумал Херсон, ибо, насколько он понимал, «длинноногие грезы», «прекрасные воительницы» и «все же доступные богини» абсолютно не давали покоя его друзьям.

— Ну конечно, — сказал он, даже не моргнув глазом, — давай пригласим пышнокудрую горожанку Есу, с которой я тебя давно хотел познакомить.

— По рукам, — обрадовался Рят. Всю ночь они пили лесной ликер и полярный херес под музыку из «Черного праздника» и вспоминали ушедшие годы. Херсон очень любил квартиру Рята, особенно комнату с картой и большим окном, из которого можно было увидеть всего лишь телефонную будку и серую длинную стену недостроенного здания.

Порою он поворачивался к окну спиной, подолгу смотрел на деревья и водопады, на волшебную искрящуюся карту, на кораллы и крабов, привезенных Рятom из бесконечных морских скитаний, а когда Херсон снова возвращался лицом к окну, то ясно видел, как на серой стене по ту сторону стекла оживают недостижимые города, излучая рассыпчатый электрический блеск; казалось надо лишь шагнуть за пределы стеклянного квадрата, чтобы попасть в их фантастические дебри. В этой комнате неоромантики чувствовали себя куда ближе к выдуманному ими несуществующему миру дальних стран с безумно красивыми зданиями и поголовно богатыми людьми, а может быть, находящимися за пределами четырех известных им измерений.

Утром Херсон позвонил Есе и пригласил ее провести вечер у Рята. Еса тут же согласилась и сказала, что придет с подругой.

Весь следующий день Херсон провел лежа на диване в узком кругу навязчивых размышлений. Он думал о том, что Оя и Рят, а также Аре и Мия вполне могут любить партнера, зная его несколько часов, и тем не менее, между двумя первыми и двумя вторыми — колоссальная разница. О себе Херсон не думал и под вечер почувствовал жгучее желание целовать прохладные губы какой-нибудь незнакомой нимфы. И хотя Оя еще не отпустила его мысли, он ровно в семь часов вечера закутался в красную шаль, словно рыцарь, облачился в черный свитер и джинсы и затем вышел встречать Есу в своем «воландовском» оперении. При этом его лицо заострилось и приобрело крайне решительное выражение воина, идущего до конца...

Подругу Есы звали Тна, и Херсону сразу показалось, что он уже видел это не очень красивое лицо с ясными глазами и вызывающей симпатию неглубокой улыбкой.

Весь вечер Рят «порхал» вокруг Есы, подливал в ее стакан травяного рома и вообще всячески стремился добиться ее расположения.

Еса же только посмеивалась, а когда пробило двенадцать, она резко заторопилась домой, и это притом, что Еса обожала постели из лепестков роз, и Аре, например, этим неоднократно и прекрасно пользовался. Но Рету последнее время не очень везло с колючими удовольствиями, к которым он почему-то упорно стремился, несмотря на живой ум и хороший вкус.

Затаив в груди слабое мерцание надежды, Рят удалился провожать Есу на остановку Большого Пса. В одиннадцать тридцать мимо его дома проезжал трамвай в форме кошки, в двенадцать — в виде длинной узкой змеи, а последний представитель ночного транспорта, скользящий по рельсам возле часа ночи, отождествлял своей формой большого пса.

Рят и Еса ушли, и только тут Херсон окончательно осознал, что остался один на один с Тной.

Тна по всей видимости тоже решила выйти на улицу, чтобы исчезнуть из чьего бы то ни было виду с помощью поимки ночного «быстрохода», но потом ей захотелось посмотреть грибы и кораллы, которые привез Рят из своих многочисленных путешествий. Девушка взяла с полки толстую книгу о таинствах неизвестных глубин с цветными географическими иллюстрациями, и, когда на ее лицо упал

теплый синий луч одного из многочисленных прожекторов комнаты Рята (перед уходом он представлял гостям новую линию освещения), Херсон вдруг понял, что уже однажды видел эти глаза и губы совсем близко от своего лица. Он воскресил в памяти вечеринку в доме Аре, случившуюся задолго до их призыва в ряды Великой Армии, и вдруг опять ощутил жгучее удовольствие и мягкое тело своей первой в жизни женщины, которую он плохо помнил и о которой никогда не вспоминал. Теперь он был уверен, что это была Тна. На этот раз они не были пьяны, и за время, проведенное ими у Рята, молния желания не ударила даже в одного из них.

Оставшись одни в комнате, Тна и Херсон пытались занять себя чем попало, но, в конце концов, почувствовали друг к другу определенный интерес. Закончилось это, как и следовало ожидать — именно тем, для чего, собственно, и предназначалась вечеринка. На этот раз Тна была прозрачней и нежнее, чем в первый раз... Утром Херсон проводил ее на остановку, откуда уходил Прямоносый Крот, Тна помахала ему рукой и улыбнулась.

Херсон больше никогда ее не видел, но всегда вспоминал с какой-то щемящей нежностью, несмотря на то, что к моменту их встречи у Рята Тна уже более полугода работала привлекательной жрицей на улицах больших городов и брала целых семидесяти квадратных монет за раз...

3.

Повиснув между острыми ощущениями и бездельем, Херсон почувствовал непреодолимую вязкую скуку, от нечего делать он позвонил своему бывшему однокласснику фотографу Бо в его лабораторию.

— О, — сказал Бо, — а я-то тебя всюду искал. Говоря по правде, ты порядочный свинтус, вернулся из Великой Армии, а о старом приятеле и вовсе не вспомнил.

— Да нет, — соврал Херсон, — я к тебе заходил, хотел пригласить на типичное празднество по случаю возвращения, но ты, наверное, был на работе.

— Да-да, и я тебя хотел пригласить на то же самое, да ладно, вообще-то у меня к тебе небольшая просьба. Раз уж позвонил, излагаю. Из второй столицы ко мне должна приехать полуродная сестра, и я бы хотел, чтобы ты уделил ей немного времени в связи с тем, что я постоянно занят в лаборатории.

У Херсона что-то дрогнуло в груди, мысленно он погнался за сердцем и властно накрыл его рукой.

— Конечно, нет проблем, — сказал он ровным голосом. — Когда она приезжает?

— Завтра днем, если сможешь, жди ее у памятника Вечному Богатырю в три часа дня.

— А может лучше у Погибшего Путешественника — так мне ближе до дома?! — Херсон готовил плацдарм для будущей атаки.

— Да нет, боюсь, что она не найдет, она была в нашем городище всего один раз и мало что помнит.

— Ну, мм-м... Хорошо, — сказал Херсон, — я буду ждать ее ровно в три там, где ты предложил.

— Отлично, — обрадовался Бо, — огромное тебе спасибо, если сможете, зайдите ко мне в лабораторию.

4.

Ета оказалась длинноногой абсолютной блондинкой с кошачьей хитрой улыбкой. Весь день они гуляли по городу, пили кофе, чай и ели пирожные в О.В.К. «Открытой ветрам кофейне»*, а потом пошли прогуляться по пляжу. Нельзя сказать, чтобы им было очень интересно друг с другом, как и нельзя было бы утверждать обратного. Они просто убивали медленно текущее в вязкой жаре летнее время.

Спустя несколько часов после знакомства Ета и Херсон шли по рыхлому желтому песку и обсуждали прелести второй столицы. Вдруг пошел сильный ливень; ободрившись, свежерожденная пара побежала домой к Херсону, где была радушно принята его младшей сестрой. Сестра дала Ете свою рубашку и сварила горячего кофе. Вскоре вернулась мама. Привыкшая ко всему, она и бровью не повела, увидев в гостиную незнакомую блондинку, спрятавшуюся за переплет «Данте». Ета сидела в кресле и курила сигарету, свои длинные, как и у Ои, и тоже загорелые ноги она водрузила на чайный столик, тем самым придав ему необходимое в связи с отсутствием одного колеса равновесие. Мама улыбнулась, поздоровалась с Етой и даже угостилась одной иноземной сигаретой, а затем снова ушла по делам.

Вечером Ета и Херсон зашли в лабораторию к Бо и выпили чистого и ровного Нортигамского спирта в честь приезда Еты. Затем трое молодых людей закусили жидкость

* От автора: официальное название сего питейного заведения.

свежими абрикосами и продолжили беседу, довольные друг другом как никогда.

5.

Херсон и Ета виделись шесть дней подряд, они ездили на лодках по центральному городскому каналу, играли в теннис, стреляли в тире и ходили в кино — словом, развлекались вполне невинным образом. На седьмой, последний день пребывания Еты вдаль от второй столицы она пришла к Херсону, когда он был дома один.

Херсон сидел за чайным столиком и слушал группу «Образ Завернувшегося». Музыка была резкой, но иногда попадались медленные, лирические песни, в которых солист пел о сильных чувствах и, разумеется, страшно страдал. В один из таких моментов Херсон неожиданно для себя самого коснулся пахнущих яблоней светлых волос Еты, она не убрала его руку и окончательно осмелев он обнял ее за плечо и поцеловал в шею...

— Жаль, что скоро придет твоя мама, — сказала Ета, лежа на узком диванчике в комнате Херсона, после сорока минут бесконечных поцелуев, — мы бы дошли до большего...

Через несколько минут в дверь раздался звонок, и Херсон поспешил к ней, натягивая второпях джинсовую куртку на полуобнаженное тело.

Херсон был уверен, что вернулась мама, и чуть не потерял дар речи, когда увидел перед собой соседку из противоположного дома Олу.

— Ола? — Херсон выдавил из себя ее имя и застыл, как вкопанный, опершись рукой на вешалку для одежды в прихожей.

— Разумеется, я, — сказала Ола и решительно вошла, притворив за собой дверь.

— У тебя кто-нибудь есть?

— Да, знакомая.

— Где она? — резко спросила Ола.

— В комнате читает.

— Хорошо, поговорим на кухне.

Ола села на вращающийся табурет и налила себе в стакан «модного сока». Херсон сел напротив нее в состоянии непроходящего изумления.

— У меня к тебе дело, — сказала Ола хриплым голосом, и голос ее дважды сорвался, нарушив плавное течение этих вполне ординарных слов.

— Какое? — с изумлением спросил Херсон, он не видел Олу более трех лет, до этого они дважды «эротировали» лежа в его постели, но большего между ними никогда не было. После возвращения Херсона из армии они мельком встретились в центральном парке, оба спешили и, попив кофе на открытой террасе «Угрюмого кафе», разошлись, пообещав друг другу непременно созвониться. Но теперь Херсон почувствовал, что Олу привела к нему не вполне обычная просьба.

— Мне нужна твоя помощь, — отрезала Ола.

— В каком смысле?

— В физическом.

— Что это значит?

— Это значит, что я хочу тебя, ты мне нужен и прямо сейчас.

— Но это невозможно... — Херсон чуть не подавился «отказательной» фразой. — У меня все-таки гость.

— Ты хотел бы? — спросила она, глядя в лицо Херсону.

— Ну, не знаю. Я сейчас...

Херсон попытался было встать, но Ола вытянула ноги поперек выхода из кухни.

— Кто она? Ты давно с ней?

— Да так, знакомая.

— Можно мне посмотреть, какая она?

— Ну, посмотри, — сказал окончательно сбитый с толку Херсон.

Ола заглянула в гостиную и поздоровалась с Етой, которая действительно читала книжку, сидя в кресле.

— Ну-ну, а ведь она ничего особенного, — сказала Ола Херсону в коридоре.

— Ты тоже ничего особенного, — ответил ей Херсон.

— И тем не менее ты хотел бы. Когда?

— Не знаю, откуда в тебе эта дьявольская уверенность? — вспыхнул было Херсон, но тут же внезапно для себя самого сменил возмущение на хлесткий вопрос. — А как насчет завтрашнего вечера?

— Хорошо, проводи меня вниз.

На лестнице Ола прижала его к себе и долго целовала в губы.

На следующее утро Ета уехала во вторую столицу, ничем не выдав своего раздражения или удивления. Весь день Херсон слонялся из угла в угол, а в восемь вечера к нему пришла Ола. Тогда, три года назад, им помешала своим несвоевременным приходом его сестра, на постели которой

они собирались касаться друг друга. Теперь же им мешала некая другая сила, неосязаемая, но вполне присутствующая.

Раздевшись, они долго смотрели друг на друга, потом легли в постель в комнате сестры, там было удобнее, чем на узком диванчике в гостиной. Однако неожиданно Ола встала и накинув на голые плечи платок, принялась шагать взад и вперед по комнате.

— Я так не могу, — сказала она.

— Я вообще-то тоже... — Херсон встал и начал медленно одеваться.

— Извини меня, — сказала Ола. — Мне не нужно было сегодня приходиться.

— Это ты извини меня за вчерашнее, — ответил Херсон.

— Не важно.

Ола быстро оделась, поцеловала Херсона и, рывком открыв дверь, побежала вниз по лестнице.

Херсон встал у окна, а затем долго и тупо смотрел на ее хрупкую фигурку, медленно исчезающую в сумерках.

6.

В течение следующего месяца Херсон только и делал, что бесцельно убивал время: целыми днями до одурения слушал музыку, напивался и бесцельно шатался по городу.

Однажды утром он обнаружил в почтовом ящике открытку от Еты. Она писала, что в первой столице состоится грандиозный концерт «Космических артистов», билеты стоят весьма дорого, но она очень хотела бы попасть на действо в большой амфитеатр столицы. «Не волнуйся, — телеграфировал ей Херсон, — я приглашаю тебя на концерт, мы можем остановиться у моего друга Ши на несколько дней».

Через неделю они встретились в первой столице. И так же, как и в первый раз, стали активно убивать летнее время.

В первый день Херсон с боем достал билеты на модный в то время фильм «Хищные существа»; а на завтра они все-таки прорвались на концерт «Космических артистов», где и выплеснули в воздух свои накопившиеся за долгое время горловые эмоции. По соседству с ними кричали сестра Херсона и ее друзья, также «болевшие» музыкой великих «Космических артистов».

Ночью Херсон без труда овладел Етой, чего ему, собственно, давно хотелось, девушка восприняла это как должное, и следующие два дня они проводили в постели гораздо больше времени.

В заключительный вечер их совместного пребывания в первой столице Херсон пригласил Ету в «Супер-Лак-Термос» — помещение для медленного и плодотворного поглощения пищи. К сожалению, они немного опоздали к условленному со знакомым официантом Херсона времени, и в зал не попали. Безрезультатно прождав тридцать минут на шумной улице, они молча пошли вверх по проспекту Летающих ящеров.

— Ета, давай видиться чаще, — сказал Херсон. С сегодняшнего утра ему почему-то казалось, что между ними происходит действительно что-то важное.

— Зачем? — она улыбнулась, не выпуская своей ладони из руки Херсона. — Мы можем встречаться раз в несколько месяцев, меня вполне устраивает.

— Ты вправду не хочешь? — у Херсона появился металлический привкус во рту, и вполне определенно загудело в голове.

— Не хочу, — спокойно сказала Ета, не отпуская с лица тонкую кошачью улыбку. — Теперь пойдем домой, если ты хочешь чего-нибудь от меня сейчас, перед сном...

Херсон вернулся из первой столицы в свой небольшой город еще более опустошенным, чем прежде...

7.

Херсон, Рят и его приятель Вим сидели в магической комнате Рята и слушали последние записи группы «Обыденный мир», когда раздался телефонный звонок. Рят вышел в коридор, но вернулся через пятнадцать секунд с кислым выражением лица.

— Херсон, — окликнул он задремавшего друга, — иди к телефону, тебя Ола, не знаю, что этой «грезе» нужно, и вообще, откуда она знает, что ты здесь?

— Наверное, ей мама сказала, — Херсон только, что снял наушники и разобрал лишь вторую часть фразы Рята.

Взяв трубку, он услышал возбужденный голос Олы:

— Привет, твоя мама сказала, что ты у Рята. Что вы делаете?

— У нас в гостях Вим, и мы собираемся пойти на «Центральную площадь тряски тел», но если там будет множество отгалкивающих лиц, то мы пойдем в кафе «Несмыываемый гуталин» пропустить там стаканчик-другой...

— Херсон, можно я пойду с вами? — спросила Ола дрожащим голосом. — Мне до остервенения скучно.

— Не знаю, сейчас спрошу у Рята с Вимом, подожди секунду.

Херсон снова вернулся в комнату.

— Можешь не объяснять — слышали, — раздраженно буркнул Рят, — лично я эту напыщенную птицу видеть не хочу.

— Я с ней поговорю, — сказал Вим и пошел к телефону. Через пару минут он вернулся краснощекий и злой.

— Вот дура, — зарычал Вим, она еще будет меня раздраживать (Вим не выговаривал четко несколько букв обязательного алфавита).

— Ну и что ты сделал? — поинтересовался Рят.

— Послал ее в лесной парк к «подружкам» и повесил трубку.

— Ну, ты уж слишком, Ола все-таки не окончательно падшая, — сказал Рят и неожиданно для друзей позвонил ей домой. Он говорил с ней очень долго, а затем подошел к Херсону и кивнул ему с таинственной улыбкой:

— Иди, тебя ждут на линии.

— Да, — сказал Херсон усталым голосом, нетрудно было догадаться, что ему уже порядком надоело бродить из коридора в комнату и обратно.

— Вот что, Херсон, — сказала Ола, — Рят из вас самый нормальный и вменяемый «хлопыч», мы с ним договорились на субботу сделать небольшую «выпивайку», я приду с Нитой и Тилен, а ты тоже кого-нибудь пригласи, только не Вима, этого придурка я больше никогда не хочу видеть.

— В субботу?

— Да, мать Рята работает в ночь, так что вечеринку затынем до утра, спроси обо всем у Рята и будь готов!

— В смысле?

— Херсон, мои желания так быстро не проходят, — сказала Ола и повесила трубку.

В этот вечер молодые люди так никуда и не пошли, а Херсон так и не понял, что сказала Ола Ряту, чтобы изменить в корне его отношение к себе.

8.

Рят и Херсон съездили на день в Первую столицу, где купили ящик морского шампанского по очень маленькой цене — шесть с половиной квадратных монет за бутылку. В субботу утром они убрали гостиную, расставили всюду свечи в больших железных подсвечниках и в пять часов при-

сели отдохнуть, выпив по рюмочке свинцовой воды с большим обилием природных градусов.

— Да, — сказал Рят с довольным видом сытого кота, — ночка обещает быть горячеей.

— Чего ты ждешь от этой ночи? — напряженно спросил его Херсон.

— Того же, что и ты, — ответил Рят, нехорошо ухмыляясь.

— Я уже ничего не жду, и не только от этой ночи, — жестко сказал Херсон, делая акцент на каждом слове, так что Рят даже поежился от странного холода в его голосе.

Они пристально посмотрели друг на друга и с полчаса не разговаривали, погружившись в пучину мрачных мыслей. Из состояния глубокого оцепенения их вывел звонок в дверь, это пришел Силь, которого пригласил Херсон.

Девушки явились ровно в девять, и уже через десять минут все расселись за большим столом, на котором уютно расположились толаксеркские яблоки, амазонская колбаса, салат из Атлантиды, и наконец, прекрасный лунный индюк, тушеный в кипарисовом масле. Индюка принесли Нита и Тилен, а Ола выгрузила на стол сочную ногу женгеничного козла.

— О, — воскликнул Силь, — а эта почка северо-южного бараба очень, кстати, вкусная!

— Да это же печень гейзерового барата, — возразил ему Рят, — я не раз ел его в Камланске, когда мы стояли там на якоре.

— А по-моему, это крыло гемуэзского бараха, судя по тому, что жаркое очень уж сочное, — сказал Херсон, по крайней мере, я нечто подобное ел ребенком.

— Все вы не правы, — с улыбкой произнесла Ола, — всего-навсего это женгеничный козел, вы же кушаете его ногу, — и она отрезала себе аппетитный кусок.

— Да, хоть сам господь травяной бог, очень уж вкусно! — согласился «глубоко верующий» Силь и принялся, аппетитно чавкая, расправляться со свежим мясом животного.

Минут пятнадцать-двадцать все яростно насыщались, как будто бы готовясь к переходу через широкую и дивную пустыню, где могло быть огромное количество прекрасных миражей и головокружительные пропасти, но ни капли еды и воды. Ола первая отвлеклась от пищи. Сидя возле Херсона, она положила руку ему на бедро. Херсоном вдруг овладело могучее желание поскорее убраться в туалет или в ванную комнату в связи с недомоганием живота, головы и горла од-

новременно. Поскольку вечеринка лишь началась и таинственные крепкие напитки еще не были даже частично испиты, то у окружающих уход Херсона вызвал явное недоверие.

Через тридцать минут он осторожно всунул голову в дверной проем гостиной и увидел следующую картину: Ола сидела рядом с Рятом, ее рука лежала на его плече, и, судя по всему, они целиком были поглощены друг другом.

Силь тоже даром времени не терял и уже всю гладил ноги Ниты.

Херсон боком проскользнул в гостиную, сел около надушенной и тщательно завитой Тилен, похожей на дикую собаку, что внезапно обрела заботливого хозяина, и стал делать ей пышные комплименты.

Его отвлек звук громких, чавкающих поцелуев — Рят и Ола чуть не упали с дивана под стол. Выяснив, что им не хватает места, они удалились на кухню, тогда Херсон и Тилен вошли в комнату с картой на стене, оставив в гостиной Силья и Ниту. Херсон и Тилен поговорили на интересные темы вялыми голосами и, вконец утомившись, решили, что Тилен пора домой. Проводив ее до остановки Большого Пса и посадив в яркую железную кошку, Херсон вернулся в квартиру Рята и сразу из прихожей пошел на кухню попить простой воды.

Там он увидел полуголого Рята. Ола сидела у него на коленях и целовала его в грудь, они почти не обратили внимания на Херсона, только Ола сказала не оборачиваясь и не особо прерывая свое занятие: «Представляешь, Силь так надоел Ните, что она выпрыгнула в окно и убежала домой». Херсон ничего не ответил, он кивнул Ряту и вернулся на пахнущую дождем ночную улицу...

9.

Через несколько месяцев состоялась свадьба Рята и Олы, Херсон в качестве почетного гостя ступил в пределы печально известного заведения «Крепкая вода после бурной ночи», где в шикарном банкетном зале намечались торжества.

Все эти месяцы Рят только и делал, что постигал таинства «воительниц» и «грез» со своей новой подругой, при этом он почти полностью забросил живопись, и даже карта чудесных городов покрылась паутиной, которую свили городские, домашние пауки. Он больше не протирал от пыли грибы и кораллы, не заказывал на мировой почте черносиние альбомы о глубинах моря. Он платонически любил

свою Олу целыми днями, а когда его мать уходила разбивать ночные часы и затем собирать их по частям, Рят затаскивал Олу на диван в гостиной, где они продолжали радовать друг друга теперь уже физически.

Незадолго до свадьбы Херсон пришел к Ряту, когда там была его вездесущая мать. «Их нет, — сказала она, — но если хочешь, можешь подождать в его комнате». Херсон сел в свое любимое кресло и попробовал включить дизельный магнитофон, но в карбюраторе не было необходимой жидкости, и музыка скорее напоминала незнакомые человеческому слуху голоса инопланетных существ. Даже водопад на стене как-то поблек, а глаза животных смотрели устало и дико, метая со стены на стену острые горестные взгляды.

Вошла мама Рята и сказала, что уходит разбивать часы и чтобы Херсон дождал Рета с Олой, а если захочет уйти, то надо просто захлопнуть входную электродверь.

Херсон посидел в комнате друга еще час, пока вокруг него не забегали желто-зеленые лунные зайчики, придавая настенным росписям окончательно таинственный вид. Он вспомнил о последней вечеринке, проведенной здесь с Рятом, когда тот рассказывал ему о своей юношеской любви к длинноногой горной деве Хане, приехавшей в город из снежных поселений на вершине Летающего архипелага. Она отвергла тогда еще совсем юного Рята, и он целыми днями писал картины, буквально заваливая ими в целом небольшую квартиру, несколько из них висели теперь в комнате Херсона и даже в спальне у его сестры. Вспоминал Херсон и тот странный день, когда они впервые пригласили сюда двух стражниц из «батальона лунных стрелков»: девушкам было еще так мало лет, впрочем, как и Херсону с Рятом, первый еще только готовился к могучей армии, а второй только начинал бороздить морские глубины и прибыл в кратковременный отпуск.

Херсон помнил, как купив в магазине «Ночной сосуд» дымящиеся вина «Бычья кровь» и «Медвежье сердце», они перешли в «Лавку непримиримых», где на последние деньги взяли бутылку океанской острой воды «Крыло одинокой птицы» и рулет из вишневого семейства многорогих, девушка, отпускавшая товар дала им неоплаченную пачку терпких стрел для курения IV вида. Рят из лучших побуждений попытался вернуть их в кассу, но девушка только засмеялась и отрицательно помотала головой. Всю дорогу до дома друзья «делили» стражниц, а в результате получилось все наоборот распределению. Та, которую Рят прочил Херсону,

первая атаковала Рята, и он поддался, узнав, что она с вершин Многоглазой горной гряды (место, находящееся довольно-таки близко от жилища его первой любви). Это была черноглазая дикая дева, и Рят чуть не задохнулся в ее жгучих объятиях. Херсон недолго беседовал с Синекровной Северянской из Ледотурга о предметах из серебряного и водяного снега, заговорившись, они совсем забыли о намечавшейся близости, которая вдруг стала совсем не нужной...

Херсон поднял голову и посмотрел в окно, словно бы пробудился от тяжелого, мутного сна. «Вот он, шаг в неизвестность, шаг в другой, манящий и яркий мир, мое окно», — подумал он. И вдруг почувствовал, что им уже давно утрачено что-то очень важное и оно продолжает уходить из него длинным тонким потоком, извиваясь, как тайский дракон.

Внезапно Херсон твердо осознал, что, вероятно, он последний раз в комнате друга, поскольку Рят и Ола собирались переехать в большой круглооконный особняк, и, пожалуй, впервые по-настоящему задумался о том, что у нас на земле окончательное завершение псевдовечного временного отрезка дружбы или любви непременно напоминает приход смерти с прозрачно-лунной походкой и паутиной, растающей в мыслях и глазах.

Херсон вылез на улицу через окно, символ своей хрупкой мечты, разрубив ее напополам и оставив лучшую часть умирать на диване в комнате друга. К приходу Рята и Олы она уже окончательно растаяла и выветрилась через чуть приоткрытое окно. По улице шагал в своих глухих сапогах суровый осенний ветер, но даже и он не заметил тоненькую белую струйку, плывущую вверх к черным облакам мутного в пятнах неба.

10.

Так проходили дни и месяцы жизни Херсона: от губ вновь встреченной им на свадьбе у Рята Ниты — к объятиям юной Алии, которую любили поочередно Треугольные бандиты и из-за которой они едва не избили Херсона, потом была еще красноволосая Нал, чем-то похожая на Ою.

Она жила в «Железном доме» в двух пустых белостенных комнатах. Херсон встретил ее зимой и почти сразу же переехал в ее жилище. Днем он сочинял стихи, она изучала язык рыцарей и рыбарей «Гарпунного ордена», а вечером они гуляли по снежным темным улицам, и Херсон пел ей песни группы «Рыбий замок».

В один из таких вечеров ему даже показалось, что он снова обрел «свое окно». Они сидели на кухне, падал чистый прекрасный снег, а Херсон ел мясные бивни матумба с жареной средиземной картошкой. Он был страшно поглощен едой и лишь однажды поднял глаза вверх. Нал смотрела на него с чуть заметной тонкой улыбкой, и в ее глазах отражался падающий снег. Ее взгляд был до неосязаемости прозрачен.

— Ты что? — спросил пораженный Херсон.

— Я люблю смотреть насквозь и внутрь тебя, находясь в пустых помещениях. Ты способен заполнять их собой, — сказала она.

В тот вечер Херсон так и не смог доесть аппетитного жаркого из матумба...

Но и с Нал Херсон был недолго. В конце зимы в город приехали разжигатели многолюдных костров и артисты голографических туманностей. Нал все время проводила с ними, и вскоре Херсон понял, что здесь что-то не так. Она возвращалась домой лишь под утро, уставшая и полупьяная, и сразу же ложилась спать.

В один из холодных зимних дней Херсон застал ее лежащей в ванной и курящей сильный наркотик «Листья саванны».

— Привет, — сказал он, — ты давно пришла?

— Двадцать минут, — сказала Нал, намыливая одной рукой грудь и пуская к потолку сиреневые кольца едкого дыма.

— Сегодня ты будешь вечером дома?

— Нет, сегодня и завтра меня не будет, я уезжаю в первую столицу с голографическими артистами.

— Прощай, — сказал Херсон и положил ключи от квартиры на столик в ванной комнате...

Как раз в этот же самый вечер к нему в гости приехал бывший воин и сослуживец Херсона по могучей армии многоразовый фотограф Шатр.

Шатр очень любил противоположный пол; в сущности, ему было все равно, с кем иметь дело: с «длинноногими грезами», «суровыми воительницами» или с «редкодоступными» богинями. Он не пропускал мимо себя никого. Однако одна особенность в Шатре бесконечно поражала: если Херсон знакомился с какой-либо молодой особой, то она сразу же разжигала в Шатре определенный интерес, и он старался овладеть ею во что бы то ни стало.

Мать Херсона, вскоре уставшая от присутствия Шатра, сказала, что он, судя по всему, подходит под одну из теорий

знаменитого эротического аналитика и ученого Дрота, и что на самом-то деле он глубоко влюблен в Херсона, но только все это, конечно, на подсознательном уровне, сам Шатр об этом не знает, но интуитивно старается прикоснуться к той, чье тело касался Херсон или мог бы касаться.

Прожив в доме родителей Херсона два месяца, Шатр неожиданно исчез. Но перед этим с Херсоном произошла история, требующая отдельного воспоминания, в которое он кстати не преминул углубиться.

11.

Однажды утром Херсон и Шатр прогуливались по узким улочкам в центре города.

Наступила весна, и обезумевшее солнце бегало по грязному, еще не полностью сошедшему снегу, по стенам домов и лицам прохожих, кувыркалось в стеклах многооконных важных зданий и манило за собой куда-то в глубь фиолетового в белых облаках неба. Херсон и Шатр остановились у столика небольшой питейной пещеры, собираясь заказать жиденького кофе с шоколадными гренками, и тут они увидели...

Нельзя сказать, чтоб она была очень красива, но все-таки что-то в ее облике неудержимо притягивало. Ее волосы голубовато-белого цвета были тщательно причесаны и уложены в среднеевропейское каре. Взгляд аккуратно накрашенных больших глаз падал на лица окружающих мягкой, глубокой полосой, а чуть подведенные воздушной краской губы тонко и таинственно улыбались.

Она грациозно прошла мимо кафе и скрылась за поворотом. Друзья обратили внимание на ее ярко красное в черных цветах платье и темно-коричневые туфли на странном квадратном каблуке.

— О... — сказал Шатр. — Прошла необыкновенная женщина, далекая от однодневных «грез» и скучных «богинь».

Допивая кофе, они все еще смотрели на облупленный угол здания, за которым скрылась Она...

12.

Херсон и Шатр медленно подходили к дому, где жила Она. Несколько дней они тщетно искали следы таинственной девушки на ленивых улицах города и в конце концов обнаружили их совершенно случайно.

Херсон зашел к знакомым родителей, где разговорился со своей старой знакомой Атей. Атя была красивой и любопытной девушкой.

— Сейчас ты один? — спросила она после небольшого количества кислого янтарного вина.

— Не совсем. Я постоянно думаю об одном человеке и даже пробую разыскать ее на улицах города.

— Как она выглядит? — Атя снова наполнила бокалы и закурила мерцающую траву.

Херсон описал девушку именно так, как увидел ее в первый раз.

— Неужели? — воскликнула Атя. — А что если я знаю худенькую блондинку в красно-черном платье? А что если она живет в соседнем подъезде?

— Не может быть, — возразил Херсон. — Такие совпадения бывают крайне редко.

— И все же, — сказала Атя, — я думаю, что именно она каждое утро просит две-три сигаретки с мерцающей травой у моего мужа.

— Ну хорошо, — решил Херсон. — Попробую завтра утром...

Они подошли к центральному входу в дом-трапезию, где жила Атя, и Херсон вошел в подъезд. Шатр сел на скамейку у входа и стал его ждать. Херсон поднялся на третий этаж и позвонил в дверь посередине. К его крайнему изумлению дверь открыла именно она.

— Добрый день, — сказал Херсон.

— Здравствуйте, но я Вас не знаю, — ответила девушка.

— Вас зовут Мия, и вы изучаете великую историю, а каждое утро курите мерцающую траву.

— Да, пока что меня еще зовут Мия, я действительно учусь в Медно-Красном Университете, а траву курю и вечером тоже. Но если Вы пришли мне это сказать, то несмотря на то, что это крайне мило с Вашей стороны, я все же закрою дверь.

Она попыталась привести приговор в исполнение, но Херсон ловко вставил ногу в дверную щель.

— Я принес Вам травы, — сказал он.

— Премного благодарна, — Мил отвесила шутливый поклон и вдруг настежь распахнула дверь.

— Спасибо, — Херсон не растерялся и протянул ей пачку магического табака.

Мия посмотрела в его лицо долго и пристально, взяла пачку и, скрестив руки на груди, прислонилась к зеркалу в коридоре.

Херсон шагнул за порог. И остановился.

— Если наша беседа быстро заглохнет — мое место за дверью, — сказал он.

— Да, но вначале я напою тебя чаем из озерных водорослей, — рассмеялась Мия и пошла на кухню, удивленный Херсон направился вслед за ней...

Прошло уже пять или шесть часов с момента их встречи, а они все еще сидели за столом в узенькой кухоньке и раскрывали друг другу себя.

Часа три назад к ним ненадолго присоединился обескураженный до крайнего предела Шатр — он и в самом деле никак не мог поверить в возможность происходящего. Шатр с трудом обнаружил загадочную дверь и после получасового наблюдения за Мией и Херсоном неожиданно удалился.

За окном уже начало темнеть небо, когда Херсон спросил Мию, не хочет ли она прогуляться. Она молча кивнула, и они пошли бродить по каменистому пляжу Прозрачной реки.

Еще через час Херсон позвонил домой и услышал радостный голос сестры Ли. Когда он объяснил ей в чем дело, она захлопала в ладоши и прокричала в трубку что-то типа: «Познакомился-таки. Не с богиней и не с грезой. Замечательно. Приходите быстрее, потому что мы едим больших северно-ледовитых рыба». Тем же вечером Мия оказалась в гостях у Херсона, тем самым в очередной раз подтвердив тезис о вероятности невероятного.

13.

Херсон пришел в себя, потому что кто-то дергал его за рукав.

— Хэй, привет, — сказал крепкий детина с мощным загравком.

Музыка «Трех Аэропланов» достигла апогея, а количество разнообразных дам изрядно уменьшилось.

С трудом Херсон узнал в подошедшем человеке своего попутчика по длиннокрылому летающему кораблю.

— Привет, — сказал Херсон. — Весьма неожиданная встреча.

— Поехали с нами, — сказал крепколобый детина и показал на человека, похожего на короля лесных обезьян. Последний выдавил из себя погасшую улыбку и подошел поближе.

— Ык, — представился он.

— Я Херсон.
— Давно знаешь Кыба? — спросил Ык.
— Вместе летели из страны длинных зданий.
— Ты часто там бываешь?
— Я там живу, — ответил Херсон.
— Поехали с нами, — сказал Ык, и его огромная волосатая конечность легла на плечо Херсона.
— Здесь недалеко есть аллея свергнутых воительниц. Они бедны, и у них нет абсолютно никакого прикрытия. Мы возьмем троих в мой лощенный мотодактиль и помчимся в дом к Илу. Мы заставим их делать все, что нам захочется: любить нас, любить друг друга на наших глазах, танцевать без одежды и пить до одурения, лежа обнаженными на столе. Поехали, ты такого давно не видел, при этом нам это будет стоить с десятков квадратных монет, и то эти деньги они получают на обратную дорогу при условии качественной работы. За сам процесс они, разумеется, ничего не получают.
— Поехали, поехали, — продолжал уговаривать его Кыб. — А то ты что-то загрустил. Надеюсь, что в этот раз нам попадутся более сговорчивые. Прошлый раз Ык разбил двум лицо, а одной посадил почку, они плохо понимали, что от них хотят.

— Хорошо, — сказал Херсон. — Я только схожу в туалет, и встретимся через десять минут у бара.

— Идет, — усмехнулся Кыб и похлопал Херсона по плечу, — славно отдохнем, попутчик.

Херсон прошел мимо суровых стражей людского места, затем — через длинный мрачный коридор, в конце его наткнулся на узкую маленькую дверцу. Он с силой толкнул ее и вышел на пахнущую осень улицу.

14.

Херсон не спеша шел к международному месту прилетов и вылетов и вспоминал свою последнюю встречу с Мией, которая случилась уже спустя восемь месяцев со дня их знакомства. Мия открыла ему дверь и сразу же ушла на кухню. Она молчала.

— Я не знаю, как так вышло, что я перестал тебе звонить, — Херсон замаялся и сел на табуретку. — Я очень жаляю. Может быть...

— Нет, — перебила его Мия. — Я ждала множество дней. Теперь я хочу спокойствия, понимаешь. Ты сделал мне очень больно.

Она отвернулась и посмотрела на грязные сугробы за окном. Херсон последовал взглядом за ней.

Он никогда не знал, чего хочет от Мии. Не знал в самом начале, не сознавал и теперь. Ему как всегда что-то мешало быть самим собой... Он стал качаться на табурете и вдруг вспомнил о Лге...

Солнечным осенним утром в его дверь раздался настойчивый долгий звонок. Открыв дверь Херсон немного удивился: перед ним стоял Шатр.

— Я знаю, куда ты пропал, — сказал Херсон, — ты закрытил с Нал.

— Я женюсь на Нал, — сказал Шатр и без приглашения прошел на кухню. — Свадьба через несколько дней.

— Ну и что? — спросил его Херсон, все еще стоя в прихожей. — Собственно, не пойму, причем здесь я?

— Да не хочу я этой свадьбы. Мне кажется, я ее не люблю.

— Тогда не женись, — сказал Херсон, пройдя в кухню и наливая Шатру чай.

— Теперь уже слишком поздно...

Шатр бросил в чай ломтик лимона и сделал патетический жест левой рукой.

— До свадьбы два дня, все уже оговорено, она состоит в доме у родителей Нал. Счета оплачены. Цветы заказаны. Кстати, и ты приглашен, можешь с кем-нибудь прийти, если хочешь.

— Да ты с ума сошел! Тебе что, не хватает второго развода и второго сына? Или в двадцать одну весну ты уже слишком стар?

Херсон удивленно смотрел на Шатра.

— Да я и сам не знаю, что делать, — Шатр меланхолично пожал плечами, — но теперь, кажется, и вправду мне придется жениться.

Бывшие воины тяжело помолчали.

— До четверга, — сказал Шатр наконец и медленно пошел ко входной двери.

15.

В четверг около двенадцати часов дня Херсон явился на свадьбу Шатра и Нал в сопровождении длинноногой вертялой Лги.

Лга умела обращать на себя внимание мужчин, так что даже Шатр, выступавший в роли блестящего жениха, не

удержался и во время редких отлучек от Нал целовался со Лгой на балконе.

Вероятно, небесные светила в этот радостный день располагались в вышине не совсем обычно, поскольку в четыре часа Шатр не без скандала покинул невесту, судя по всему, в связи с очередным жгучим желанием. Лга, Шатр и Херсон встретились с Мией, а затем направились в музыкальное кафе на свадьбу Тка и Тыи, происходившую в тот же день.

За длинным, на восемьдесят человек столом между Херсоном и Шатром состоялся пренеприятный разговор.

— Послушай, Шатр, ты хоть когда-нибудь чувствуешь предел, и есть ли предел тому, что ты делаешь с людьми?

Шатр увеличил в глаза, но ничего не сказал. Лга накинута на Херсона:

— Перестань, ему и так тяжело. Не лезь к нему со своими обвинениями!

— Да у него даже не жена дома, а еще невеста! — взорвался Херсон, сам не понимая почему.

— Он и женат-то всего несколько часов. Да я вообще не понимаю, что ЗДЕСЬ ПРОИСХОДИТ! — закричал он.

Лга встала из-за стола и удалилась на улицу, гордо вскинув голову. Херсон побежал за ней:

— Ладно, успокойся, я не про тебя, пойдем лучше выпьем.

16.

К вечеру свадьба переместилась на окраину города. В грязном и запущенном доме гости пили абрикосовый спирт, закусывая абсолютно чем попало. Шатр сидел, надувшись, как индюк, а Лга танцевала с очаровательным Вивой.

В конце концов Шатр встал, попрощался и, судя по всему, поехал к ждущей его невесте.

Мия подошла к Херсону:

— Я пойду покурить на улицу, ладно?

— Конечно, зачем ты спрашиваешь...

Мия ушла, и Херсон на мгновение задремал, но, открыв глаза, увидел перед собой возбужденное лицо Лги. Она только что закончила танец с Вивой и, разумеется, была в курсе всего, происходящего в комнате.

— Что за телячьи нежности, Херс, у нас спрашивают даже разрешения покурить?

— Тебя это не касается, — Херсон вдруг почувствовал, что его решительно раздражает окружающая обстановка.

— Потанцую? — Лга схватила его за руку и потащила в центр комнаты.

Херсон прижал ее к себе ровно настолько, насколько требует медленный, но не особенно эротический танец. Внезапно он почувствовал жаркие губы Лги на своей шее.

— Что ты делаешь? — спросил он, чувствуя, как горячая волна разбегается вдоль позвоночника.

Лга подняла голову и поцеловала его в губы. Она повернулась, и Херсон увидел сидящую в углу комнаты Мию. Кроме них троих, в комнате больше никого не было. Мия не двигалась и, казалось, смотрела сквозь стену. «Может быть, она не заметила», — подумал с надеждой Херсон.

Через полчаса, уже перед самым уходом, он и Лга оказались в неубранной ванной комнате, откуда вышли через десять минут после страстных и долгих поцелуев. «Во всех нас уже разбужен зверь», — подумал Херсон, спускаясь по лестнице и держа Мию за руку...

17.

Херсон и Мия шли к остановке Малого Пса, когда их догнала Лга.

— Представляете, этот Вива каков нахал, а? — она заговорщически заглянула им в лица. — Я думала, он проводит меня до дома, а он говорит: «У меня есть друг Рык, у Рыка, в принципе, небольшая комната, но в ней стоят две железных угловатых софы, мы можем к нему зайти, я взял с собой литр абрикосового спирта». Ха! — Лга капризно передернула плечами. — За кого этот пошляк меня принимает?

К остановке не спеша подъехал пес. Втроем они удобно расположились на двухместном сиденье в его вместительном брюхе, и вскоре на плечах Херсона оказались две головы задремавших девушек. Темно-каштановые кудри Лги легли на его левое плечо, а светлые волосы Мии оказались на правом. На одной из остановок в брюхо пса сели знавшие Херсона воительницы и так удивились, что забыли с ним поздороваться.

Первым на их пути был дом Мии, затем Херсон поехал провожать Лгу. Она никогда не знала, что ей нужно от Херсона, но, видимо, осталась довольна тем, что после этого вечера, он вдруг перестал звонить Мие и стал звонить ей...

18.

Херсон посмотрел на застёжки серого платья Мии, выделяющиеся из темного однотонного моря материи и переходящие в белизну шен.

— Жаль, что все так получилось, — сказала Мия, отворачиваясь от окна. — Наверно, всем нам надо больше думать над тем, что твое, а что не твое. Надо чувствовать, на что мы имеем право, а что нам никогда не будет дано. Заходи ко мне иногда.

Мия печально улыбнулась:

— Мне все же хочется тебя видеть. Хотя внутри меня еще сидят лицом друг к другу боль и пустота.

Боль и пустота... Херсон спускался по бесконечной лестнице вниз, а два тяжеловесных слова все еще прыгали вокруг него в грустном полумраке подъезда.

19.

Херсон зарегистрировал билет, взял багаж и пошел пить кофе в вырубленный в куске большого железа питейный зал.

Интересно, зачем он позвонил Лге в день Великого Несчастья, когда все сходились на том, что возникнет опять военная ситуация и будет еще один Переворот? Неудивительно, что вернувшись из второй столицы, Херсон сразу же встретился со Лгой. Прошел почти уже год после того, как Херсон расстался с Мией, но последние месяцев восемь они со Лгой не виделись. На этот раз Херсон и Лга все же перешли определенные ими же самими рамки, и их дружба стала перерастать в отношения несколько иного плана.

В сентябре того же года Лге исполнялась двадцать одна весна, и они с Херсоном стали заранее готовиться к празднику. В этот день стол в гостиной Лги был украшен множеством свечей, салатов и пестрых бутылок морского шампанского.

Когда собрались все гости, Лга обняла Херсона, доставшего ей едва до плеча (в связи с тем, что к черному платью она надела красивые туфли на огромном каблуке), и произнесла торжественную речь о том, как приятно встречать двадцать первую весну в компании столь блистательных друзей, и в том числе любимого Маленького Друга. После этого все стали есть, пить и смеяться, а затем сели на пол и продолжили праздник игрой в бутылочку, во время

которой юноши должны были целовать в губы девушек, девушки целовались также между собой, если крутящийся предмет, и тот на кого указывала бутылочка, оказывались одного пола. В один прекрасный момент бутылочка показала на Херсона, в этот момент ее крутил знакомый Лги, симпатичный юноша Сандр с тоненькими усиками над верхней губой. Херсону пришлось целоваться с ним около сорока секунд под восторженные крики остальных играющих...

Ближе к утру гости расплзлись по комнатам, некоторые переместились ближе к экрану необходимого телевизора и стали смотреть кассеты с фильмами страстного содержания. Херсон уединился в комнате с одной из приглашенных девушек. Гостью звали Та, и она жила возле первой столицы.

Утром она уезжала домой. Та умела гадать на руке и стала предсказывать Херсону его ближайшее будущее. По ее словам, Херсон должен был уехать в страну длинных домов и остаться там навсегда, в двадцать четвертую весну он должен был встретить свою первую жену и стать тем, кем он есть, а в тридцать шестую — сорвать гроздь небывалого триумфа, кстати, в тридцать пятую весну ему нужно быть крайне осторожным и беречь свою хрупкую жизнь. Послушав деву и посмотрев в ее огромные глаза, Херсон, как всегда, потерял над собой контроль и решил встретиться с девушкой в пять часов вечера в первой столице. Решающим оказался тот фактор, что в лунном свете Та очень напоминала ему Ою.

Херсон встретился с Та в пять часов вечера в первой столице и, погуляв немного по пустынным проспектам, они вернулись в его город; родители и сестра Херсона уехали на неделю, и Та, конечно же, остановилась у него...

20.

Херсон прошел сквозь суровый строй зелено-форменных охранников благосостояния Республики и пошел в разноразличной толпе к трапу самолета. Вот и сиденья, ремни, круглое окно ждет прикосновения облаков. А ведь Лга чуть с ума не сошла, когда обнаружила, что он предпочел ее Те. А почему он предпочел ее Те? Он вспомнил, как они втроем (втроем!!!) поехали во вторую столицу. Исчезнув из квартиры за день до возвращения родителей Херсона, в тот же вечер они сняли в маленькой красивой гостинице трехместный номер и, едва войдя, сдвинули три кровати, поскольку

Лга убеждала их, что они все трое — одно целое. Он помнил, как Та отшучивалась, а затем спокойно заснула, повернувшись на правый бок, в то время как Лга добилаь от Херсона того, чего так давно хотела.

Наутро, когда Херсон уехал на встречу со своим знакомым, она рассказала Те о том, что произошло ночью...

Та спокойно посмотрела сквозь Лгу:

— Ну и что?

— Да ничего... Все. К тому же, в этом отношении он не так хорош, как я думала.

— Мне нравится, — сказала Та и не спеша направилась в душ...

21.

Херсон закрыл глаза, когда самолет врезался в густое море облаков и всплыл в какую-то странную прозрачную пустоту. Он увидел себя в белом костюме, стоящим возле больших оранжевых часов, он смотрит на стрелки, но никак не может понять, сколько времени. Но вот он бросает это бесполезное занятие и идет к маленькому пустынному вокзалу в каком-то захолустном городке. Херсон смотрит на рельсы и видит среди них стрелочника с лицом, по которому невозможно определить возраст.

— Извините, а когда следующий поезд? — спрашивает его Херсон.

— Скоро, — отвечает стрелочник и с серьезным видом ковыряет рельсы какой-то длинной железякой. «Наверно, он действительно занят», — думает Херсон. Он переводит стрелки. Через минуту стрелочник поднимает свое лицо вверх. «Если хотите, можете подождать в буфете», — говорит он и показывает на маленький квадратный домик, почти примыкающий к рельсам.

Херсон входит внутрь обшарпанного помещения и видит за прилавком дородную, большую женщину с красным лицом. По этому лицу тоже невозможно прочитатъ возраст.

— Бутерброды, кофе, — говорит женщина и показывает пухлым пальцем на облепленный мухами прилавок.

Херсон нехотя достает кошелек и покупает два бутерброда с желтым старым сыром и чашечку мутно-серого кофе. Он жует черствый хлеб, запивает его безвкусной едкой жидкостью и ждет поезда, смотря на зияющие в стенах помещения дыры. Иногда, словно увядшие листья под давлением крепкого ветра, кусочки штукатурки отделяются от стены

и падают вниз маленькими шариками, странно смотреть, как они разбиваются об пол, брызгая в воздух беловатой пылью.

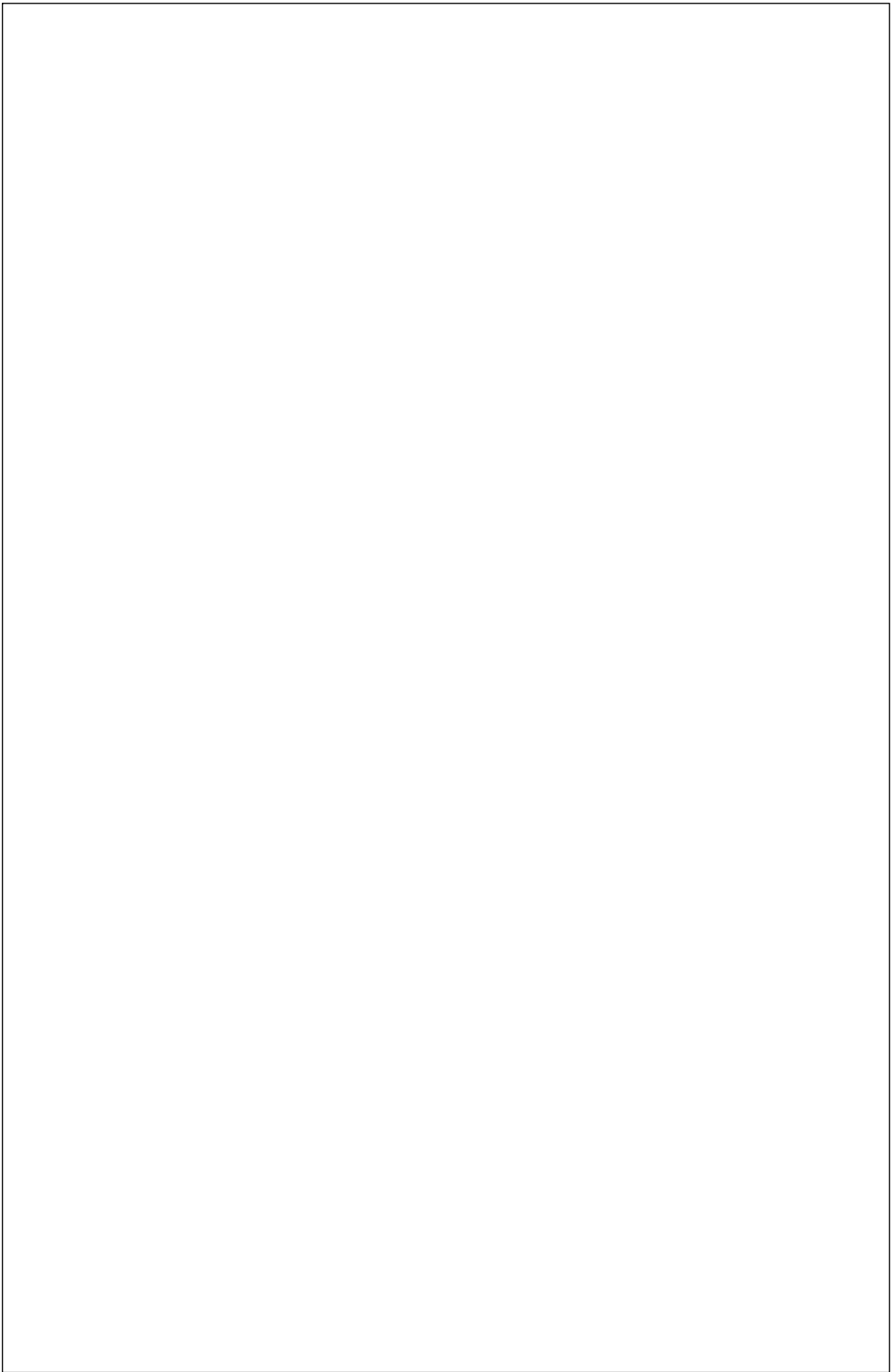
Поезд так и не приходит. И на следующий день история повторяется. Опять стрелочник, лицо которого невозможно запомнить. Опять толстая женщина, дырявая стена и черствые бутерброды. Тягостное, бездонное ожидание. Так продолжается множество, множество дней, и вот однажды Херсон замечает в грязном стекле витрины буфета свое отражение: у него длинные седые волосы, продолговатый нос и очень темные, цвета ночи глаза. Тут Херсон вдруг понимает, что ему уже очень много лет и, судя по всему, он бесконечно стар; он смотрит на буфетчицу — а она такая же красная и пухлая, как множество лет назад. Херсон бросается к рельсам, он видит стрелочника, его маску-лицо, сколько ему лет? Стрелочник замечает Херсона и вдруг делает шаг к нему.

— Тот поезд, который ты ждешь, может никогда не случиться, но я должен здесь быть, я должен говорить тебе, что он придет, и отправлять тебя в буфет. Это моя работа, — он вытирает со лба внезапно выступивший невидимый пот. — Не застывай, не горячись, вполне вероятно, что скоро придет другой поезд, которого ты не ждешь, но который увезет тебя с этой станции. Рано или поздно он увозит всех нас. Именно так мы меняем лица и города.

— Самолет идет на посадку. Пристегнитесь. Температура в городе длинных домов около двадцати градусов выше нуля, дождя нет.

Звонкий голос стюардессы перебегал из уха в ухо. Херсон зашевелился в кресле и открыл глаза.

За окном распахнулось безоблачное небо, а внизу показались маленькие дома. Они стояли на своих местах и тем не менее росли с каждой секундой. Они становились длинными домами.

3.

О
Д
И
Н
О
Ч
Е
С
Т
В
О

Л
Е
Т
А
Ю
Щ
Е
Г
О

Ж
У
К
А

1994-1997

И в поэтическом стремлении,
В великолепном настроении
Ловлю я ветра крепкий бриз,
Под белыми и бурными волнами
Соединюсь и я с невидимыми вами,
Укроюсь от ненастья брызг.
У нежности колючих скал
Я научусь весеннему смирению,
У чаек моря — ласковому пенью,
И гладь вберу в себя
прибрежного песка.

А.Б.

Август — мертвый сезон,
Солнце — желтый урод,
Ко мне приходил цветной сон,
Приносил гололед.

Что же такое лед?
Думаю, взбитый снег.
Отчего выступает пот
И куда исчезает свет?

Игра в разноцветные шары,
Это, знаете ли, мило,
Одних по утру ждут дары,
других караулит могила.

Через четыре дня моя сестра
Снова родится,
Она — это центр огня,
У меня будет шанс напиться.

Август — мертвый сезон,
Только не для меня,
Я наблюдаю сон
Вечером каждого дня.

Складки неба блещут тушью,
Облака пестреют гримом,
Сгустки запоздалой ночи
В лужах плещутся незримо.

Из окна теку я в небо,
В розоватые спирали,
Перевернутый художник
На встревоженной скрижали.

В шкуре вечного жирафа,
В чешуе прозрачной рыбы,
В крыльях несозревшей птицы
Я напоминаю глыбы.

Звезды реют в бессознании,
Я хватаю их за лица —

Лишь хрипят, кидаясь светом:
Звезды не способны злиться.

Там, в полу протекшей бездны,
Молча ждет меня встревожник,
Я бреду по перьям ночи —
Перевернутый художник.

Перевернуться утром мыслей нет,
Поезда в никуда идут не часто,
Разукрашенный конвой дождей
Лениво роняет капли-ласты.
Топтание на мокром перроне,
Разлитие смеха усталым,
Воздух колышется бритвой,
Скалится острым забралом.
Выжаться слабым дождем,
Разбухнуть ненужным криком,
Стать бы голодным огнем
И прожить многолико.
Мне нужно оставить этот город,
Я исчезновением вспорот...

Когда мы только лишь вышли,
Небо еще темнело
Беззвездием синей кожи,
Глазом луны тяжелело.
Побеги волос серебрились
Цветом рожденного чувства,
Робкие кляксы рассвета
Несли на себе искусство
Утреннего диссонанса,
Угрюмый калибр света.
В октябрьских лужах лежала
Улыбка умершего лета,
Синяя шерсть мерцала,
Клубы облаков повисли,
По лицам текла усталость,
Когда мы только лишь вышли...

Когда слабеющей рукой
Бросаю рифмы в терпкий холод,
Отчаянье свербит дугой
И тошнотой свернулся город.
Не зная точного числа,
С трудом припоминая месяц,
Раскинув линии лица
По миру, что стал жутко тесен,
Я подниму к тебе глаза,
К твоим порезанным высотам,
Не приподнимется слеза,
Что пала жертвою в пустоты
Изрубленных на части дней,
Зарытых заживо иллюзий.
Ступай безлиствием ветвей,
Подставь под поцелуи груди.
Кому-нибудь, кто крайне чист
Неразумием разрыва,
В огонь кладу увядший лист
И жду ночных дождей прорыва.
Во мне — протекшие часы,
Отлив тепла и горечь взрыва.

Мы упивались любовью на звездах,
Ты сказала: «Давай прыгнем в море,
Измерим стрелою прыжка
Веселость смерти вершка».
Ты сказала: «Давай прыгнем в море».
И мы полетели вниз, и вот страх полета
Наслаждался нами, наполняя криком
Сердца. Было темно, и я не видел
Цветок твоего лица, в воздухе
Не думалось о твердой опоре,
Мы прыгали в море.
Бурная жидкость нас поглотила,
Но, продолжая плыть вниз, мы не думали
И мы не знали, как выглядит дно карниз,
И мы не знали, что сказать воде.

Мы упивались любовью на звездах,
И мы упились любовью на дне.
Ты сказала: «Давай прыгнем к небу,
Измерим сутью прыжка
Веселость смерти». Не споря,
Я прыгал с тобою к небу,
Я прыгал с тобою в море...

Курился белый фимиам
Над восходящею звездой,
И ангелы брели домой,
Любуясь голою луною.
Любуясь голою луной
Межзвездный брат любил сестру,
Приговоренною Зимой
К непробуждаемому сну,
Приговоренною живой.
Стучал под окнами февраль,
Дитем от снега и дождя
Неохраняемый грааль
Необразованного льда.
Тепло звездой дымилась ночь
Как раз над братом и сестрой,
Устала облака толочь
И ангелов водить домой.
Февраль дарил полет словам,
Курился белый фимиам...

Видишь, какая-то мысль падает
на Монматр сквозь толщу
февральского неба, царапая редкие
звезды.

Висит полуночный инок
капюшоном прозрачным, небо
ночью окрасило кожу, но ночь оказалась
белой для того, кто еще различает
оттенки белого цвета.

Я начал считать их, тридцать насчитал
за одну минуту.

Это занятие бросил — дождь завел
свою песню, заскрежетал по листьям
хрустящих голов деревьев, выбежал
прочь из тучи в короне из капель —
перьев.

Так сбежавший властитель,
расточающий
звонкие слезы, забыл
хрустальность
одежды, в высотах, глазам
недоступных.
Черный плащ — одинокая туча
загорелась на теле ночи, впервые
кристально-белом, режущем
глаз удивленьем.

Зачем все это над нами?
Кто здесь в игры играет,
льет различные краски,
двигает в стороны массы,
молчит в преддверии крика!

Вот собака с глазами-углями,
что еще подернуты краской
огня, трясущего воздух,
являет присутствие лика
вечнотекучей печали,

Видишь! Какая-то
мысль падает на Монматр глазами
этой собаки, хрустом тусклых
деревьев, цветом белеющей ночи,
моим опрокинутым чувством,
ползающим по камням,
звонким, как майский ливень, —
движение весенней печали,
острым, что капли-стрелы
дождей, оставивших тучи
(тех, что по крышам стучали).

Не возвращаются рыбы из океанов
в озера, шагов, оставленных где-то,
не возвращается эхо,
следы, лизавшие землю,
скрывают свой отпечаток.
Зачем я пытаюсь постигнуть
парадоксальный цвет ночи?
Зачем эти вечные взрывы
В теле, уставшем от шторма?
Почему ее видят черной?
Ночь родилась красивой,
Красивой и непокорной!

Смыкание глаз,
В углублении теплом
Ближе к закату
Вот-вот взорвется, поблекнет
Пришедшего сна граната.
А повалимся на полы
 ковровые,
Пробежимся по потолкам,
Тени многоголовые
Распределим по углам.
Кто больше устал: моря,
В которых ползают рыбы,
Или глаза дикаря,
Шевелящие глыбы?
А попробуем в ощупи
Разность пришедших дождей,
Раскинем победные поступи
Жаром кричащих огней.
Кто больше устал: леса,
Фильтрующие ночь,
Или прошедшие дни,
Ковыляющие прочь?
Вечер прозрачным оком
Жался к прохладе стекла.
Минута ласкалась часом,

И птица мимо текла
В зигзагообразные дали,
Чертя многогорье крылом,
Я собрался водою
И разлился огнем
В углублении жарком.
Ближе к закату
Солнце жгло по-спартански
И луну считало пиратом,
В углублении жарком
Я разлился огнем,
Резала сна граната
Вечера битым стеклом
Размыкание глаз.

Метнув минуту в глаза закату,
Сердцем хлопнув прыгнувшим,
Теплым дыханьем уходящего
Брата, сквозь воздух вечерний
хлынувшим,
Считая ступней неровности камня,
Устало схватившего город,
Я стою, окруженный ночью,
Горизонт которой распорот.
Я обнимаю горячую гладь,
Я приближаю яркую ртуть —
Из жарких глаз ее не изъять,
Но опрокинуть в грудь
Хлестким теченьем из горла заката,
Сердцем, безумно прыгнувшим,
Светлым дыханьем уходящего брата,
Сквозь воздух вечерний хлынувшим...

Насквозь разбитым и усталым,
Летящим пулей,
Холодным шагом господина,
Входящим в улей.

Я посмотрел на себя со стороны
Шумной слезой грозы,
Птица жгла облака,
Пенились сны.
Глаза пустых берегов
Переливались надеждой,
Было легко и нежно.
А я не чувствовал соль,
Я не чувствовал сладость,
Не проецировал боль,
Не навязывал страсть.
Я устало смотрел в звезду,
Пить или не пить,
Я изучал игру Го,
Я хотел жить.
Еще в позапрошлом году
Я петляво бродил,
Не думая ни о чем,
В усталое тело дня
Входя кирпичом.
Между звездой и мной
Медленный шел разговор,
И нить пространства между
Звездой и мной
Охватывал бой.
Пустые глаза берегов,
Все предметы
Смотрели куда-то сквозь нас,
Не задеты.

Я не чувствовал боль,
Не фиксировал власть,
Не сгорал в ладони весны,
Не метался пробитой ладьей,
Глядя со стороны.
Я хотел обнаженной
луною быть,
Я упрямо смотрел в звезду —
Я хотел жить...

*Посвящается
Евгению Головину*

К чему стремимся мы?
Покрытые позором, обуглены
Луной и стерты спором?
Предавшие простор, где движутся огни,
Законы дня и магию земли,
Забывшие звезду, все, кроме мертвой
Скуки, неслышимые нами больше
Звуки не оживут гирляндой тонких
Снов, прозрачность не потянется
К истокам, не оживет глубоким
Пенистым потоком,
Нас не найдет.
Пусты сидим, лишь время все
Сочится,
Смеясь сквозь страшные, немые
Лица, и неба вечный глаз
Уже не смотрит в нас,
А солнце — бледный камень —
Стреляет вниз
Печальный пламень!
Холодный брызжет свет — мы были,
Но нас больше нет.

Я шел к огню. Зима,
Два белых льва пересекали
Мертвые поля,
Под спящим увяданием небес,
В замерзших лужах отражался
лес.
Ночь на вершины темных
Гор кидала тень,
Огонь горел, в огне скрывался день,
И черный крик не спящих,
вещих птиц
Летел в простор, не ведая границ.

Он разносился в капиллярах тьмы,
С глазами незрелыми весны
Бежал куда-то чуть заметный зверь
И презирал минут хрустальных
дверь.

Я шел к огню, два белых
Льва пересекали сонные поля,
И месяц на стальных коронах гор
Уже чертил свой мертвенный узор.

Семинаристам

Порой как славно на просторе
кричать на звезды,
В пенном хоре вдали плывут
ночные облака,
И нежно плещется у ног твоих река.

Или с друзьями жечь костры,
Целуя пальцы тишины,
Кругом раскиданного леса
Прозрачный шар почти без веса
Взойдет — и темноты завеса
Падет, взойдет веселый круг —
И станет радостно всем вдруг.

И кто-то посчитает звезды,
Целуя взглядом жар костра,
Шум разговора станет полным
И необъятным, как луна.

*Анастасии Вертинской
(увиденной в доме друга)*

Она идет: холодный грот,
Лишь миг —
И рухнет небосвод
На землю, вспенятся моря,
И солнце упадет в поля.
Ей кажется, она с богами

Равна, летала в колесницах
И в ореолах лун считала
Лучи звезды холодной спицы.
Что ж, может так, я знаю многих,
Покоятся среди холмов они давно,
Их видят боги, и свой чертог
они достроили.
Но все же они не встанут, все равно
Мы помним их, кресты над ними
Глодают поредевший воздух
Своими каменными ртами,
Они мертвы — их чтят богами,
Их дух парит, они пронзают
Вселенной суть бесплотной мукой.
Кто мнит себя венком тернистым,
Тот остается близоруким,
Открыт хвалам,
Ласкает нежно
напевов бренные страницы
И вновь без усталости считает
Лучи звезды холодной спицы.

Прямоугольные строки,
От вечной скуки жестокий
Звезды слабеющей лик издавал
Мерцающий крик,
И так прошел
Пустой вечер —
Думать и пить
Было нечего,
И ночь разбухла
Бочкой, над слабыми
Ставя точки.
Я слаб, я слаб...

Ловцы жемчуга обожают
Смеяться, я смеюсь

Вместе с ними,
Ловцы жемчуга так любят жизнь,
Я люблю ее вместе с ними.
Они танцуют — танцую и я,
Они тоскуют по тому,
Что здесь можно, я тоскую
По тому, что здесь нельзя.
Неужели общий наш смех
Никогда не случится,
Они смеются порою зло,
Считая тяжелыми
Окружающие нас лица,
Они слишком живые,
Вероятно, я мертв?
Они многогранны, вероятно,
Я стерт; они говорят,
Что боль и пучина тоски —
Ошибочные рычаги искусства.
Порой они считают уродом
Междометие «грустно», когда
Оно не является к ним,
Как им угодно; все
зависит, из какой
Точки зрения смотреть на мир.
В жизни ловцы жемчуга
Тоже тонут и крошатся,
Но порою, и причем
весьма искусно,
Выигрывают свое удовольствие.
Ловцы жемчуга, ловцы небытия,
ловцы пустоты.
Они же ловцы поэзии,
они же поэты,
А кто имеет право говорить
Поэту, что он не прав?
Даже в доспехах ловца пустоты
Поэт прав всегда: объявляя
Усталость и усмехаясь чему-то,
Циничен и лова пустоту.

Сон не придет. Я одинок.
Лежу голодным оптимистом.
С чего я оптимист? С чего?
Разнообразны виденные мною лица.
Мой полубог ранен в висок,
Кровь не струится... и стынет плечо.

О, какая страшная
Наблюдается есмь пули,
Когда кусок железного отростка
Вколачивается просто.
А как же священный
Полет жука, а
Водяные образа в клетях —
Глазах царицы неба,
Круторогие деревья распространяют
Обволакивающий запах.
Поезда залетных дождей
Дают маху, вкривь и вкось
Идут по земле, и, соседствуя с
Чудным запахом, не движется
Мне, но и не спится,
Я думаю о стекле смерти,
О зеркалах многочисленного рожденья
И о тонких зрачках
Медленного перерожденья.
Я — это волны, я —
Море, разнообразный
Кусок, я — космос, я —
Богатырь над войском
Бесчисленных снов.
Я двигаюсь подобно
Жуку к облакам недоступного
Смысла, солнечный
Диск в глазах,
В волосах луна одиноко
Повисла,

И губы ясным зеркалом
Бесконечно звездного костра,
Не исчисляем, мощен, надежен
Многоруким огнем меча.
Слышите стук вселенной —
Я приближаюсь,
Крылья режут пространство,
Воздух застывает улыбкой
Утра, недостигаемо просто
Одиночество летающего жука.

Ты жгучим чувства водопадом
Украшь свой бесподобный шлем,
О, богатырь, нам их не надо,
Их глаз бесплоден,
Дух разбитый нем.
Вперед, сквозь сонмы
Мертвых полчищ,
Ногой по облаку — к звезде,
Руби их копыя, древки колчищ
И утопай в любви ко мне.
Мой сумасшедший богатырь,
Ступай корридой сапога
Туда, где звездами горят
Цветные реки и поля.
Мой сумасшедший богатырь,
Недостигаемый мной я.

Мне нравится в этом городе
Его ледяная пустынность,
Когда одиноким вечером
Смотришь в долгие арки,
Ветер уносится к звездам,
Минута равняется часу, в сердце
Стучит бездонность,
Не холодно и не жарко.
Здесь хорошо дышать

Лицом в бесконечный дождь,
И в небеса вонзая
Взгляда острую трость.
Здесь хорошо отпивать глоток
Беспокойного кофе
И мысленно отвергать тех, кто
Служит Голгофе.
Но ночью, ближе к утру, мне
Снятся тягучие сны, что мне нельзя
Засыпать, что глаза тобою больны,
Что если сомкну их во сне,
То забуду твое лицо. И я просыпаюсь
В раскаленном поту, до безумия горячи
Мои, чужие мне руки.
Остается действительно
Верить в то, что в облаках еще
Стреляют из лука.
Попадали в меня не часто,
Значит, ранен я не напрасно.
Мне с детства чужда невредимость,
Я редко бываю мертв.
Мне становится как-то холодно
одновременно и жарко,
Устремляюсь в осеннее небо,
Теперь мне не страшен черт.
Мне нравится в этом городе...

Я в храме: проломлен купол,
Небо падает вниз
Прозрачным стеклянным светом,
Режет усталой звездой глаза,
Смотрю на фрески — пустынные,
Чуть выше, у раны купола,
В беловой крови ночи,
Шуршат бесконечные птицы,
Крыльев острым движеньем
Режут разреженный воздух.
Я взорван вселенской ЛЮБОВЬЮ,

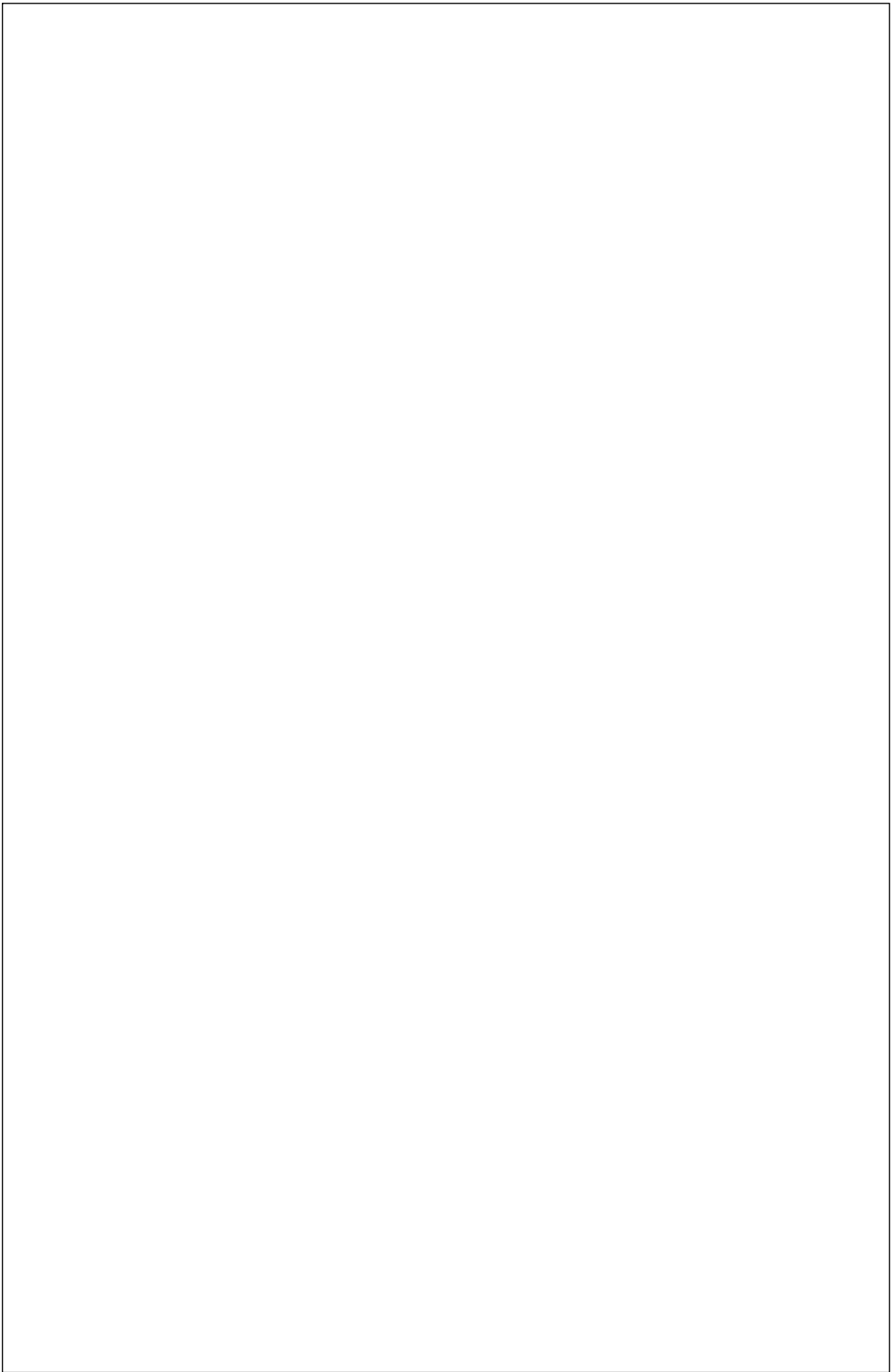
И теперь мне уже не поздно,
Но вот птицы слетели вниз —
Калейдоскопом, выпавшим прочь,
Таранят внутренние помещения души,
Шелест крыльев подкатывает к
Горлу, почему Иван Сергеевич
Сон раскрашивает черно-белую
Фотографию в цветные тона,
У меня от боли сатанеет спина,
Но мне до вселенского
Хладнокровия все равно.
Неужели бесконечная злость
Искусителя свое взяла?
Стоя под проломленным куполом,
Я вопрошаю еле заметным
Движением губ: «Ответь мне,
О Боже, неужели
Святая правда в том, что она умерла
для себя другой и нового меня?!
Я в храме: проломлен купол,
Небо медленно падает вниз
Прозрачным стеклянным светом,
Режет усталой звездой глаза,
Смотрю на фрески —
ПУСТЫННЫ...

Наш поздний завтрак —
В разговорах о Боге,
Из окна проступают неба
Берлоги,
Струится стеклянный свет...
Я выхожу на улицу
И по-другому вижу
Покрытый веками город.
Похоже, что я почувствовал то,
Чего в этом мире нет,
Множество дней позади,
Множество дней ниоткуда,

По линиям сказочным — вверх,
К волшебным пальцам зари,
И вот еще один день,
И в нем рождается чудо,
Я полон лишь иногда
Сознанием, что мы не одни...

Я вышел, чтобы
Пройтись по улице Lеріс,
Разминая боль в
Затекших бездействием пальцах.
Но ты не слушай меня,
Полупутник,
Зачем тебе голос скитальца!
Я потерял размер буквы,
Исчезла красивость слова,
Не раскинет пышный
Шатер мой стих,
Не прорвется в душу
К тебе снова.
Я смотрю на свое лицо,
Плывет не спеша
В зеркале свежих луж
Бледный профиль богатыря,
Не созревший
 вовремя муж.
Так смотри на меня,
Полуэстранник,
Я вышел, чтобы
Пройтись по улице Lеріс,
Чай неба бежит в земли
 подстаканник,
И где-то рождается крик.
Время булькает —
 на сковородке
Жарит его, смеется
Солнца могучий старик.
И льет его, усмехаясь,

На твердую землю
Санникова,
 Не ошибаясь в расчетах,
 Он рассекает миг.
 И я сбиваюсь со счета, впрочем,
зачем,
 Раз я вышел всего лишь, чтобы
 Пройтись по улице Леріс.

4.

В
О
Л
К_и Н
О
Ч
Ь

1995

В иные, тонкие миры,
Прошу, меня ты отведи
Или возьми с собой.
С тобой я как за каменной стеной:
Могу идти, расти, цвести,
И мне не страшно ничего.
Уже я поднимаюсь над землей
И вижу: лес, поля, река,
И одинокая двуглавая гора
Привиделась мне вновь,
А имя ей — Любовь.

А.Б.

*От автора
к густеющей толпе*

Первая ночь третьего тысячелетия, постижение действительности через иную реальность или бесконечный полет в когтях ноттердамской химеры.

Вы так и не поняли, а понимаете ли вы сейчас и поймете ли, я не презираю вас, я взываю к вам: остановитесь, уйдите от ядовитых штампов.

Вырвитесь. Летайте. Почувствуйте, что любовь — это больше, чем странный звук, издаваемый при помощи тканей языка.

Почувствуйте, что безграничная любовь достижима только в полете, и только свободный полет является ее истинным проявлением.

Вырвитесь. Летите. Летайте.

Пролог

Незаметно наступила очередная осень. Проплакалась неизбежными дождями и плавно перешла в колючую бесснежную зиму. Последнее рождество второго тысячелетия подкрадывалось на мягких осторожных лапах к каждому дому и заглядывало в окна потусторонне-любопытным, но добрым зверем. Мелькнули, взмахнули усталыми крыльями несколько неизвестно откуда прилетевших теплых дней, и повсюду воцарился надменный холод.

Пошел снег и такой крупный, как будто наш город переместился в королевство Северно-Ледовитых вод.

И вот наступил вечер 24 декабря 2000 года, в этот день повсюду лежал глубокий, пушистый покров, а часов в восемь вечера снег пошел снова. Мари помогала маме на кухне, когда заметила его сплошное пришествие из большого окна просторной квартиры, смотрящей своими прозрачными стеклами в лицо арке Defance.

— Мама, ты когда-нибудь видела столько снега?

— Ого! — Жульен удивленно посмотрела в окно, конечно, здесь она не видела такого снега. И вообще трудно поверить, что он идет уже третий день, нисколько не тает, бесстыдно покрывает крыши домов и даже лезет в нос и уши да еще в компании с обжигающим рождественским ветром.

В дверь раздался звонок.

— Мари, открой, это наверняка дядя Мишель или Альберт с Шанталь, а у нас еще ничего не готово.

Конечно же, Жульен преувеличивала, как и подобает строгой хозяйственной женщине в рождественскую ночь. Стол был уже почти полностью накрыт. Выстроившись в ряд и гордо подставив спины свету свечей, своего часа ждали разнообразные салаты, сыры и рыба. То здесь, то там поблескивали изумрудные шлемы бутылок вина, дышащих холодным дном в белизну скатерти.

Вскоре гости расположились за столом и повели обычные рождественские разговоры. Правда, все это было окрашено в несколько таинственный свет, в связи с наступлением столь ожидаемого многими 2001 года.

После второй бутылки отменного шато дядя Мишель вышел на просторный балкон и подставил пылающее лицо падающему снегу.

— Мари, — он подозвал племянницу поближе к себе и произнес чувственную речь следующего содержания. — Хорошо у вас, вот только вид из окна все портит. Трудно найти что-нибудь ужаснее этого района. Моя бы воля, я бы взорвал столь именитый Defance ко всем чертям: ни элементарного чувства меры, ни исторической ценности, ни фантазии — ничего здесь нет. Только тупые каменные глыбы.

Мари удивленно посмотрела в возмущенное лицо дяди Мишеля. Еще бы, как тут не растеряться, услышав подобные откровения от обычно молчащего дядюшки.

— Дядя Мишель, — произнесла она робко, — вообще-то мне здесь нравится. И это совсем не бездушные камни. Здесь царит свой, очень необычный дух. Немного отчужденности, холодной, но по настоящему космической. Я очень люблю гулять здесь ночью. Сидеть в одиночестве под аркой и смотреть на проступающую в черном небе яркую луну.

— Да ты что, с ума сошла?! — возмутился дядя Мишель и даже слегка зашатался, как и следует реагировать на подобные заявления подвыпившему мужчине средних лет. — Это же уродство! — негодуяще выкрикнул он. — Это мертвое место — наш позор!

— Дядя Мишель, — сказала Мари, — иногда мне кажется, что здесь произойдут какие-то магические, непостижимые для нашего воображения события, это ведь открытое место, продуваемое множеством ветров, и луна смотрит сюда как-то пристальней что ли.

— Ну вот что, — заключил дядя Мишель, — ты, моя дорогая, начиталась всякой сентиментальщины. Ну, если уж и применять свои романтические фантазии, так к более достойному месту.

И дядя Мишель пошел откупоривать очередную бутылку холодного вина.

Мари смотрела сквозь падающий снежный ливень на арку Defance, пробило полночь, и ей показалось, что где-то ударил колокол...

А. Рох. Постижение действительности через иную реальность

Рох бежал пустынными снежными улицами к Ноттердамскому собору. Его счастье, что он не крупный и вполне похож на собаку. Правда, и одинокие собаки, бегающие ночью по улицам в этом городе, — явление весьма редкое.

В воспаленной голове Роха проносились яркие метеориты воспоминаний. На глазах у него охотники уничтожили всю его семью: папу Чу, маму Геру и шестерых волчат — трех сестер и трех братьев. Рох чудом уцелел, спрятавшись в крысиной норе, куда ему таинственным образом удалось влезть, он был самым младшим в семье и, как ни странно, соответствовал минимальным размерам только что родившегося волка.

С тех пор как погибла семья, у Роха помутилось в мозгу, и он стал ненавидеть людей, в лесу он видел их редко, но один их мерзкий вид вызывал у него приступы неудержимой тошноты. Когда Роху было три года, ему приснился сон, что стоит только захотеть — и можно стать человеком, а имея цепкие руки и быстрые ноги, будет намного легче расправиться с окружающими «братьями по разуму». Во сне Рох убивал, а затем топтал трупы ненавистных людей.

Проснувшись, Рох долго лежал в норе и размышлял над увиденным сном, и действительно, если смыслом его жизни стала месть людскому роду, то ее легче осуществить, находясь в человеческом обличье. Он же, прожив на свете три года, так и не загрыз ни одного из них.

В течение следующих нескольких месяцев эта идея неотступно преследовала Роха и вскоре полностью завладела его существом, навязчивые сны являлись в волчью голову Роха каждую ночь, и он совсем потерял какой бы то ни было покой. Ровно через год после своего первого сна Рох пришел к норе самого старого и мудрого волка, не один десяток лет жившего на отшибе в дебрях леса в полном одиночестве. Пристанищем Мудрому служила глухая каменная пещера.

Поговаривали, что он необъяснимый долгожитель и ему давно за сто.

— Здравствуй, Рох, — сказал старый волк. — Чем обязан твоему позднему приходу? Я вижу в блеске твоих глаз, что ты прошел длинный путь. Но меня найти очень нелегко. Так что ты, мой друг, весьма удачлив.

— Здравствуй, Мудрый, — сказал Рох, — ты многое знаешь. Так помоги мне стать человеком.

— Зачем тебе это, Рох? Ты же волк.

— Я хочу стать человеком, ибо так легче убивать окружающих меня бесчисленных врагов. Ты, Мудрый, знаешь, как жестоки двуногие существа. Они вырезали под корень всю мою семью. И с тех пор я живу лишь для того, чтобы мстить. Научи меня, Мудрый, где и как становятся людьми.

— Эта идея не из лучших, — возразил Мудрый. — Ты перестанешь быть волком и в человека вряд ли когда-нибудь превратишься. Так и повиснешь между двумя мирами, да и вообще не стоит становиться человеком ради убийства себе подобных.

— Это мое личное дело, — упрямыствовал Рох, — и право тоже. Пожалуйста, помоги мне, я слышал, что ты великий колдун и тонкий знаток жаждущих душ; а если мне суждено погибнуть, то пусть тебя это нисколько не заботит. Я слишком долго был один, чтобы теперь бояться смерти.

— Ну, хорошо, — наконец согласился Мудрый. — В конце концов, это действительно твое право. К тому же тебе необыкновенно повезло, ибо волк может стать человеком лишь в первый день нового тысячелетия.

— Что? — изумился Рох. — Только раз в тысячу лет?

— Исключительно. Мы знаем об этом лишь из преданий. Но тебе действительно повезло, ты родился вовремя. В это рождество ты должен проникнуть в город и затем пробраться на вершину центральной крепости. Там находятся в

вечном размышлении тысячелетние каменные статуи. Поговаривают, что это бывшие служители церкви, превращенные в камень за грехи. Ты должен выбрать одного из них, и он укажет тебе единственное в этом городе открытое место, где волк может стать человеком, только не ошибись, ибо, если ты ошибешься, то сам превратишься в камень.

После этих слов Мудрый внезапно исчез, как будто бы растворился в воздухе; а Рох подумал, что он, вероятно, вернулся в свое волшебное логово. Он ждал Мудрого вплоть до утра, лежа у входа в его нору на холодной осенней земле.

Так и не дождавшись, Рох нехотя встал, отряхнулся и уныло побрел сквозь светлеющую пустынную чащу деревьев вглубь леса.

Теперь же он бежал все быстрее и быстрее, чувствуя мордой сквозной резкий ветер. Его шкура стала белой от снежинок, так что даже с близкого расстояния трудно было понять, что за сверкающий предмет летит по пустынной улице стрелою со столь воинственным оперением, воплощенным в необыкновенном блеске огромных желтых глаз. Ни дать ни взять, для случайного прохожего Рох представлял собой не что иное, как ожидаемое рождественское чудо.

Но прохожих почему-то не было, так что Рох ускорил и без того быстрый бег. Он начал было задыхаться, но вскоре им овладел неописуемый восторг стремительного движения. «Наверно, чувство полета сродни этому», — подумал Рох и в этот момент увидел в конце улицы светлую твердую грань ноттердамского собора.

Рох и приблизительно не знал, каким образом он проберется наверх, тем более что до полуночи оставалось минут тридцать, не больше.

Накануне во сне ему явился Мудрый. Сперва старый волк извинился за свое внезапное исчезновение: его, видите ли, ждали в других сферах, а затем уточнил, что Рох должен быть на вершине собора ровно в полночь в рождественскую ночь. Еще несколько прыжков — и Рох добрался до угловой двери, в которую обычно запускают туристов для последующего восхождения и осмотра городского великолепия с головок окружительной высоты. Честно сказать, Рох ни разу в жизни не был в городе и, естественно, понятия не имел о блуждающих людских толпах, мнящих себя ценителями окружающих красот. Он сел возле желанного входа и вдруг услышал человеческие голоса. Из дверей вышли двое людей: один

в длинном черном одеянии, второй в синей шапке с козырьком и со странным металлическим предметом у пояса.

— Ну вот, — сказал первый, — только собаки и духи в такое время ходят по улицам. Проклятая работа. Вот тебе и рождество.

— Ничего, успеете на ТАХІ. У Вас еще тридцать минут, — заверил его обладатель металлического предмета.

— Пойду погашу свет, — сказал первый и направился вверх по лестнице.

Второй подошел к Роху и, присев на корточки погладил его между ушей.

Рох никогда не слышал человеческого языка, но почему-то понял все, кроме странного слова ТАХІ, и того, что перед ним охранник и звонарь закрытого на ремонт собора, который несколько последних лет мало кто посещал. Ему захотелось укусьть гладившую его руку, но неожиданно для себя он этого не сделал.

— Да... Весьма необычная собака, прямо волк какой-то, — с этими словами Человек встал, поправил синюю шапку на голове и пошел в сторону близлежащего здания. Рох смотрел, как на снегу появляются удивительно длинные овальные отпечатки лап уходящего, совсем непохожие на следы известных ему обитателей леса.

Когда человек отошел на порядочное расстояние, Рох мельком взглянул на открытую дверь и начал свое стремительное восхождение вверх по лестнице. Через две минуты он вихрем пронесся мимо служителя в черной одежде, едва расслышав его возмущенный крик. Наконец, через неизвестное количество медленно плывущего мимо времени Рох добежал до конца лестницы и уперся носом в серый прямоугольник массивной железной двери. Тут он услышал торопливые шаги позади себя и, оглянувшись, увидел разгневанного человека, он держал в руке небольшой предмет со стеклянной головкой, из которого бил резкий луч желтого света. «Ну, давай, иди отсюда, ну, пес, здесь же церковь все-таки. Давай...» — и он попытался дотронуться до Роха. Рох огрызнулся и едва не цапнул человека за руку, от неожиданности тот остушился и едва не скатился вниз по лестнице.

— Дьявол проклятый, ладно, сиди здесь, если тебе так хочется. У меня рождество на носу, дурак!

И человек побежал по лестнице вниз, даже не подумав нажать кнопку «security»: до полуночи — лишь двадцать

минут, а еще надо найти свободное такси, что в рождественскую ночь не очень-то легко, слава богу, дом в пяти минутах езды, и человек еще успеет переодеться в праздничный костюм и явиться к столу во всеоружии рождественского настроения.

Когда затих шум торопливых шагов и хлопающих дверей, Роха окутала загадочная, прозрачная тишина. Смутное предчувствие чего-то необычного вошло в его ноздри, глаза и уши. Это продолжалось в течение нескольких долгих мгновений, но вдруг массивная, тяжелая дверь отворилась, и Рох, словно бы чего-то боясь, медленно взошел на освещенную мерцающей луной каменную площадку.

И тут он увидел их. Кругом застыли молчаливые каменные изваяния, Роху показалось, что через мгновение они зашевелиятся и начнут какой-то непостижимый уму танец, смотрящий же на них непременно сойдет с ума.

Эти застывшие камни хранили неизъяснимую, неземную печаль, и вместе с тем их глаза были живыми. Каменные и одновременно живые глаза застывших фигур! Рох поочередно обходил их, всматриваясь, и что же — изваяния выражали агрессивную мудрость. Да, именно так! А одна из статуй — каменная тигрица, пожирающая собаку, — смотрела Роху прямо в глаза и, казалось, неотступно искала его взгляда, даже если он отводил их в сторону. Рох хотел было прикоснуться к ней, но, не дойдя и трех шагов, почувствовал внутри щемящий холод, так он убедился в предостережении Мудрого и избежал обращения в камень. Другая скульптура, являющая изображение чудесной птицы, привлекла было его внимание выражением глубокой печали в распахнутых круглых глазах и опущенном длинном клюве. Но в этот момент где-то закричали, и небо осветила ярко-красная ракета, пущенная чьей-то нетвердой рукой. Роха внезапно охватил мистический страх. «Сейчас пробьет двенадцать, а я вдруг возьму и превращусь в камень», — подумал он. Страх стал ворочаться в груди у Роха, и убыстрил до максимума ток его крови, она стремительно побежала и ударила в его волею голову оглушительной будоражащей волной. «Прочь», — Рох понесся к выходу, но поскользнулся и упал, беспомощно разбросав лапы, не добрав всего лишь нескольких метров до таинственной двери.

В этот момент неожиданный порыв снежного ветра захлопнул ее с оглушительным треском. Рох повернулся на спи-

ну и тут увидел перед собой статую ноттердамской химеры с крыльями за спиной, вросшую по пояс в стену собора. При входе на площадку Рох попросту ее не заметил. Химера смотрела прямо перед собой, куда-то вдаль бесконечного темного неба. Руки, которыми она подпирала голову, были человеческими, как и ее полуобнаженный торс. Она сидела, задумчиво прикусив язык, и за ее спиной блестели два зовущих крыла, покрытые падающим чистым снегом. Казалось, какая-то нечеловеческая, непостижимая уму рука изваяла ее из куска холодного камня и посадила много веков назад над этим городом думать о сотворении и конце всего живого. Рох прочитал в ее глазах знание о наступлении последнего дня.

Он встал, уверенно подошел к яркой на фоне неба фигуре и коснулся лапой каменного пьедестала. Химера не изменила своего положения, но Рох не пропустил короткой интенсивной вспышки в ее застывших глазах. Внезапно по телу Роха стало растекаться какое-то горячее томление, однако он все же продолжил смотреть в застывшее сверхъестественное лицо...

Внутри себя Рох услышал голос. Этот голос, казалось бы, не имел тембра, но Волк отчетливо разобрал каждое слово: «Ровно в полночь с наступлением 2001 года на самом открытом месте в этом городе, продуваемом множеством ветров, под освещенной белым светом аркой ты сможешь стать человеком, за мгновение до этого остерегайся смотреть на луну, ибо любовь к ней губит волков — она забирает их души. Будь осторожен. Прощай».

Рох закрыл и открыл глаза, где-то били часы и кричали люди, наступила рождественская полночь. Рох посмотрел на желтый шар луны, и неожиданно для себя горько и дико завыл. Затем он побежал прямо на дверь и как будто бы прошел сквозь нее. Сделав несколько прыжков вниз, он оказался на заснеженной улице, каким образом это произошло, Рох так никогда и не понял.

В. Последние часы 20-го века

Волк подходил крадучись к загадочному месту, ставшему для него венцом всех несбыточных желаний.

Последний день 20-го столетия Рох провел среди шумного людского племени, к которому он вскоре должен был присоединиться в качестве двуногого брата.

Говоря сам с собой о возможной потере волчьего облича, Рох все больше верил в вероятность ошибки, которую он вот-вот должен совершить. И в самом деле, слоняясь под видом собаки по кишасим преддверием праздника улицам большого города, он не замечал среди будущих «братьев» торжественного трепета перед волнующим мигом наступления нового тысячелетия. Вместо этого он слышал все те же разговоры об уходящем финансовом годе, счетах за телефон и газ и прочей бесконечной ерунде, от которой даже у волка, понимающего человеческий язык, закладывает уши.

В один из этих дней в обеденное время Рох лежал возле красивого открытого кафе, в котором сидели почти сплошь молодые люди.

Особенно выделялась одна пара. Он — высокий чернявый молодой человек с ямочкой на подбородке и вольно отпущенными пейсами, и она — скромная шатенка в черно-белом, в цветочках коротком платье под смело распахнутым пальто. Рох слышал, как мужчина называл свою подругу то «мой олень», то «моя серна». Из известных ему животных и других представителей флоры и фауны также были упомянуты курочка, зайчик, котик, рыбка, цветочек, птичка и даже кусочек цветной капусты. В конце концов Рогу стало казаться, что кудрявый молодой человек просто швыряет слова в равнодушный объект, словно выкидывает гнилые овощи в старый пустой ящик. Волк то и дело косился на странную пару. «В самом деле, — думалось ему, — как эта щупленькая девушка может быть сразу всеми этими словами, такими далекими по значению и назначению друг от друга».

В конце концов он встал и направился к старому полуразрушенному дому, который обнаружил с немалым трудом после чудотворной рождественской ночи и в котором коротал неделю до прихода XXI столетия, изредка отлучаясь в поисках пищи. Рох старался совершать свои вылазки ночью, днем же ему помогал снег: он вываливался в нем и становился больше похожим на грустного бездомного пса, нежели на лесного голодного волка.

К тому же жители города совсем не привыкли к снегу и пришедшему вместе с ним не очень крепкому, но все же

колючему морозцу и больше обращали прямо внимание на состояние своих носов и ушей, чем на бегающих мимо крупногабаритных животных. Словом, из того, что Рох видел и слышал, наблюдая за большинством людей, он вынес лишь глубочайшее недоумение: как столь странным существам удастся властвовать на маленькой планете, нести раздор и смерть, без конца что-то говорить, смеяться всяческим пустякам и вместе с тем создавать великие каменные крепости и невообразимые конфигурации на открытых местах, продуваемых всеми ветрами. Конечно же, Рох не учитывал, что люди, в отличие от зверей, могут жить вдали от гармонии и природы, и в данный момент переживают не лучшие времена измелчания желаний и бетонирования душ. Рох же все еще был злым, но искренним зверем, бегущим в тисках слепой неизвестности по белой, кое-где в черных пятнах, обуви в каменные доспехи земле навстречу своему непроходящему решению стать двуногим и мстить. Из-под его быстрых, цепких лап летели ломти белого пышного снега — зверь, жаждущий убивать во имя необретенной любви!

Последняя ночь усталого века упала на город и придавила его своей истосковавшейся по переменам грудью. И вот Рох достиг открытого места, он ориентировался на освещенную белым светом квадратную арку, увиденную им издали во время вечерней вылазки в поисках пищи.

Это случилось три дня назад, но именно с этого момента в душе Роха поселилась твердая уверенность, что именно возле этой таинственной Арки с ним произойдет нечто, неподдающееся описанию и пониманию.

И вот Рох ступил на широкую площадь перед светящимся квадратным строением. Он тут же забыл о своем постоянном спутнике — голоде и предшествующих этому моменту бесконечных страхах, внутри Роха что-то зашевелилось и переместилось куда-то вбок, расплываясь семиричными кругами. Он почувствовал, что необъятный холод разливается по его телу — то же самое чувство, что он испытывал недель раньше на крыше Ноттердамского собора. Внезапно Роха пронзила новая мысль: природа исторгла из своих недр Ноттердамскую крепость и каменные изваяния на ней, эту чудную, околдовавшую глаз арку и таинственную площадь, а также многое, многое другое, чужое и холодное только лишь на первый взгляд. Все это, придуманное и сделанное двуногими ловкими существами, — лишь

трансформация и материализация какой-то таинственной, всеобъемлющей энергии, это великие частицы ее вечной сущности!

Рох знал, что глаза каменной химеры, виденные им семью днями раньше, и это обширное место несут в себе один и тот же космический странный груз, от которого стынет тело, но сердце и душа тем не менее начинают беспорядочно перемещаться, начинают летать! Рох встал мордой к арке, сомкнул усталые слезящиеся глаза и в этот момент услышал воздушную, мягкую музыку. Она обволакивала темной и непроницаемой аурой, склоняла в необыкновенный, нежно качающий сон. Рох почувствовал, что наступает новый век, новое тысячелетие — поток новых жизней и смертей, еще не воплотившихся в конкретные формы, но уже бессистемно витающих над головой.

По какому-то необъяснимому шуршанию в воздухе волк понял, что бьет полночь и вот-вот начнется страшное и торжественное превращение. Тут он вспомнил о предостережении Мудрого, и, едва приоткрыв, снова закрыл глаза, ибо ему все больше казалось, что чудодейственная музыка идет от манящего желтого светила, столь знакомого волкам по голодным временам, когда они сопровождают его приход нестерпимым воем.

Но вдруг он ощутил резкую боль в груди и неожиданно начал отделяться сам от себя. Ему нестерпимо захотелось взглянуть на загадочный диск, но вместо этого он посмотрел вниз и обнаружил свое волчье обличье, лежащее с запрокинутой головой на спине.

Тем временем музыка усилилась до крайнего предела, и Рох осознал, что поднимается все выше и выше.

Внутри того, что было сущностью Роха в данный миг, ибо тело он оставил внизу, разливалось странное тепло, ему хотелось кричать от радости, но он не мог этого сделать, несмотря на то, что все запреты испарились, растаяли где-то вдали, в другом времени и измерении, бесследно исчезли. Еще мгновение — и Рох увидел перед собой прекрасную двуногую женщину, и впервые за долгое время в нем не шевельнулась обычная ярость.

«Я не совсем обычная женщина, — сказала или подумала незнакомка, как будто бы она слышала мысли Роха. — Я душа луны!» Действительно, сквозь ее прозрачную фигуру Рох увидел желтый, слепящий диск, от него к женщине

тянулись чуть заметные серебряные нити. Волк перевел взгляд на свое тело, распростертое далеко внизу, и оно было безмолвно, без лунной сияющей нити вокруг. «Не означает ли это, что я умер?» — спросил себя Рох. «Ты не умер, — сказала душа луны. — Ты превзошел сам себя. Ты шел прямо ко мне. И если бы ты взглянул на меня немного пораньше, нас бы уже никто и ничто не разлучило. Здесь, на луне, живут души волков, они прозрачны и легки, поэтому места хватает всем. Ты мог бы увидеть и почувствовать всех когда-либо живших на этой земле великих волчьих мыслителей. И быть со мной. Ты мне близок, но у тебя другая судьба. Ты смотрел на меня недостаточно долго, прощай!»

Она мгновенно растаяла, а Рох вдруг услышал голос Мудрого: «Знаешь ли ты, молодой зверь, что волки могут выходить из тела? Ты фактически умер как волк, но ты превзошел обыкновенное превращение, когда только волчье тело становится человеческим, минуя его, ты вышел на уровень превращения душ, твоя душа ближе к человеческой. О, Рох, ты — сверхчувственное существо и ты никогда не сможешь убивать».

Рох словно бы застыл в воздухе, но через мгновение стремительно полетел вниз. Сильный удар. Вспышка. Странная с серыми полосами чернота. Через короткий миг времени и вместе с тем через действительную вечность он открыл глаза и ощутил, что теперь в нем что-то необратимо изменилось.

— О Боже, — сказал Рох и понял, что теперь у него человеческий голос. Площадь, арка и все окружающие предметы вокруг, казалось бы, увеличились в сотни раз. Перед Рохом лежало бескрайнее пространство, испещренное ужасными темными строениями, уносящимися ввысь. В голове у него помутилось, и он почувствовал себя маленьким и ничтожным существом. Рох сел на громадную плиту и тут заметил чуть правее огромную волосатую гору. Он подошел ближе и застонал. Вытянувшись, перед ним лежал лохматый исполинский зверь. Рох мог видеть лишь часть его очерившей пасти, серый, овальный бок и словно стеклянный прозрачный желтый глаз, устремленный в небо. «Да это же я сам!» — воскликнул Рох, и в этот момент к нему вернулся утраченный от потрясения слух.

Тот час же Рох услышал оглушительный звон, похожий на удар колокола. И чей-то далекий крик: «Двенад-

цать! Наступило двенадцать!» Вместе с этим последним ударом волчье тело Роха начало таять в воздухе с быстротой сахара в кипящем чае и вскоре полностью исчезло.

Рох выпрямился, посмотрел вниз и понял, что теперь у него есть руки и ноги, странная, заросшая волосом грудь, и голова совершенно новой для него формы. Роху стало холодно. Он поежился и неожиданно для себя сложил руки на груди, взявшись за плечи. Он стоял посреди бесконечной белой площади — маленький, голый, беспомощный человек.

С. Первая ночь третьего тысячелетия. Музыка

Рох перестал быть волком, но в своем новом обликии он едва достигал размера указательного пальца взрослого человека. Рох стал лилипутом. С этого момента он перестал понимать, действительно ли с ним что-либо происходит или же происходящее — всего лишь плод его бешено галлюцинирующей фантазии. Арка теперь стала воистину неизмеряемой и недостижимой, а любой звук бил в уши с такой чудовищной силой, что казалось, все, что он слышал до этой минуты, вот-вот брызнет сквозь разбитые барабанные перепонки и затопит дрожащий и прыгающий мир вокруг, безвозвратно поглотит все сущее.

Роху было невыносимо холодно, он сделал несколько прыжков в тщетных попытках согреться, но вдруг наткнулся на кусок какой-то жесткой материи, от которой неприятно пахло. Естественно, ему и в голову не пришло, что это всего лишь часть носового платка, испачканная грязью, с кровавыми пятнами, припорошенными только что выпавшим снегом.

Рох отбросил материю прочь, но, к своему счастью, обнаружил невдалеке вторую часть платка, чистую, холодную и влажную. Он завернулся в нее, как в плащ, и стал похож на странной формы снежинку, у которой неожиданно выросли руки, ноги и голова.

Не успел он подумать о том, что ему теперь делать и как пересечь бесконечную ледяную площадь, как до его ушей донесся поток режущих слух ритмичных звуков. Поток по-

крутился над его головой, замер и распался на две равные части: по всей видимости, радостные по случаю праздника люди включали музыку с двух сторон.

С одной стороны наступала тяжелая, но плавная мелодия, и печальный мужской голос пел протяжные длинные слова, значения которых Рох совсем не понимал. Музыка словно бы шла по воздуху. Рох, замороженный странным чувством, которое вызывала у него мелодия, стал всматриваться в темный квадрат неба над головой и вдруг увидел идущую... музыку. У нее было человеческое тело — тело женщины — и голова странной длинноклювой птицы, в лесу Рох никогда не встречал подобного существа. «Музыка» широко разевала клюв, да так что во все стороны от него летели острые светящиеся лучи, неся на своих концах тончайшие нити, из которых соткана песня; а мелодия расходилась от женщины-птицы кругами, как от брошенного в тихую воду камня.

Рох повернулся лицом по направлению к другому музыкальному потоку и увидел всклокоченную покрашенную голову с большими прозрачными глазами и пестрым платком у основания шеи. Длинный яркий след, похожий на драконий хвост, заменял диковинному существу тело. Его голос был пронизан необыкновенной тоской, острой, как раздробленное стекло. От необычной головы тоже летели в пространство переливчато-пестрые музыкальные брызги, голова почти не раскрывала рта, не двигала глазами, смотря в одну точку, а в промежутках между словами плотно сжимала покрашенные ярко-красным узкие губы.

Рох почувствовал, что не выдерживает напора столь различной «по оперению» музыки, он стал неистово вращать головой из стороны в сторону, мир набрал скорость и закружился. Тут Рох осознал, что уже лежит на спине и смотрит исключительно вверх. Женщина-птица и голова стремительно двигались навстречу друг другу; так что теперь почти невозможно было отличить одну мелодию от другой. Светящиеся брызги обоих созданий смешались и беспорядочно прыгали в вышине. Рох попробовал посмотреть сквозь ауру этих странных существ и увидел или ему показалось, что он увидел, маленькие прыгающие фигурки людей. «Они веселятся, — подумал Рох, — и тут, и там, в двух противоположных углах открытого места они танцуют под печальные протяжные голоса». Откуда было знать бывшему волку, что

для людей, бездумно использующих «Быструю Моду» и «Лечение», это всего лишь средство получить удовольствие для ушей и тела. Люди слушали, но мало кто из них умел слышать музыку, пропускать ее через мысли и питать ею чувства.

Внезапно женщина-птица и голова сшиблись в небе, затем объединились в расплывчатый дрожащий предмет, ежесекундно меняющий форму, брызгающий во все стороны тусклыми красками и хриплыми рваными звуками. Вскоре он в свою очередь трансформировался в яйцообразный черный шар, издающий дисгармональный шум, и это омерзительное вместилище какофонии стало медленно опускаться на Роха. Рох пересилил гипнотическую силу, приковавшую его к земле, вскочил не без труда и попробовал бежать, но, оглянувшись, убедился, что шар следует за ним по пятам и летит прямо ему в голову. Какофонический шум угрожающе быстро приближался. Роху стало ясно, что через мгновение он будет просто-напросто раздавлен безжалостным преследователем, а за секунду до этого его маленькие уши лопнут от ужасного шума — производного, рожденного от двух прекрасных, если рассматривать их в отдельности, мелодий.

В самый последний момент, когда шар приблизился к Роху на расстояние, не превышающее длину руки ребенка, бывшего волка подхватил резкий порыв ветра и понес в левую от арки сторону. Оглянувшись назад, он увидел, как страшный шар ударился о землю и рассыпался, окрасив сырой морозный воздух яркими фиолетовыми струями. Вскоре от шара осталась лишь горстка черного пепла, на которую стал падать вновь пошедший ослепительно белый снег.

Ветер, спасший Роха от грозящей смертью необычной фигуры, пронес его над величественными светлыми ступенями и мягко положил около высокой железной балки, разделенной сверху на три равные части. «Я всегда с тобой», — шепнул ветер Роху, это был молодой, только что рожденный ветер, и он почти ничего не знал о мерзостях ушедшего столетия.

Рох почувствовал свежесть и порядок в мыслях, несмотря на то, что первое же, с чем ему пришлось столкнуться, находясь в человеческом облике, явило собой черную, едва не убившую его безжалостную энергию. Своим обновленным сознанием Рох начал постигать хаотичную схе-

му людского существования, в которой подчас самые прекрасные и нежные формы перерождаются в убийственно опасные, искаженные креатуры, режущие божественный глаз и парализующие сущностный ум уродством и дисгармонией. Рох посмотрел на созданную человеком железную великаншу с тремя ответвлениями наверху и вдруг услышал ее голос:

— Ну, здравствуй, волчий человек, — сказала она. — Меня зовут виселица, хотя никто никогда не использовал меня в данном качестве. Все думают, что я просто ненужная железная штукавина, дающая необходимый колорит этому весьма модернизированному месту. Смотри, вот что я тебе покажу, — гигантша резко наклонилась к Роху, и он к своему ужасу оказался на ее твердой ровной вершине.

— Сейчас ты увидишь события, которых я с нетерпением жду, — сказала виселица, — к сожалению, они произойдут не раньше, чем через двести-триста лет, но я умею ждать.

Рох посмотрел вниз и увидел три блестящих предмета внушительных размеров, прикрепленных к стене одного из зданий недалеко от балки.

— Это топоры, — сказала виселица, — они тоже умеют ждать.

Гигантские топоры зашевелились и стали поочередно отклоняться и вонзаться в стену, издавая мелодичный металлический звон. Рох вспомнил, что видел подобные предметы давным-давно в чаще леса. Заросшие густыми бородами люди рубили ими высокие деревья. Рох и подумать не мог, что подобные изобретения человеческого племени могут достигать таких поистине чудовищных размеров. Впрочем, топоры тут же заговорили, окончательно прояснив ситуацию: «Мы топоры, но люди, создавшие нас, этого не подозревают, — сказали они, — о чем, безусловно, пожалеют их праправнуки, которых мы разрубим на мелкие части».

Рох так ужаснулся столь необычным угрозам, что едва не сорвался вниз с длинной красной железки, откуда теперь был вынужден созерцать страшные картины грядущего.

Ночной воздух, казалось, изменил окраску своей иссиня-черной кожи, отяжелел и стал трескаться на странные прямоугольные полосы зеленоватого оттенка, сквозь которые Рох увидел множество людей. Они были одеты в нелепые мешковатые костюмы, розовые рубашки и аляповатые цветастые галстуки. Почти все были без волос, и их лысые

черепа ровно светились в окружавшей их темно-зеленой дымке, словно начищенные до блеска рыцарские шлемы.

— Смотри внимательно, — сказала виселица. — Они до того отупели, сидя в своих офисах, — она качнула одним из своих коротких выростов и показала на безликие многооконные дома вокруг, — что не разбирают, где день, а где ночь, с трудом узнают свои семьи и друзей, и даже не всегда помнят свои имена. Именно поэтому администрация решила сдавать нам тех из них, кто работает не очень хорошо, а я и топоры вершим быстрый суд и тем самым убиваем сразу двух зайцев: исполняем свое скрытое предназначение и заодно приносим человечеству пользу.

— Не понимаю, — прошептал Рох, и слова, казалось, застряли у него в горле.

— Ну что здесь непонятного, — прохрипела красная башня и залилась громким дребезжащим смехом.

Она сделала знак, пошевелив своими выростами, и внезапно из зеленоватого тумана возникли два гудящих железных робота, по росту уступавших виселице совсем немного. Роботы весьма походили на людей, только глаза у них не двигались и были мертвого пепельного цвета.

— Начинайте, — прохрипела железка и опять захохотала, монотонно и омерзительно.

— Это доблестные помощники администрации, — сказала она, обращаясь к Рогу, и торжественно заскрипела.

«Доблестные помощники» схватили четырех людей и поднесли их к подножию виселицы. Неизвестно откуда появилась длинная лестница на колесах, которую монтеры используют для того, чтобы вешать гирлянды в дни больших городских празднеств. Рох об этом, разумеется, не знал и удивленно уставился на необычный предмет. Трех людей быстро доставили наверх при помощи этой самой монтажной лестницы, и теперь они находились на одной с Рохом высоте, на узкой лестничной площадке. Теперь он мог разглядывать почти что в упор их водянистые, ничего не выражающие лица. Один из них чдержал перед собой два развернутых белесых в черные крапинки листа (у людей это называется газетой), второй жадно ел кусок хлеба с жареной картошкой и мясом, а третий упорно складывал и вычитал цифры, закусив уголком рта короткий карандаш. По сравнению с Рохом эти люди выглядели настоящими великанами, но все равно они были ничтожно малы по сравнению с торжествующей хищной убий-

цей. Пока жертвы занимались своими обычными делами, железные воины не спеша обвязали их шеи длинными веревками, сделанными из блестящего проволочного материала. Концы этих страшных нитей роботы прикрепили к трем толстым балочным выростам. Затем слуги справедливой администрации резко убрали лестницу, и люди внезапно повисли. Вниз полетели листы газеты, куски хлеба, счета и карандаш.

Люди немного потрепыхались, но вскоре на их губах появилась неприятная ярко-красная пена, шеи посинели, а тела обвисли.

— Они так заняты, что забывают о неожиданном и быстром приходе смерти. — сказала грозная и могучая хозяйка ушедших жизней. — Пожалуй, они более механистичны, чем те, кто их вешает. Они — люди-автоматы.

Четвертый человек, оставшийся внизу, вдруг истошно закричал и бросился бежать прочь от смертоносной виселицы.

— Бывают и исключения, — прокомментировала она. — Некоторые все еще ценят жизнь, но наказание всегда настигает жертву, несмотря на то, является она пассивной или же в крайней степени жизнелюбивой.

Громадные стальные палачи настигли беднягу возле самых блестящих ступеней и потащили его назад к трехпалой убийце. Человек кричал, плакал и вырывался. Рох видел, как упали и разбились его очки, портфель раскрылся и ветер закрутил на небольшой высоте ненужные теперь листки некогда важных бумаг. Медленный танец бесполезного человеческого труда.

Тут Рох вспомнил о ветре и решил попросить его о немедленной помощи. Тем временем виселица что-то сказала бездушным молодцам, а затем снова обратилась к Роху.

— Этому субъекту едва не повезло, если бы он добежал до лестницы, то наверняка уцелел бы, оказавшись в том времени, откуда пришел и ты.

— А разве сейчас не первая ночь третьего тысячелетия? — растерянно спросил Рох.

— А этого никто не знает, — загадочно прошептала балка. — Четвертого — сразу к топорам, — добавили она, обращаясь к двум ждущим приказа монстрам.

Роботы сняли три посиневших тела и вместе с извивающимся несчастным бросили их возле топоров. Топоры отделились от стены и стали рубить людей на куски.

Роха затошнило, и он закрыл глаза, чтобы не смотреть вниз на уродливое будущее. Из состояния глубокого потрясения его вывел металлический голос вышки.

— Все кончено, — сказала она, — еда приготовлена.

Рох открыл глаза и увидел четыре аккуратные консервные банки, сверкающие яркими наклейками, с отполированными ровными гранями. Банки стояли возле топоров, мирно прислоненных к стене.

— Что это? — ужаснулся обессиленный Рох.

— Это еда для других работников, — стала объяснять виселица. — Жаль, что ты испугался и пропустил самое интересное. После того, как троих мертвецов и одного живого субъекта разделили топоры, слуги администрации поджарили мясо ультрафиолетовыми лучами и закупили его в железные банки. Живой разрубленный работник только добавил колорита в пищу.

Страшная догадка открыла Роху свое изуродованное лицо.

— И остальные будут это есть? — спросил он, внезапно набравшись мужества.

— Ну да, это тоже распоряжение администрации. Так экономичней. Одни работники едят остатки других. Тех, кто больше не нужен, снова посылают на консервы, и таким образом происходит необходимый круговорот вещей. В конце концов, штат полностью меняется, приходит молодая смена, а некоторые из «стариков» мирно уходят на пенсию.

— И тот, кто уходит на пенсию, съедает не один десяток своих товарищей? — изумился Рох.

— Десятки, а то и сотни, — ответила красная балка.

— Но они не знают об этом? — Рох никак не мог успокоиться.

— У них нет времени, чтобы думать о таких мелочах, — они заняты работой.

Виселица замолчала и сделала знак подавать следующих.

— Остановитесь! — закричал Рох. — Ведь даже волки из противоположных вражеских родов относятся друг к другу благороднее.

— Волки ближе к природе, а к нам это не относится, — отрезала хищница.

— Кстати, Рох, — она словно бы вспомнила о чем-то и приблизила к Роху свой холодный металлический голос. —

Оставайся в этом времени, у тебя есть неплохой шанс отомстить людям. Будешь подавать знаки, когда убирать лестницу, и таким образом станешь повелителем бесконечной вереницы человеческих жизней. Ты, кажется, хотел именно этого, теперь же ты сможешь убить любого, кого пожелаешь.

— Нет! — закричал Рох. — Не-е-е-ет! Ветер, убери меня отсюда, сними меня с этой железной гадины! — взмолился он.

— Ах так, — разозлилась виселица, — ну погоди, сейчас тебя вздернут, как мешок с навозом, ты повиснешь, как ненужное старое колесо в сарае, где дети играют в мяч, а потом тебя изрубят на консервы, и зубы равнодушных работников вонзятся в останки твоего ничтожного тела.

Но в этот момент ветер подхватил Роха и понес его в противоположную от виселицы и топоров сторону, опять над исполинскими ступенями в мир, где только что наступило ХХI от рождества Христова столетие и шел пушистый мягкий снег.

Д. Таинство скульптуры

Рох очнулся возле необъятных размеров большого пальца человеческой руки. Палец представлял собой скульптурное изображение из металлических сплавов. Этот ужасающий предмет зашевелился, и ему показалось, что он манит к себе. Палец в несколько раз превышал рост обычного человека, а для Роха он являл собой очередное великаноподобное создание. Он приблизился к нему и замер в ожидании чего-то нового и опять слишком необычного, чтобы по истечении короткого промежутка времени это не становилось бы похоже на дымчатый сон. Казалось железный ноготь скульптуры зашевелился, наклонился вбок, и из-под него стало вылезать змееподобное существо с чешуйчатыми крыльями, животное и палец связывали неприятные для глаза скользкие нити; они тянулись за зверем, словно множество хвостов. Похожее на симбиоз кенгуру, страуса и змеи существо вылезло, расправило рахитичные крылышки и стало ходить вокруг пальца. За ним показалась следующая фигура: рыбе тело с обезьяньей головой, медвежьими лапами и плав-

никами вместо рук; мутанты продолжали вылезать один за другим, и вскоре заполнили все пространство перед необычным пальцем. Здесь были помесь ястреба и гепарда с птичьей головой, лошадиным хвостом и пятнистым телом, существо с крокодильей мордой, шеей жирафа, бычьим торсом и лапами морского котика и даже необычного вида слон с телом бегемота и хвостом кита. При этом монстры выглядели вполне безобидно, они грузно бегали по кругу, смыкая кольцо вокруг грандиозного пальца. Рох, к собственному удивлению, оказался почти в самом центре кольца, но на свой, вновь пришедший страх вовсе не обратил внимания.

Однако не успел он по-настоящему задаться вопросом, что же все-таки здесь происходит, как услышал внутри себя голос величественной скульптуры:

— Не пугайтесь, Рох, они не опасны, по форме они гораздо более изощренны, чем Вы можете себе представить, но по сути добры. Интересно, что каждый способен видеть их по-разному, это зависит от скрытого кода образов в подсознании отдельно взятого человека. Видите ли, все гораздо сложнее, чем кажется на первый взгляд. Они не имеют конкретной формы, но если бы в определенный момент их видели люди, то это неизбежно привело к чудовищной катастрофе, поскольку каждый человек видел бы их по-разному; люди наверняка начали бы сходить с ума, при этом ожесточенно споря и не веря друг другу.

— Кто они? — выдохнул свой вопрос Рох, и голос его сорвался вниз разбитой, отслужившей струной.

— Они — это правда большого пальца, мои ощущения! — сказала железная фигура. — Все то, к чему прикасалось мое существо в прошлой человеческой жизни, и все те, кто прикасались ко мне во время моего железного бытия, пустили в меня корни, в которых живут разнообразные осколки смутных и ясных воспоминаний. Когда они выходят наружу, то люди почему-то зрят в них гибриды животных, я же вижу их абсолютно другими.

— Как? — снова спросил Рох.

— Для меня это прежде всего — обитатели моего внутреннего мира, и я знаю их как прозрачные светящиеся колбы, различные по вместительности и окраске, не пугайтесь их, они могут многому научить Вас.

— Но я ничего не понимаю, — продолжал упорствовать Рох. — Почему для меня они представляют собой стадо пу-

гающих, уродливых зверей, а Вы видите их в виде прекрасных светящихся сосудов?

— Потому что они многообразны, — сказала скульптура. — Именно в этом секрет их пьянящей энергии. И я, мой дорогой друг, вынуждена вторично Вам заметить, что фактически они — мои дети, в них — каждое мое прикосновение и прикосновение ко мне. Я повторяюсь в них бесчисленное множество раз, а неизбежно повторяя в действии сущностный импульс, мы способны научиться чувствовать.

— Мне страшно, — прошептал Рох и попятился к пальцу, поскольку невообразимые звери продолжали сжимать свое опасное кольцо. Рох понял, что еще немного, и он сойдет с ума. В отчаянии он отпрыгнул к основанию пальца, а уже через мгновение держал край его широкого пьедестала маленькими руками. В этот момент Рох почувствовал, что какой-то могучий магнит тянет его внутрь бесконечной бездны. И он стремительно понесся вниз, перед его глазами замелькали извилистые каналы, похожие на русла рек, в которых бурлила и бежала красная, темная жидкость.

— Где я? — иступленно закричал Рох и впервые за время своего человеческого существования по-волчьи завыл, это получилось у него на удивление правдоподобно. Чтобы не падать дальше, он ухватился за белый шарик, медленно плывущий в зыбком пространстве. Шарик засмеялся и сказал ему что-то мелодичным голосом.

— Где я? — вопрошающе взмолился Рох, обращаясь к непонятному круглому существу.

— Ты внутри увеличенного большого пальца, каким он был, будучи на человеческой руке. Теперь это — ушедшая иллюзия и ничего больше, — объяснил шарик. — Этого больше нет. Нас всех съели насекомые, живущие глубоко в земле.

— Как это вас можно съесть? — удивился Рох. — Я же чувствую ваше тепло.

— Ты находишься внутри иллюзии, которая бессмертна, — сказал шарик и снова мелодично засмеялся.

Рох осмотрелся вокруг и увидел множество белых и красных шариков. Они прыгали друг за другом, смеялись и что-то кричали.

— Пойдем к нам, — сказал первый шарик, но Рогу определенно показалось, что этот шарик — девушка.

— Пойдем, — кивнул Рох и сделал шаг по направлению к веселому празднеству, не выпуская теплую фигурку из рук.

Красные и белые кругляшки обступили его со всех сторон, и Рох, может быть, впервые со дня своего существования почувствовал настоящий прилив необузданной, непонятной радости. Но тут красная пенистая жидкость, бегущая по синему руслу, окончательно потемнела, и из ее глубин стал подниматься серо-бурый отталкивающий исполин, тянущий свои щупальца к маленьким шарикам.

— Берегись! — закричали красные и белые фигурки и стали разлетаться во все стороны.

— Кто это? — спросил вновь обескураженный Рох у своего шарика, отпустить который ему не хотелось ни за что на свете.

— Это гной, поселившийся в крови, и он сожрет нас раньше земных червей, — взволнованно пропищала девочка-шар.

— Бежим от него! — закричал Рох, но в этот момент цепкое щупальце чудовища выхватило из рук Роха хрупкий кружок и потянуло в грязно-желтую пасть.

— Спаси меня! — закричала белая фигурка, исчезая во рту уродливого монстра.

Рох прыгнул вперед, словно он снова стал сильным и цепким волком. На мгновение он погрузился в жуткого вида мутную жидкость, но затем нащупал дно и стал с силой наносить удары своими крошечными руками. Рох не понимал, куда и кого он бьет, просто им овладело свирепое неистовство теряющего что-то бесконечно близкое и важное.

Внезапно он остановился, а спустя секунду, снова ощутил прикосновение мягкого и теплого тельца. Оно всхлипывало и методично прижималось к Роху. Он закрыл глаза, и его обдало горячей, жгучей волной. Постепенно волна начала спадать, затвердевать и вскоре превратилась в кусок холодного камня или острый кубик льда.

Рох осмотрелся и осознал, что в руках у него лишь талия пустоты, на него в упор смотрел серый железный шарик, очень похожий на белый, который Рох только что спас от неминуемой гибели.

— Иллюзия кончилась, — сказал круглый предмет ровным тяжелым голосом. — Теперь ты в натуральном железном пальце. Здесь все железное: порядки и обитатели. Мы —

молекулы твердого вещества, и нас тут великое множество.

Рох внимательно всмотрелся в серый шарик, и ему показалось, что он снова находится на высокой алой балке, а двое стальных роботов тащат к нему очередную жертву. Повинуясь какому-то подсознательному инстинкту, Рох круто развернулся и прыгнул назад.

Мгновение — и он оказался под сплошной стеной идущего снега, в кольце невероятных смыкающихся вокруг пальца животных. Роху даже показалось, что какая-то часть его самого так никуда и не исчезала, а постоянно находилась на узком пяточке возле скульптуры пальца под падающим косями линиями снегом.

— Что вы хотите от меня? — спросил Рох мутантов.

— Оставайся с нами, — ответили они и замотали своими разными головами. — Ты станешь еще одним ощущением нашего отца, с коровьими копытами и носом дельфина.

— Нет, — сказал Рох. — Я не хочу быть чьим-либо ощущением. И вообще мне пора.

Он сделал неопределенный жест рукой и полетел, подхваченный своим постоянным спутником ветром.

Е. Яркий квадрат

Следующим местом, которое увидел Рох, стал величественный квадрат с многогранными колоннами и яркими мерцающими ступенями.

«Приветствую тебя, человековолк», — сказало геометрическое чудо, и его голос повис многократным эхом в морозном воздухе.

Рох посмотрел вверх и увидел прозрачный стеклянный лифт, который медленно приближался к земле, стартовав от вершины арки. Когда лифт остановился, его двери бесшумно растворились, и Роха обдал бесцветный горько пахнущий дымок. Внезапно дымок начал распадаться на отдельные части, а те в свою очередь — закручиваться в странного вида кольца. Но вот кольца засветились разнообразными цветами, и Рох увидел расплывчатые прозрачные фигуры, отдаленно напоминающие людей.

Первая фигура в темно-красном плаще, малиновых высоких сапогах и рогатом выцветшем шлеме сделала шаг к

Роху и потусторонне улыбнулась. В теле существа Рох увидел кипящие медленные реки и мертвую блестящую почву. Тут с Рохом заговорила великолепная арка.

«Рох, у тебя есть шанс покинуть землю, — сказала она. — Сейчас ко мне прибыли девять разнообъемных категорий, девять душ планет, витающих в бесконечном пространстве вокруг земли. Если кто-либо из них тебе понравится, коснись его рукой, тогда ты сольешься с ним и вознесешься вверх навсегда, а, может быть, даже сможешь вернуться на землю и применить приобретенные навыки против твоих врагов — людей».

— Я — душа Марса, бога войны, — сказал похожий на великана рогоносец, — со мной ты познаешь радость наркотически сладкой смерти, свойственного всему живому справедливого поражения, но затем — внезапный триумф новой победы, уносящей в вечность. Ты получишь все то, о чем ни один из смертных не осмеливался и мечтать. Согласен?

— Нет, — выдохнул Рох.

Воин закрутился вокруг своей оси и снова свернулся в небольшое дымчатое кольцо. Тогда из соседнего дымка проступила плотная фигура в синем кафтане с острой, клинышком бородкой, сквозь нее также можно было видеть насквозь.

— Душа Меркурия, — сказал слабый хриплый голос. — У меня ты можешь научиться хитрости и искусству сбивать с толку. Вить хитроумные сети вокруг доверившегося тебе ближнего — тонкая работа. Согласен?

— Нет!.. — прорычал Рох.

Душа Меркурия опять превратилась в дым, а перед Рохом предстала прекрасная дама несколько пышных форм.

— Душа Венеры, — представилась она, — так меня представляют люди. Со мной, Рох, ты научишься великому искусству любви, искусству красоты и таланту ослепления внешней неуязвимостью. Если ты вернешься на Землю, то на тебя будут молиться женщины, а мужчины станут искать твоей дружбы. Ты сможешь вершить суд оружием неземной власти, соглашайся.

Рох отказался.

Поочередно ему явились душа Юпитера на огненной колеснице, обещающая обучить Роха искусству бросания молний и ораторству, способному увлечь толпы, душа Нептуна с рыбьим хвостом, короной и трезубцем, предлагающая жизнь в разветвленных инопланетных жидкостях и спо-

соб обращения в водянистые формы; хромая, в колпаке душа Урана — прозрачный карлик ростом чуть выше самого Роха, кричащий о преимуществах микроскопических форм и клятвенно заверявший его в прелести внедрения во внутренность любого предмета вплоть до человеческого тела, а затем его мгновенного уничтожения. Суровая душа Плутона в форме могучего лысого великана с хвостом, требующая Роха к себе и уверенная, что он обязан стать ураганом, который может пронестись раскаленным шлейфом, вулканической лавой или бесконечным потоком вод, гордой непобедимой силой!

Поочередно с каким-то обреченным упорством Рох отвергал сверхсильные души. Последней ему явилась душа Сатурна со светящимся нимбом вокруг головы, она представляла собой длиннобородого седого старца в ниспадавшем до пят белом платье. Старик был больше похож на католического святого или на древнегреческого философа, но уж никак не на существо далекой планеты, удаленной от Роха на множество лет полета земного космического корабля. Нимб вокруг головы старца был соткан из тончайшего дыма, дым время от времени сворачивался в маленькие кружочки, которые корчили рожи, смеялись, плакали и напоминали головки самых настоящих человеческих детей.

— У меня, — пропела душа Сатурна, — ты научишься долготерпению и стойкости в достижении даже самой несбыточной цели. Видишь, мне приходится все время находиться в окружении двенадцати невозможных капризных спутников, а вместе с тем в терпеливости я равен абсолютному богу.

Над последним предположением Рох почему-то задумался, но тут услышал сильную и ясную музыку, ту самую, во время которой он стал человеком, а вслед за ней — разгневанный голос светящегося квадрата:

— Зачем ты опять пришла, душа луны?! Тебя никто не звал на это празднество!

— Я пришла за Рохом, — пропел чистый женский тенор. — На этот раз он будет моим!

Рох не осмелился поднять глаза, так как не знал, какую цену придется уплатить за созерцание лика луны во второй раз.

— Рох еще не ответил мне, — насупилась душа Сатурна, — я хочу забрать его к себе.

Рох задрожал от гнева. Неужели надо стать человеком, чтобы тебя склоняли в разные стороны, унижали, обманывали, забивали твои уши ложью, рот — ограниченным количеством слов, а глаза — сплошной яркой, но пустой галлюцинацией?! Он уже давно понял, что кто-то сильный и незримый ставит над ним жестокий, безжалостный эксперимент, который длится целую вечность, равную всего лишь несколькими ночным часам, и цена этому эксперименту — маленькая, слабая жизнь самого Роха.

— Нет! — заорал он что силы и побежал прочь внутри арки, а затем — за ее блестящие пределы.

На этот раз он не терял сознания, он двигался, подталкиваемый в спину ветром, и вместе с тем чувствовал, что его ноги и тело наливаются странной, неведомой ему силой.

В Рохе поселилось не что иное, как мужество. Он выбежал за пределы магического пространства, так и не увидев, как многоликий дым, состоящий из разнообразных искусителей, свернулся, застонал и заполнил собой лифт; тот, в свою очередь, задрожал прозрачным телом и медленно пополз на вершину сверкающей арки, унося с собой вряд ли светлые эссенции с далеких планет.

Г. Пророчества кладбища

Как только Рох ступил за пределы арки, его сразу же обдало резким могильным холодом. Он увидел бесконечную вершину каменных крестов и замер, укутанный таинственной ледяной темнотой.

— Все кончается, — тихо произнес глубокий голос — голос кладбища. — После созерцания равнодушных, но ярких цветных фигур нас укрывает серая пыль. Ты подошел к последней черте, за которой — одновременно все и ничего.

Рогу стало жутко. У него в самом деле возникло ощущение, что он находится на окраине мира, в самой последней его точке, за которой простирается лишь печальная пустота.

— Хорошо, что ты пришел. Я покажу тебе конец этого великого города, — прошептал голос.

Из глаз Роха полетели слезы, горизонт встал на дыбы, и он обнаружил себя идущим по широкой каменной улице.

Ему даже показалось, что теперь дома не такие уж и большие по сравнению с размерами его тела, но не успел Рох обрадоваться этой мысли, как земля поплыла у него под ногами, и он полетел куда-то в бок.

Стеклянное кафе, стоявшее напротив и напомнившее Роху его последний в XX столетии день, наклонилось в противоположную от нашего героя сторону, и из него посыпались как будто бы люди в блестящих обтягивающих костюмах. Рох пожалел, что у него теперь нет волчьей подвижности и умения прыгать через всяческие преграды. Он попытался сдвинуться, но в ужасе замер, так как крыша и стены кафе обрушились на людей, похоронив их под бесформенной грудой пестрых мигающих обломков. Роху с трудом удалось подняться, и он побежал прочь от этого жуткого места по выложенному цветной мозаикой тротуару. Добежав до угла, он остановился и осторожно посмотрел вверх на гудящую железную башню. Она переливалась красным и синим цветами, разделенными яркой белой полосой. Вверх и вниз по ней сновали быстрые лифты. Роху показалось, что нечто подобное он уже где-то видел.

В этот момент к нему подошла невысокая стройная девушка в цветном, разделенном на множество остроконечных верхушек колпаке поверх каштановых волос.

— Здравствуй, ты кто такой? — спросила она.

— Я волк, — сказал Рох.

— Какой же ты волк, — засмеялась девушка. — В своей странной накидке ты скорее похож на героев моих старых детских книжек.

— Тогда, я — Рох, — сказал он.

— Ты просто Сказка, — зазвенела девушка и высоко подпрыгнула, скрипнув своим обтягивающим костюмом. — Я Индира. Пойдем кататься с нами.

Она взяла Роха за руку и потянула к компании молодых людей, оживленно беседующих неподалеку. Рох закрыл глаза и послушно пошел за ней. Он вспомнил, что пережил подобное ощущение несколько часов назад, когда белый шарик звал его к своим веселым друзьям. И теперь он ожидал, что вот-вот что-нибудь обрушится, упадет и кто-нибудь вырвет теплую ладонь девушки из его руки. Но кругом было тихо, и Рох перестал думать об уничтоженном на его глазах небольшом кафе.

Все же мысль о бесконечном повторении определенных ощущений залегла в укромном уголке его естества. Будучи волком, Рох никогда об этом не думал, а повторение каких-либо действий и чувств воспринимал как единственную объективную данность...

Они поехали в прямоугольном просторном лифте на вершину башни. Друзья девушки-колпака шутили и смеялись, а Рох думал о лже-душах далеких планет, спустившихся к нему с вершины арки. Смутно он понимал невозможность происходящего, так как в данный момент он должен находиться возле кладбища, он, крохотный человечек, еще никогда доселе не говоривший с живыми людьми, а лишь только с духами и существами иных измерений. С вершины трехцветной башни им открылся необыкновенно красивый вид на город, но в этот момент Рох увидел в некоторых местах яркие вспышки, и после этого здание или церковь бесследно исчезали.

Веселящаяся компания сразу же притихла.

— Опять он начал, — сказал худой молодой человек со стальным обрезом у пояса и в шапочке с маленькими рожками.

— Да, — сказала Индира. — Очень жаль, похоже, дело принимает серьезный оборот.

— Но ведь правительство уверяло нас, что договор уже подписан! — вскипел юноша. — А вместо этого, похоже, начинается бойня, нас поджарят, как каштаны, раньше, чем мы скроемся за пределами биосферы этой планеты.

— Правительство мы никогда не интересовали, — сказала девушка, — со всей очевидностью это становится ясно в последний момент. Спускаемся, — кивнула она растерянными спутникам, и лифт плавно заскользил вниз.

У подножья башни вдруг что-то заклокотало, зашумело и рванулось ввысь разноцветными брызгами. Люди бежали, падали и кричали, уподобившись хаотичным молекулам, сталкивающимся и разбегающимся по воле случая.

Рох так и не понял, кто такой этот могущественный Он, жгущий и уничтожающий хрупкую цивилизацию вокруг себя.

Молодые люди достигли подножья башни, но едва они покинули лифт, как в нее ударила огромная изжелта-красная молния. Башня пошатнулась, накренилась и стала медленно валиться на бок.

Рох увидел, как некоторые из людей бросились к прозрачным круглым раковинам и попытались взлететь, но через некоторое время их красивые аппараты начинали падать, охваченные мерцающим пламенем, сраженные молнией. Они падали на расплавленные обломки башни, ничтожные, слабые существа, заживо погребенные в своих летающих машинах. Только одной раковине удалось взлететь на порядочную высоту и безболезненно скрыться из виду. Роху даже показалось, что это была машина юноши в рогатой шапке.

Часть башни еще на чем-то держалась, а стоявшие возле нее люди разбегались кто куда.

— Бежим в мою машину! — крикнула Индира, увлекая Роха в какую-то боковую улицу. Она цепко держалась за его руку, и он чувствовал ее горячие, влажные пальцы в своей ладони.

— Он уничтожил все: соборы, великую крепость и даже башню — древнейший символ из XIX столетия.

— А арку? — вдруг спросил Рох, — светящуюся квадратную арку?

— Арку? — девушка на мгновение остановилась и пристально посмотрела в лицо Роха. — Он там обосновался, с арки-то все и началось. Он...

Но в этот момент раздался страшный треск, земля поплыла у них из-под ног, и Рох почувствовал, как что-то великое и тяжелое вдавливают его в ее недра.

Он с трудом повернул голову и увидел невдалеке Индиру. Девушка лежала поперек дороги, раскинув руки, вдавленная в землю длинным куском металла, а ее спокойные глаза были широко раскрыты и смотрели под прямым углом вверх.

— Так все кончается, — сказала она, почти не открывая рта, в уголке которого брала начало тоненькая струйка крови.

Рох согласился с ней мысленно и почувствовал, как погружается в небытие. Он сомкнул глаза и через ясный, но долгий промежуток времени решил отворить их, чтобы в последний раз смело взглянуть в лицо окружающему гибнущему миру. Это удалось ему с превеликим трудом, веки слиплись, и Роху показалось, что кто-то наложил ему на ресницы плотный слой клея. Но, открыв их, он чуть не закричал от удивления.

Он лежал на том самом месте — в центре продуваемой ветрами площади, откуда начал свое путешествие в человеческом обличе.

Г. Отступление смерти

В эту дивную, полную страшных чудес и чудесных страхов ночь Роху не суждено было обрести даже минутный покой. Не успел он прийти в себя, как увидел возле своего лица четыре горящие точки. Присмотревшись, он различил над собой две огромных морды, принадлежащих собаке и кошке. По правде говоря, это были собака и кошка вполне обычных размеров и к тому же, как и подобает уличным животным, сильно проголодавшиеся. Они обнюхали Роха и дружно облизнулись, словно выполняли чье-то синхронное упражнение.

— Я королева кошек, — сказала кошачье существо, — и этого человека я сейчас съем. Люди принимают нас за маленьких тварей, которыми можно развлекаться и заводить в доме для собственного увеселения. Но теперь я использую свой шанс во чтобы то ни стало, по правде говоря, я еще ни разу не ела человека.

— Да ничего подобного, — возразил собачий князь, а это был никто другой, как именно он. — Я повелитель всех псов этого города и знаю, что это не человек, от него идет сильный волчий запах, который невозможно с чем-либо перепутать. Моего прапрадеда загрыз на охоте волк, так что это волчье существо в человеческом обличе съем я.

— Нет, этого человека буду есть я! — прошипела королева.

— Нет, этот нечеловек мой, — зарычал пес, и через мгновение они покатались по площади, намертво сцепившись.

Рох стал молить о помощи и звать ветер, но тот, по всей видимости, был где-то далеко в этот предутренний час. Вдруг Рох увидел, как клубок сцепившихся животных превратился в двухголовое восьмилепое страшилище, и оно медленно подбирается к нему, облизываясь двумя языками.

«Все, — подумал Рох, — на этот раз передо мной настоящая реальность, я стою на существующей в этом времени площади, и спасти меня абсолютно никому». Чудови-

ще было совсем близко; Рох напряженно вспоминал свои недавние чувства: именно так он хотел расправляться с ни в чем неповинными человеческими созданиями всего лишь за то, что кто-то из шестимиллиардного племени Земли много лет назад напал на его семью.

И впервые уже абсолютно по-человечески Рох ощутил отвращение к самому себе. Двуглавый собакокошачий мутант прыгнул, но в этот момент чьи-то цепкие лапы ухватили Роха за краешек мантии; тотчас он взмыл высоко вверх, а где-то вдалеке громкие часы пробили пять часов утра.

Н. Бесконечный полет в когтях Ноттердамской химеры

Рох взлетел; он взлетал все выше и выше, испытывая неизмеримую кипящую радость, как будто у него в действительности выросли мощные крылья. Оглянувшись, он увидел потустороннюю улыбку Ноттердамской химеры, несущей его в радующую глаз глубь неба. В этот момент Рох почувствовал, что его тело наконец-то растет; и от острого счастья, переполнившего все его существо, он неожиданно потерял сознание...

Рох очнулся на дне какого-то неглубокого ручья, он лежал на спине, а сверху текла и переливалась, играя лучами восходящего солнца, прозрачная вода. Сквозь ее гладкую зеркальную поверхность Рох видел кроны прекрасных плакучих ив, склонивших свои косматые головы над плавным водным потоком.

Едва придя в себя, он понял, что теперь его тело достигло нормальных человеческих размеров. Он посмотрел чуть в сторону и увидел Ноттердамскую химеру, сидящую на плоском камне у самой воды. Химера подпирала голову руками и улыбалась загадочно и нежно. Рох ощутил в себе зарождение настолько светлой и сильной энергии, что казалось, все вокруг должно подняться высоко над землей, раз и навсегда преодолев силу всемирного тяготения. Но вместо этого он продолжал лежать, растянувшись во весь рост на дне неглубокого ручья, под полуметровым слоем воды, и дышалось ему на удивление легко.

Не закрывая глаз, Рох снова погрузился в забытие, похожее на сон, где увидел крылатого стража, снова сидящего на вершине великой крепости, и возле него — маленького себя; над крепостью, глубоко в вышине вставал ярко-красный шар солнца.

Потом Рох опять видел себя, стоящим на вершине красной балки и на ступенях большого квадрата; себя, держащимся крохотной рукой за пьедестал скульптуры таинственного пальца. И всегда, в каждой картине ему снилось встающее ослепительное солнце.

Проснувшись, Рох засмеялся, и, хотя он не слышал своего смеха из-за звучания воды, у него возникло чувство бесконечной реальности происходящего. Крылатая химера, сидящая на камне у воды, тоже радостно смеялась, высунув наружу поразительно длинный язык и не сменив своей всегдашней позы мыслителя.

Они смеялись беззвучно, пристально смотря друг в друга, и Рох внезапно понял, что теперь он действительно счастлив!

Эпилог

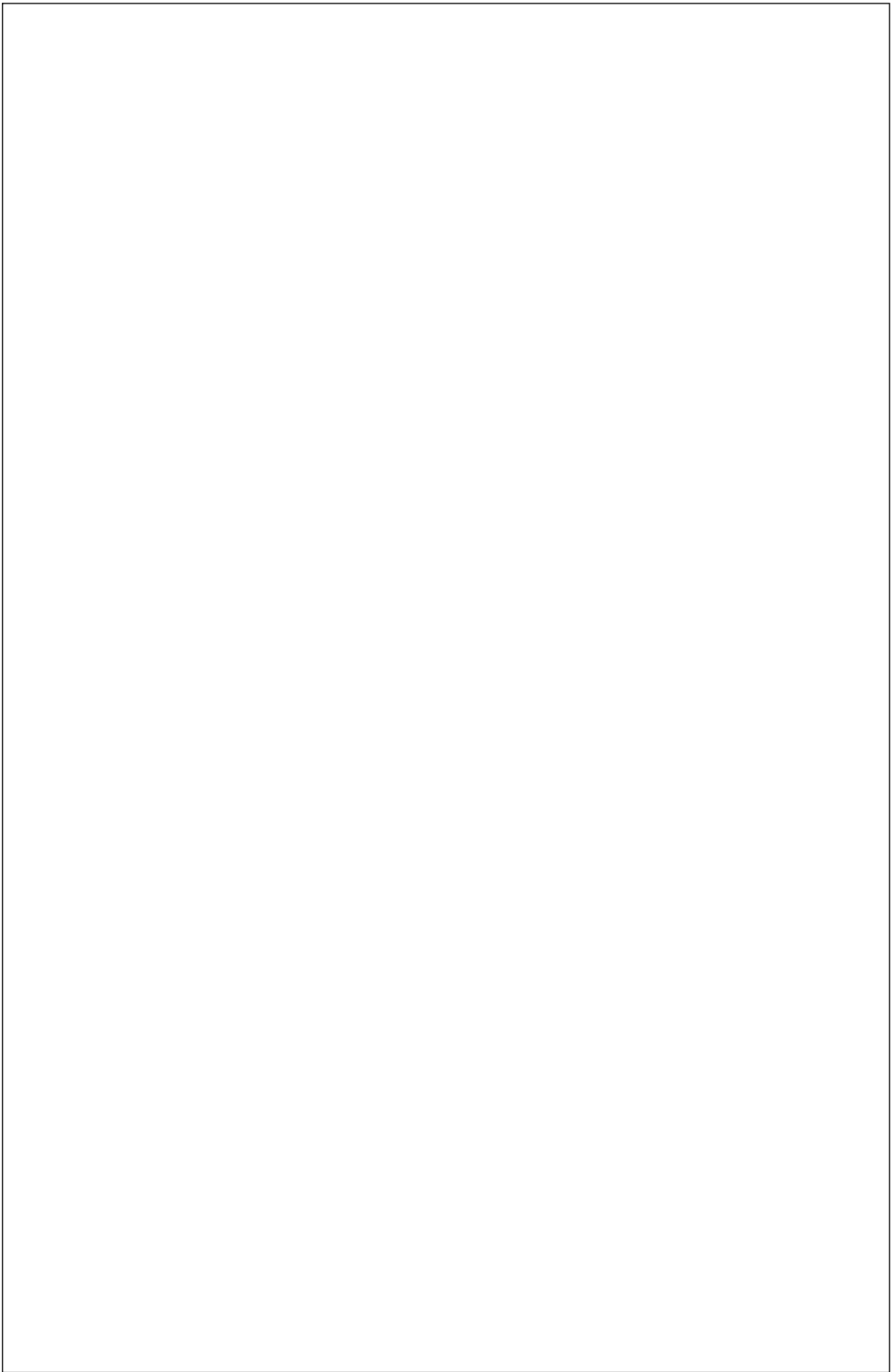
Если бы Вы могли взлететь на сотню метров вверх над современной площадью у арки Defance (а вполне вероятно, Вы это прекрасно умеете), Вы бы увидели, как в какой-то момент между шестью и семью часами утра 1 января 2001 года на балкон одного из немногих жилых зданий этого квартала вышла невысокая хрупкая девушка; она сонно потянулась и посмотрела вниз с балкона полуспускающими утренними глазами. Действительно, не каждый может встать рано утром после бессонной новогодней ночи, но Мари безумно захотелось спать сразу же после полуночи, и уже через полчаса после торжественного звона часов она крепко уснула, перед этим позволив дяде Мишелю в очередной раз буркнуть что-то про губительность влияния района Defance на здоровье нормального человека. В самом деле, к большому огорчению близких и друзей, собравшихся за столом в новогоднюю ночь, Мари предпочла их общество беспокойному и таинственному сну.

К своему разочарованию, утром она ничего не могла вспомнить, кроме высокой Железной Башни, Арки De

FANCE, изваяния странного Пальца какого-то Полузверя-Получеловека и, как ей казалось, одной из скульптур на крыше Ноттердамского собора, виденных ею давным-давно. Стоя на балконе в первое утро XXI века, она никак не могла понять, плохое или хорошее предзнаменование подобный сон. Но, тщательно поразмыслив, Мари пришла к выводу, что данные находки человеческого гения не могут нести в себе отрицательной энергии и посланы людям какой-то силой свыше.

Мари перестала размышлять, протерла глаза и посмотрела в сторону арки. Под аркой на ступенях сидел невысокий, одетый в черное человек и читал книгу. «Странно», — подумала Мари и, взяв в комнате бинокль, навела его на незнакомца. Он оторвался от книги, посмотрел вверх, а затем засмеялся, помахав ей рукой. Мари ответила ему тем же, улыбнулась и пошла варить себе кофе в прекрасном расположении духа...

Если Вы внимательно присмотритесь к сидящему человеку, то наверняка отметите его сильное сходство с недавно покинутым нами Рохом. Но Мари и Рох, смотревшие друг на друга, не вспомнили о бледном пространстве за пределами арки, там, над ровными шеренгами холодных крестов, встает ярко-красный шар огромного солнца. Первый восход третьего тысячелетия поднимает энергию жизни над серыми рядами смерти. Наверняка, где-то вверху эта энергия снова разольется по Млечному Пути для нас с вами таинственными образом!

5.

П
Е
С
Н
И

О
Д
И
Н
О
К
О
Г
О

В
О
И
Н
А

1998-
2004

Пускай горит сегодня ярко пламя,
Мгновения судьбы я Богу отдаю
Среди бессмысленных сражений
Я найду Свободы Вечной знамя
И благодарно к небу вознесу.
В честь Троицы пишу я строки эти,
Забвенно и беззвучно голову склоня.
Когда Отец и Сын и Дух,

наш Утешитель,
Творят искру из пепла в честь Огня.

А.Б.

1 ПЕСНЬ

ПЕСНЯ НИЦШЕ
(посвящение
великому философу)

Бывают дни, когда иглы пространства
впиваются мне в глаза,
и все вокруг стремится превратить меня в пепел,
И слезы отчаянья хищные подбираются к горлу,
И я забываю о том, что, в сущности, светел.

А мое бессилие скалится всласть,
и питает худшие и липкие чувства,
Я почти скинут в пропасть и, силясь встать,
Теряю так, кажется, всё... и мне пусто.
Но тогда я вызываю воздух на бой, наполняясь
жесткой и колючей волной.

Я больше не ищу общих путей,
И мой океан — больше не твой.
Взрываясь вулканом, забьется мой пульс,
Холодным льдом нальются глаза,

И вся моя боль, и вся любовь,
Подобные пеплу, полетят из костра.
Убей меня словом, разбей меня всласть,
Забудь и сравни с тем, кто мудрей,

Быть может, я не смогу никогда,
Быть может, он или она сильнее,
Так и нити души нам даны, чтобы рвать.
Смотри мне в глаза, в них есть, что терять.

Смотри мне в глаза, смотри в них опять,
Смотри и застынь отражением света.
Мне все равно, кто ты теперь,
Бывают дни, когда тебя рядом нет.

И даже если все небеса и все голоса
Оскалятся тысячью смертоносных льдин,
Я выбрал путь воина, тот, что единственно мой,
Он бесконечен, и он один!

II ПЕСНЬ

ПЕСНЯ ОДИНОКОГО ВОИНА

Когда воин ничего не может сказать
И больше ничего не может услышать,
Когда ему нечего больше ждать,
И его недавний огонь становится тише,
Превращаясь в равномерное движение льдин,
Воин обрывает нить даже
наиглубочайшего чувства,
Он остается один.

III ПЕСНЬ

ПЕСНЯ БОЖЬЕЙ БЛАГОДАТИ

Наполнить друг друга друг другом
До самых краев и затеряться
в бесконечном просторе,
Душа воина — это стрела,
А время — лук, выпускающий стрелу в море,
И познание мира не имеет границ,
Не имеет места, запаха, цвета,
Хотя все это в мире есть,
Но познание смотрит в мир, как зима в лето.
И вот есть ОНА, и с нею можно вполне
Купаться в мягкости трав,
Окунаясь в утро луговых рос,
Но я вспомню тебя, потому что с тобой
Мы прыгаем в пропасти
Самых дальних звезд.
Замолчим, слова ни к чему,
Они, как шапка, что горит на воре,
Душа воина — это стрела,
А время — лук, отпускающий стрелу в море...

IV ПЕСНЬ

ПЕСНЯ ИНЬ И ПЕСНЯ ЯН

Где ты ходишь, смерть моя,
Я не знаю, не знаю,
Так стань налево и посоветуй, как жить,

Стань мне советчиком, смерть моя —
 Инь-ян, проходящая сквозь
 Все пить и курить.
 Те, кто горят, горят одиноко,
 Те, кто гниют, погибают с толпой,
 Хочется плыть, там, где зыбко — высоко,
 И громко смеяться по дороге домой,
 Хочется петь, хочется пить, хочется плыть,
 Смерть моя инь-ян, смерть моя инь-ян,
 Стань рядом со мной,
 Помогая мне жить.

У ПЕСНЬ

ПЕСНЯ ЖЕНСКОГО СЕРДЦА

Не думай, но помни о нем,
И расставшись, люби его таким, как он есть,
Я знаю, тебе больно смотреть на солнце,
А оно и не знает, что все еще здесь,
Чем еще вытравить эту страшную горечь
С окраской и привкусом полынной травы.
И те, что любимы нами, уходят
Куда-то в дебри недоступной страны,
Они будоражат нас, привлекая,
 поднимая ночами и в полный рост,
Они возжигают нас, ослепляя,
И молча светят с погасших звезд...

VI ПЕСНЬ

ПЕСНЯ ПРЕДАННОГО МЕНЕСТРЕЛЯ

Что неприемлемо и что возможно?
Тела на тела стремятся пропасть,
Аура псевдовеликих энергий
И поздних всплесков — в вечности пасть.
И еще один раз, и еще бесконечность,
Слова предадут нас — головою к мечу,
И я ниспаду дымом стертых созвездий,
Как собственным пеплом
К твоему лицу...

VII ПЕСНЬ

ПЕСНЯ СУЩНОСТНОГО Я

Здравствуй, жалкий раб пахучего эго,
Твое я — всего лишь маленький склизкий шар,
Ты лопнешь однажды — это бесспорно,
Маленький раб, ты познаешь кошмар.

Однажды прекрасным днем для кого-то
Или днем, в который из ноздрей идет пар,
Ты захлебнешься в своей важной блевоте,
И я брошу тебе свой окончательный дар.

Сейчас, раздуваясь гнилым помидором,
Ты не постигнешь сего — гадай, не гадай.
Но в этот день все будет просто,
Я скажу — ты услышишь:
П. Р. О. Щ. А. Й.

VIII ПЕСНЬ

ПЕСНЯ ЛЮБОВНОГО ПЛАМЕНИ

(посвящение 80-м)

Как древнегреческий меч на огне раскаляя
И сшибаясь копьем двух отточенных я,
Сквозь ветер и дождь тебя ощущаю,
Если выпадет снег — ты люби меня.

Сквозь ругань и крик,
и теплую зиму,
Океанический сумрак клеймя,
Когда печаль застилает сетчатку,
Мы не станем пить чай — ты люби меня.

Хочешь — играй, хочешь — прощайся,
А мы с тобой помним:
 есть любовь и есть смерть,

И я прошу тебя — не поддавайся
Тем, у кого обескровлена сердь.

Холод ладоней и изморозь в пальцах,
Но когда изнутри не хватает огня,
То тем, кто ложится, — спокойного...

Я шепчу сквозь решетку чужого сна:
«Иди ко мне, люби меня...»

IX ПЕСНЬ

ПЕСНЯ ДОЖДЕВОЙ ТОСКИ

За витражом кафе — дождь,
А у меня грустно,
Брат, ты уже весьма долго живешь,
Остерегайся драконов из логова «Пусто».

Будучи юным, я не любил уравнение,
Не понимал, в чем его суть,
Теперь я хватаю за хвост спряжения
И с ними лечу...

В чем будь, в том и будь,
Заснежена пеной стеснения,
Падай ко мне на грудь,
Волны моря не бывают второстепенными,

Их выравнивает суть.
От смерти и любви
Возьми в жизнь, кроме буквенного доспеха,
Их животворящую плоть.

И преломи, как светлый бог, хлеб,
И запей вином, пока
не канул в лету...

X ПЕСНЬ

ПЕСНЯ АБСОЛЮТНОЙ ПОБЕДЫ

Слышал ли ты об этом, мой друг?
В оставленном богами мире
Нужны деньги, чтоб выжить,
Не думай об этом, мой друг.

Не рви свою сокровенную нить.
И слышал ли ты, сколько слов говорится
Вокруг, слова, что стоят денег,
И льются деньги, что стоят слов.

Не думай об этом, мой друг,
Умей закрыть свой рот на засов.
Мне кажется, слышал ты и о том,
Что для некоторых жизнь прекрасна,
как северное сияние.

А для некоторых, что содом,
Не думай об этом, мой друг,
И тех и других
Одна смерть поджидает.

Но тот, кто не думает о пустом
И не говорит лишних слов, — побеждает,
Если же он проигрывает,
То — все равно побеждает!

XI ПЕСНЬ

ПЕСНЯ ОДИНОКОГО ПОЛУНОЧНИКА

В полутемном номере отеля Z
Я читал Велимира Хлебникова
И ждал тебя там, под кислотным солнцем,
Нарисованным на потолке.

Мерно жужжала вытечка воздуха,
Не доносящая звуков извне...
Что мы были, что есть, что мы будем,
Слабая тень голубого ящика на стене.

Мне хочется дышать полной грудью,
И подарить часть этого дыхания тебе.
Из-за двери доносится шорох,
Это мне непонятный клекот портье.

За окном в никуда течет город, в котором
умрут все.

Крики, кого-то куда-то забили,
В крови я чувствую вечный город,
Виденный мною во сне из звездной пыли.

Этот момент ожидания
Вскоре пройдет, отомрет и уйдет на заре.

Мерно поет вытечка воздуха,
Не доносятся звуки извне.

XII ПЕСНЬ

ПЕСНЯ ВОЗРОДИВШЕГОСЯ ПАЛОМНИКА

Спасибо за новую кровь,
Спасибо за внутренний танец,
Спасибо, сестра моя,
 за чистый кристалл любви,
Навечно я сложил его в сердца ранец.

Спасибо за древнее небо,
Спасибо за прах руин,
Спасибо за вместе с тобою,
Спасибо за я один!

И теперь, усиленный током
И зажженный высокой звездой,
Я пойду параллельно небу,
Параллельно звуку, где мы с тобой.

Не остановят меня легионы,
Ни зависть, ни раздавленный стон,
Вперед, мой возлюбленный бодисадва,
Рвать сжимали времен...

XIII ПЕСНЬ

ПЕСНЯ ПОСЛАННИКА РАДУГИ

Любимая, нас окружают монстры —
 не разобравшиеся в себе люди,
Топчут нас отвратительным ядом
 гниющего я.

Это умирает 20-й век, моя хорошая.
 20-й век мстит за себя.
Маленькие и большие тираны
 пьют кровь из светлого мира.

Холодные истуканы и свирепые львы
С ненавистью, замаскированной под любовь,

Вожделеют нас.
Но мы — воины, моя родная.
Мы прорастем, не боясь,
и, сделав свой выбор,
Мы выбрали птицу свободы.
Сомкнем же покрепче уста,
и в сжатых губах
Понесем вверх по реке
бесконечности свою природу.
Вот, смотри, в этот солнечный
весенний день
Я опять приникаю к тебе
глубокой волной.
И голубая горячая радуга
(Из тех, чей секрет нам неведом)
Восходит еще раз, великая,
Над тобою и мной...

XIV ПЕСНЬ

ПЕСНЯ ПРОЗРЕВШЕГО ПОЭТА

Глаз поэта добывает печаль,
Глаз поэта добывает огонь,
Глаз поэта добывает смех,
Глаз поэта добывает огонь.
Глаз поэта добывает звук,
Глаз поэта добывает дождь,
Глаз поэта добывает звон,
Глаз поэта добывает дождь.
Глаз поэта, глаз поэта, глаз поэта.

Глаз поэта добывает стон,
Глаз поэта добывает ночь,
Глаз поэта добывает крик,
Глаз поэта добывает ночь,
Глаз поэта добывает всё,
Глаз поэта добывает ВАС,
Глаз поэта добывает всех,
Глаз поэта добывает НАС.
Глаз поэта, глаз поэта, глаз поэта...

XV ПЕСНЬ

ПЕСНЯ НАБЛЮДАТЕЛЯ РЕК

Я не помню Москву-реку,
Ее золотое русло,
Ее спортивные берега,
И глубину — в ней пусто.

Волга уже милее,
Даже с лицом из грязи.
На ее шершавой волне
Мне видятся древние князи.

Другое дело Нева — каменная
Красавица,
В ее холодных водах спит забытье,
От которого не оправится.

А еще есть простор Оки,
И печаль берегов Лены,
Где жили богатыри,
И шаманы взбивали пену.

Так вот извивы рек
Остаются в нас навсегда,
И нечему здесь удивляться,
я сам — река.

XVI ПЕСНЬ

ПЕСНЯ СЕДОГО МЫСЛИТЕЛЯ

И низвергаясь в пустоту,
В изысканном
 длинноволновом круге,
Теряя старую любовь меж
Мыслями о новом друге,

Давя ступней ростки побед,
Пусть никогда и не пришедших,
На Ганнибалов твоих лет
Смерть Карфагену не нашедший.
Я упражненный во стрельбе
С не мною срубленного лука,

На ощупь тянущий стрелу,
Где каждая вторая — скука.
Бреду, разбрасывая дерн, воспоминаний
Аргонавт, смеющийся в стада акул
С седого мыса, где лежит покрытый
Пылью Парфенон и налитый звездой Катулл,
Я иже прочь...

XVII ПЕСНЬ

ПЕСНЯ МОЛОДОЙ ЛАДЫ (в тоске по великому князю)

Словно Рюрик, режущий волжскую воду,
Оперирую отточенным скальпелем
мысли свободу,
Наблюдая искоса за шелестом птиц
Чужеродных с пустотами вместо глазниц.

Дождь ли, солнце,
Себя отливая пулей,
Вспоминаю твои ресницы,
Вымокшие в дожде июля.

Тело сразу же покрывается дрожью,
Как иные слова, что рождаются ложью,
По песчинке, весло отливая в камень
И кидая хворост в собственный пламень.

Вспоминаю: все это было такого-то дня,
И шепчу, вся дрожа: «Ведь не зря же, не зря».
И опять опускается луннокрылая ночь,
Сердцем черная, что вода, в озере под горой.

Парусам, как водится, нечего больше ждать,
И ветра не ищут дороги домой.
Мир скалится внутрь ночи беззубым ртом —
Выжатый и пустой.

И укрытый заботливо неполной
Луной, поднимается к звездам,
Расправляя хрящи,
Но не цветет зверобой...

XVIII ПЕСНЬ

ПЕСНЯ НЕ БОЯЩЕГОСЯ СМЕРТИ

Когда я умру, здания будут
Также белеть костями,
Манекены чудовищем свежим
Будут торчать в витринах.

Пустоокие девы на перекрестках
Будут кричать: «На, возьми!»,
И под взглядом толпы
Будут в музеях пылиться картины...

Когда я умру, будут дети
Пальцами не созревшими
Осень мять, их ваятели
Будут пересчитывать количество пищи.

Желтое море будет все тот же
Красный песок лизать,
По площадям безмолвным
Будет также летать бездумья кострище.

Когда я умру, будет
Также дождь в ночи шелестеть,
Танцевать и скакать по земле,
Будто в мире и не было смерти.

Когда я умру, кто-то будет
Что-то читать,
И несчастные птицы будут сгорать
Против воли, и, стало быть, против шерсти.

Когда я умру,
Мертвые также будут молчать,
А живые все так же
Готовится к смерти...

XIX ПЕСНЬ

ПЕСНЯ НЕУМОЛИМОГО ВРЕМЕНИ

Иногда я останавливаю мысли
И, не думая ни о чем часами,

С улыбкой висну на числах кислых,
Ушедших в пасть прошлому.

Колючими снами наполнен мой дом,
Грязные пятна на отбеленных стенах,
Я лежу, рассыпая, как милостыню,
Самому себе часы.

И черчу в ровных мыслях
На ближайший день схему,
От рожденья до смерти — вроде бы шаг,
Колыхаются правдой и другие банальности.

Что есть остановка мыслей? —
Приближение к зверю
Или это есть приближение к зверю,
Знающему другую реальность?

Вино стало для меня кровью,
я бесформен, но его
Все еще ощущаю в жилах.
Я пью, как старый токарь Трофимов,
Оплакивающий бабушкину кобылу.

Но почти беспечально,
Сквозь меня вино течет
Свободней, чем быстрые воды Стикса,
Там, в моих жилах,

О которых я имею представление икса,
Но я не ищу ответа — целен,
Словно в стакане Рислинг,
Я останавливаю мысли...

XX ПЕСНЬ

ПЕСНЯ ПРОТИВНИКА ЛУННОГО КУЛЬТА

Сместив уровень своего осознания
В ту точку, где наши слова
Никогда не имели смысла,
Я, тем не менее, не ушел сам от себя.

И вселенную не смог объяснить
при помощи числа,
Танцуя чудовищем звучным
на гребне произрастания
Необходимого сумасшествия, я видел мир
настолько же странный,
Насколько он вечен и естественен.

Пустые сосуды моих выцветших мыслей
Лопались, как скакуны, под совместным движением
Выспренной мышцы и сырого бича,
Я двигался медленно, ровный
и параллельно небу
В перспективе движения, сам себя не ища.

И только когда свет внезапного солнца
Залил мне сухое горло,
Я возгорелся собственным пламенем,
Созданием сложным и проворным.

Я видел до дна глаза городов,
Покрытых веками так,
Что в них и пары истории тленны,
И я неустанно твердил о себе —
я одинок во вселенной.

По небу загадочно текли облака,
И скалились плоско антенны
На сумрачных крышах холодных домов,
Мертвых червей во гробе вселенной.

А в обычной ночи всходила луна
Монетой чеканной, почти что звездой,
Серпом желтогривой, лицом озорной,
Немного наивной, как всякая плоть в темноте.

А в отсутствии света, пожалуй, бесценной,
Уверенной силой, своей красотой,
Почти что забывшей свой внутренний строй —
Конечный и истинно тленный...

XXI, XXII, XXIII ПЕСНИ

ПЕСНИ ОТРЕШЕННОГО

XXI

К БЕЗМОЛВИЮ

Я призываю тебя к себе,
Сила внутреннего безмолвия.
Наполни меня хотя бы на треть,
Чтобы мне жить, не умирая,
И умерев, не умереть...

XXII

К СЛОВАМ

Войны и равнодушие,
Вакуум мира, звон пустоты,
Было время, и я воспевал
Буквы в водах прозрачной реки.
Прощайте, слова — дети печали,
Сегодня
Души рифм от меня далеки...

XXIII

КО ВРЕМЕНИ

От того, что я прожил,
Я не отрекаюсь,
И того, что меня ждет,
Я не боюсь,

И я уже больше не кувыркаюсь,
Я воин растущий,
И в битве я бьюсь...

XXIV ПЕСНЬ

ПЕСНЯ ПРОТИВНИКА ВАРВАРОВ

Посмотри, цветная цивилизация
Загружена черно-белыми картинками,

Вглядись в лица этих людей —
Они вряд ли узнают, зачем жили инки.

Я забрел сюда явно случайно,
Здесь, на пастбище мертвых коней,
Неоварвары рвут друг друга на части
и пожирают.

Что ж, им, пожалуй, видней,

Что ни к чему разводить антимионии,
Почему бы не душисть Антигон,
Так что же мне делать с варварами? —
Стихословом душистым спасать их?

Кувыркаться, как раненный слон?
И в глазах их белым-черно пустотою,
А в руках их почти что топор,
Они текут черно-белой рекою,
Остужая двувцветьем твой взор.

Из проемов их лиц сочтется
Несчастье — не спасут ни меч и не бес,
И поздно перерождаться
Семенам, превратившимся в лес.

Так что же мне с ними делать?
В печальный и солнечный день,
Прозрачный, свежий и тихий,
Сочащийся в синюю тень.

День забирается в вечер,
И варвары готовятся в путь,
К приближению вечного холода
Обрести им когда-нибудь
Отражение вечности странной.

Варварам диким желаю
Обрести печать постоянства,
Отпустить состояние лая
В черном песке забвения.

Вечностью вскрыть мертвую грудь.
Им, на земле познавшим затмение,

Желаю продолжить путь
В беспредельности, сверкающей смертью.

Для рожденных
И вытертых в спесь.
Я им желаю возмездия,
Я, обитающий здесь.

Я — одинокий весь.
Посмотри, цветная цивилизация
Загружена черно-белыми картинками,
Вглядись в лица этих людей...

XXV ПЕСНЬ

ПЕСНЯ ЛЕСНОГО ШАМАНА

Лунным светом пишу стихи
По стволу широкого дерева,
Проснулся — и стою под дождем,
Счастливый, но растерянный.

Мне бы лук со стрелами, что освящен,
Я б шаманил только знай наших,
И медведь-шатун — хозяин тайги —
Мне стал бы совсем не страшен...

Луна светит, река жизни
Течет через это мгновение
назад в нижний мир.

Я стою в среднем мире,
Обнимая дерево.

А над головою звезды вершат
серебряный пир,
В верхнем мире уже проявляется солнце,
Ночь утечет — солнце взойдет,
Но хочется выбраться на твердый берег —
Из переплетенья реки миров.

Лунным светом
пишу стихи по стволу
Широкого дерева...

XXVI ПЕСНЬ

ПЕСНЯ ПРОВОЖАЮЩЕГО ВЕСНУ

Прощай, весна,
Цветной рукою накрой
Мою пустую грудь.
Усталокрылый — не взлетаю,
но ниспадаю в новый путь.

В веках грядущих серой пылью
Я не устану оседать,
Прощай, весна, мое бессилье,
Не знающее, как взлетать.

Я обновляюсь, но старею,
И обрезаюсь об углы
Минут, в часы спешащих резво,
И пьют меня секунд волхвы,

Прощай, весна, я опадаю,
Преодолевший те углы,
В блестящие небесно-странным
Чужого времени сады...

Другого времени сады...

XXVII ПЕСНЬ

ПЕСНЯ БОГАТЫРЯ

Намерение воина — и нет ничего важнее,
Намерение воина — и горы сливаются с небесами
Намерение воина — это меч
Из дамасской стали.

И мы с тобой — единое целое,
Сами пойдем в крутость самой крутой горы,
Руками поддержим небо,
Глазами впитаем источник всего,
Вселенную пустим по кругу.

Мы, в чьих жилах кровь Атлантиды,
В чьих мускулах — сталь Лемурийцев,

В чьем сердце – священные ритмы Христа,
Так пейте намерение воина.

Великий код пустоты,
Пронизанный токами сердца
И шепотом давней великой мечты,
Запредельной, но и простой:
Верьте, не веря, не веря — верьте...

XXVIII ПЕСНЬ

ПЕСНЯ РАСКАЯВШЕГОСЯ ПУСТЫННИКА

О, мой ангел-хранитель,
Не покидай меня,
Одна моя часть взалкала правды,
Другой приятно потерять себя.

Боль и озарение похожи,
Ибо, едва пройдя, покидают
Обыденное состояние сознания,
Что живет, не ища.

Стрелы Амура, копыта Психеи –
Воинства внутри меня,
Споры вокруг Моисея,
Но единство возле Креста.

Мой добрый ангел-хранитель,
Снизойди и овей меня
Горячим дыханием истины,
Чтобы я существовал, любя
 все сущее и единое,
Чтобы я заглянул в СЕБЯ...

XXIX ПЕСНЬ

ПЕСНЯ 33-ЛЕТНЕГО МУЖА

Волны дальнего моря
Простирались прозрачным ковром,
Кусочек Европы,
Кусочек России.

А мне ничего и не надо другого.
Было ли это сном или летом нового века,
Я запивал римским вином
Питерскую сигарету.

В Хельсинки — яркое солнце
В Париже — ветер и дождь,
В горизонтали мы слагаем погоду,
По вертикали — погода не в счет!

На земле стоят города,
В небе живут самолеты,
А над небом — еще небеса
И города, ноты с земли,
Костры мудрых слов

Тихо взлетают к далекой звезде,
Нет ничего, чтобы я мог
Отменить в своей
Тридцать третьей весне.

XXX ПЕСНЬ

ПЕСНЯ БЕСКОНЕЧНОГО Я

Самое интересное, что для каждого
Ты выглядишь по-другому,
Для кого-то ты — просто омут,
Для кого-то подобен рому.

Для кого-то ты ярче звезды,
Реальный последний герой.
Для кого-то — короткий дождь,
Для кого-то — ветер сухой

Или же горный подъем
По дороге домой.
Для кого-то ты — ярость стрелы,
Для кого-то — всего лишь ее оперение.

Для кого-то ты — в будущем взлет,
Для кого-то — в прошлом паденье.
Для кого-то ты — ночь с половинкой луны,
А кого-то жжешь, словно солнце.

Для кого-то ты — просто глоток воды
Из заброшенного колодца.
И проходят нити чьих-то мыслей и дум
Сквозь прозрачную ткань существа.

Ты, безусловно, все то,
Чем казался им,
Плюс бесконечность я.

XXXI ПЕСНЬ

ПЕСНЯ ПРОСВЕТЛЕННОГО В НОЧИ

Темный край темного неба,
 близко вода,
всегда мне хотелось быть
 непосредственно целым,
Когда струя птиц чертит фигуры
 вечности льда.
В небе сером, и я, возрожденный,
 стою иль лежу
Внизу. Полосу сомнительного горизонта,
Как жену, держу на вытянутых руках.

Я Плутарх, Гераклит и кто-то еще,
И свит небосвод надо мною водой,
И слит с неизвестности крепкой стеной.
Пойду, я иду по прямой, исконно моей
и одной.

Темный край темного неба,
Всегда мне хотелось быть
Непосредственно целым...

XXXII ПЕСНЬ

ПЕСНЯ ХРАНИТЕЛЯ ЯЗЫКА

Мои песни — песни силы — и
Дым сигарет — вот что осталось
Мне на моем языке.

Я кудесник (а может быть,
я слабая тень фигляра).

Но вот что осталось мне
На моем языке.
И копьа наружу, стрелы в колчан
и меч в ножны вложу,
И плетъ закину за спину,
и на уровень плеч
Плащ, как знамя, я водружу.

Мне ль не петь песни
силы да дым тайн —
Вот что осталось мне
На моем языке!
На родном языке!

XXXIII ПЕСНЬ

ПЕСНЯ ЯСНОГО ПРОРИЦАТЕЛЯ (братьям)

Писать короткие стихи
И волочить свое искусство,
Шаман — поэту не сродни,
В шамане бесконечно пусто.

И точки синие дождя
Обморосят сухой июль,
Сестра протянет мне стрелу
И тетиву — вложи и дуй.

А брат, о ты, мой бедный брат,
Во снах, в огне и во Христе,
Тяни мой остальной колчан
По безымянной полосе.

От города — такая хлябь,
Да в небо, где такая явь,
Пиши, мой ангел, чрез меня —
И света обнажится главаь.

Я грешный, грешный, боже мой,
Молитвой не достать тебя,
Я соберу святой узор
Из капель летнего дождя.

Смотри: черчу уже вдоль скул —
Я объявляю им войну.
Что им? Да супротив себя
Стальную рать я поведу.

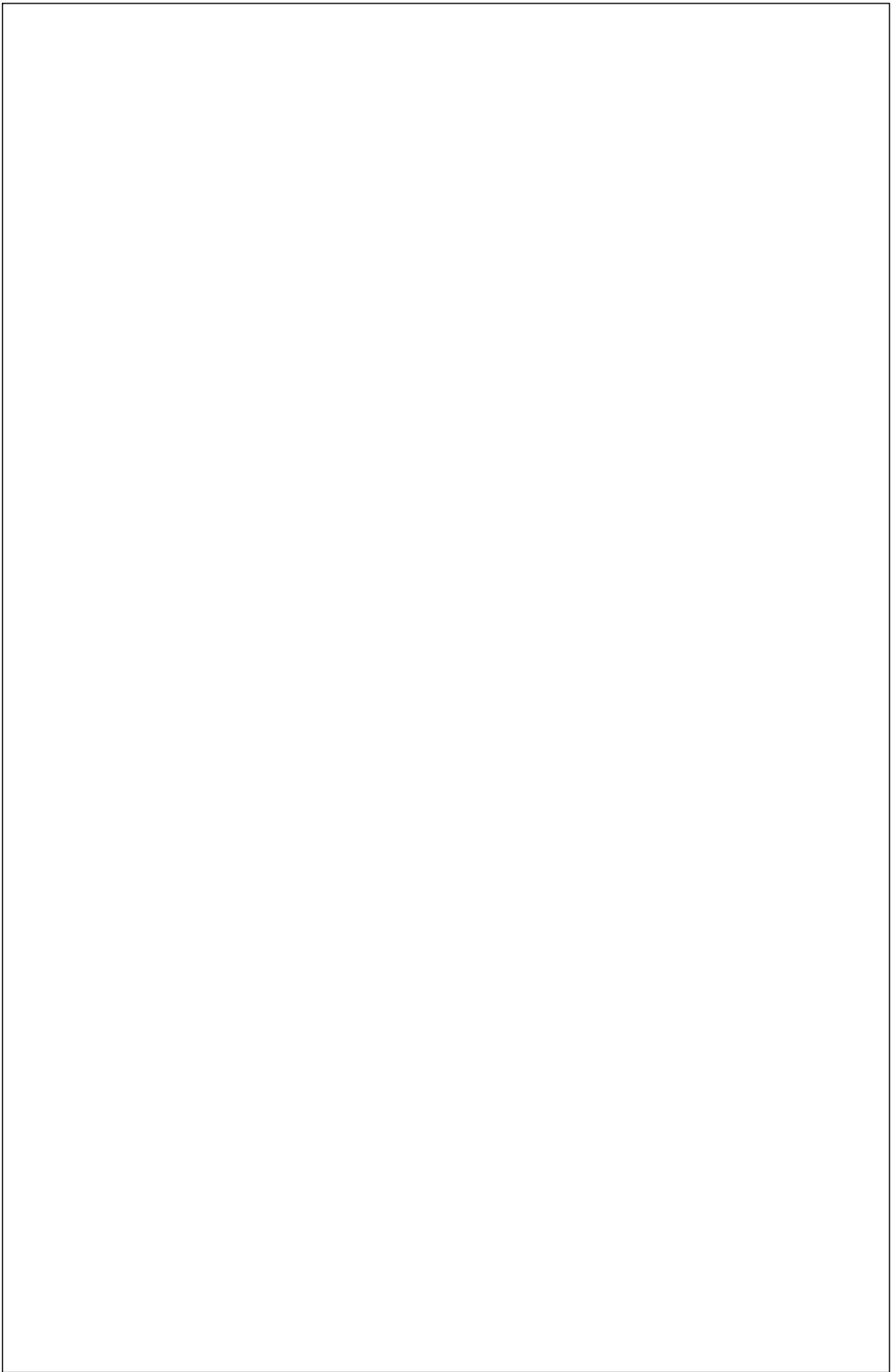
Я воин? Нет!
Я воин! Нет?
Я воин, чтобы мне молчать,
Коли уста слагают бред...

Мечети, церкви... Предо мной
Сидит спокойный Исмаил.
Сала-молейкум, южный брат,
Разделим хлеб, и чай остыл.

Когда под северной звездой
Мы разведем большой костер
И дружно крикнем в такт с луною,
Что мы орлы, что глаз остер.

Тогда и ты святой горою
придешь —
Ты брел через века —
И окропишь святой водою от Магомета,
Мы ж тогда достанем солнечный ковер.

Да сгинет пыль раздоров в Лету,
И шестирукий Пилигрим,
И шестикрылый Серафим
Над миром старым и больным,
Над обновленную волной
восстанут, протрубя победу.

С
К
А
З
К
А

ОС И Н Е М

Мне все равно куда мне плыть —
Я лишь хочу любить и жить,
И мне не важно знать, что будет
 через пару лет.
Клеймом застыл твой взгляд в душе моей,
Прошу я разрешенья стать Стрелой твоей.

A.B.

Сцена I

И тут Асон увидела черные трубы и уродливые серые углы грязного здания. Вместо двери зияла огромная дыра, скалилась бесцветной улыбкой, манила в объятия холодной бездны.

Асон улыбнулась своим страхам. Она даже прыснула со смеху, подумав о важности эпитета «холодная бездна». Не обращая внимания на странные звуки, исходящие из открытого проема, она смело шагнула в пустоту...

Большие залы сменялись маленькими, изящно обставленными комнатками, в которых горели отливающие серебром старых подсвечников гордые свечи.

«С виду какая-то непривлекательная полуразрушенная фабрика, а внутри прямо дворец какой-то», — подумала Асон.

Но тут залы сменились длинными гибкими галереями, и, пройдя по ним, Асон снова попала в лабиринт из множества комнат. Правда, на этот раз комнаты значительно превосходили размером предыдущие. Асон отметила, что в каждой из них сидит молчаливый кролик, а возле него копошатся только что рожденные белые крольчата.

Затем в одной из комнат Асон увидела человеческого младенца, который лежал один-одинешенек на пустом столе. Детеныш был неприятного розового цвета, Асон пригляделась к нему внимательней и вдруг увидела, что лицо у ребенка выглядит человеческим лишь с левой стороны, а из-под правой половины пробивался яркий слепящий свет, он словно бы уплотнялся в воздухе, застывая светлыми брызгами и полностью изменял сей едва рожденный лик.

— Да это же звезда, — Асон замерла от удивления, не дойдя до облупленного стола нескольких метров.

Из-под кожи розового ребенка действительно лезла наружу угловатая звезда, отчего ему видимо было нестерпимо больно, он истошно кричал, а звезда рвала кожу на правой половине его лица и все же никак не могла вырваться наружу.

Асон совершенно не знала, чем можно помочь младенцу, она закрыла глаза, чтобы не видеть это обезображенное

болью лицо, и вдруг ее рука непроизвольно потянулась к острому скальпелю, лежащему на столе.

— Убей его, ему будет легче, — шепнул ей чей-то насмешливый голос.

От неожиданности Асон открыла глаза, но голос больше не подавал признаков жизни.

— Эй, вы кто? — Асон не двигалась с места, она дрожала всем телом и крепко сжимала в руке блестящий скальпель.

— Эй, скажи что-нибудь?

Но голос исчез. «А может быть, он существует только в моем воображении?» — подумала Асон.

Еще она вспомнила, как когда-то очень давно ее бабушка рассказывала о древних странах, где слабых и больных детей сбрасывали в глубокие пропасти. «Нет, — решила Асон, — я не имею права лишать жизни того, кому она дана кем-то свыше».

— А тебе какая разница?

Теперь голос, казалось бы, проник в строй ее мыслей и даже в воображение.

— Ты же избавишь живое существо от мук. Сделай шаг и бей.

Но тут кто-то взял Асон за руку и повел ее прочь из комнаты. Оглядевшись она увидела под собой гладкие стройные поля и покрытый синим туманом лес. Асон и незнакомец, державший ее руку, стояли на высоком холме, а чуть поодаль прямо в воздухе висело застекленное окно, и болтался, словно образ из укользающего, одинокий стул.

— Ты кто? — Асон отдернула руку и посмотрела в глаза незнакомцу, они были разного цвета: коричневый и бархатно-синий.

— Я Никто, — сказал незнакомец и снова взял ее за руку. — Я пришел из ниоткуда и живу в нигде.

— А где я?

— Ты попала туда, где не существует времени, и законы земного притяжения не соблюдаются или, если хочешь, отсутствуют. Это наш дом.

— Я так не хочу, — сказала Асон, и выдернула руку из мягкой ладони незнакомца. — Я не хочу жить в нигде.

— Ты уже живешь в Нигде. Ты находишься в бесконечном доме, — сказал незнакомец.

— Какой же это дом, если над нами — небо, а кругом — поля, лес и даже вон там, вдали, виднеются озера?

— Все это находится в бесконечном доме. Хочешь посидеть, садись на подоконник от окна и смотри вокруг.

Асон осторожно села на край висящего в воздухе окна, незнакомец сел на стул, парящий в пространстве рядом. Они долго не разговаривали, и Асон успела рассмотреть за стеклом море, с холма его не было видно, и окно казалось просто прозрачным.

— Красиво? — спросил незнакомец. — Сейчас появятся разные птицы, они будут летать над водой и распевать свои песни.

— Вот они, — Асон радостно заулыбалась, — Слушай, а вот там внизу появился старик, у него красный долгий-долгий нос, седая борода и длинные всклокоченные волосы.

— Это несчастный колдун, — сказал Никто, — а что он в данный момент делает?

— Как что? — Асон даже удивилась, сама не зная почему. — Он идет по воде и обзывает птиц летающими насекомыми.

— Не удивляйся, — никто поежился на стуле. — Отсюда мне не видно старика. Я вижу только море и чаек-птиц, что летают в небе над ним.

— А почему он несчастный колдун? — поинтересовалась Асон.

— Потому что он недоучился да так и не стал настоящим колдуном. Несмотря на это, он очень талантливый маг, и одно из его высочайших достижений — это искусство ходить по воде, не проваливаясь. Однако он не может вернуться по воде на берег, как делал это всевышний, и у него нет учеников, способных продолжить эту линию. На берег он возвращается вплавь, причем с большим трудом.

— А-а... — вздохнула Асон. — А что мы будем сейчас делать?

— Пойдем осматривать вечный дом. Я покажу тебе свои владения, согласна?

— Согласна. А это все твое?

— Мое и не мое. Это очень трудно объяснить.

Они опять стояли на вершине высокого холма и смотрели кругом.

— А почему лес такой синий? — спросила Асон.

— Потому что это синий лес. И в нем живет синий зверь, — сказал Никто, и они пошли вниз с холма.

— Эй! — услышали они позади себя скрипучий голос. — Я что, так и буду всю жизнь висеть в воздухе около этого противного окна и смотреть сквозь него на однотипный, скучный, по мне, пейзаж?!

— Кто это? — удивилась Асон.

— Это капризный стул, — объяснил незнакомец, — каждый раз, когда я сижу на нем, он хочет, чтобы я взял его с собой.

— А почему бы тебе этого не сделать?

— Он очень капризен. Постоянно меняет свое мнение и никогда не знает, чего действительно хочет.

— Ну, раз он такой, то пускай висит в воздухе.

Асон посмотрела под ноги и увидела, что они идут по прекрасным душистым цветам.

— Я не хочу идти по цветам. Они живые, — сказала она незнакомцу.

— Это вечные цветы, они не умирают, — ответил Никто и побежал вниз.

Асон побежала за ним, что-то крича на ходу и, по-видимому не соглашаясь со странностью подобного спуска.

— Послушай, Никто. Ну, куда ты летишь как сумасшедший? Послушай же, наконец! Сюда мы попали сразу. А теперь нам почему-то необходимо бегать по земле?!

— Далеко не всегда все происходящее после начального события соответствует его действительным критериям, — сказал Никто.

— Слушай, ну ты и задавака, — Асон захихикала как очень ехидная девчонка, — начальное со-бы-ти-е, кри-терии, далеко не всегда! Ты такой сложный, как амнибус.

— Как кто? — удивился незнакомец.

— Как амнибус, — сказала Асон.

— А что это такое?

— Я и сама не знаю, но это, если хочешь, что-то действительно сложное.

— Пускай так, — согласился Никто. — Все равно вначале проще, чем потом.

— Об этом я еще не думала, — сказала Асон.

— Почему? — спросил незнакомец.

— Все-то тебе надо знать. Слишком ты любопытный. Потому-что! — и она снова засмеялась — пускай важный

незнакомец знает, что она весьма остра на язык, хотя и не хозяйка вечного дома.

Сцена II

Они спустились с холма и пошли среди высоких свежих трав, которые были выше человеческого роста и тянули свои острые концы к гаснущему небу.

— Ой, небо темнеет, — прошептала Асон, — но ведь сейчас середина дня.

— В вечном доме никто никогда не знает, где начинается ночь и кончается день, даже небо, — ответил ей Никто.

Травы становились все гуще, но вот они поредели, и внезапно перед глазами Асон как из-под земли выросли огромные синие деревья.

— Где мы? — спросила Асон.

— Мы в синем лесу, — сказал Никто — и вполне возможно, встретим на своем пути синего зверя.

Они молча пошли по тоненькой тропинке, устланной сплошь ярко-синими иголками.

Но вот тропинка перешла в широкую дорогу, и вскоре Асон и Никто увидели похожий на замок, высоченный, из странного материала дом с уклоном слегка набок. Они вошли в него, но в огромном стеклянном зале никого не было.

— Пойдем гулять вокруг дома, — сказала Асон. — Здесь, по-моему, никого нет.

— Нет, синий зверь дома, — сказал Никто. — Он спит в алюминиевой комнате наверху.

— А откуда ты знаешь?

— Я слышу его дыхание, — сказал Никто и открыл дверь в сад.

Сад синего зверя представлял собой четырехугольную каменную фигуру, напоминающую деформированный квадрат.

— Здесь же нет ни одного дерева, какой же это сад? — от удивления Асон села на каменную плиту, лежащую посередине пустого пространства.

— Вверх есть небо, — сказал ее проводник и задрал вверх свою умную голову.

Асон тоже посмотрела ввышину, где в квадратном проеме тускло мерцало на этот раз мутное ночное небо.

— Ну, вот тебе и раз. В этом небе нет ни звездочки, и даже луна куда-то запропастилась!

— Из сада синего зверя звезды не видны, а с луной у него сложные личные отношения.

Никто поднялся с каменной земли, на которую ненадолго присел, и, поживаясь от вечернего холода, встал на одну ногу, согнув другую в колене. Сейчас он напоминал одинокую цаплю, потерявшую надежду найти хотя бы одну лягушку в этом холодном каменном мешке.

— Я знаю и другие места, где такое же точно небо, — сказала Асон. — Например, на планете Земля в больших городах.

— Причем тут Земля, такое небо мы уже сегодня видели здесь, в вечном доме, и надо заметить, что мы смотрели в него из подобного же квадрата, — уточнил Никто.

— Если ты говоришь о небе, которое мы наблюдали с холма, то это неправда. Оно было ясным, и в нем веселились птицы, — заметила Асон.

— Все равно небо всегда одно и то же, — Никто пошел обратно в дом.

Асон последовала за ним. Вскоре они услышали странный звук — и сверху бесшумно спустился синий-пресиний дракон.

— Здравствуйте, — сказал он, — меня зовут синий зверь.

— Почему зверь? Вы же — дракон? — удивилась Асон.

— А что, драконы разве не звери? — спросил крылатый хозяин дома.

— Конечно же, да. Но зверь — это все-таки что-то более неопределенное, — Асон даже нахмурилась. — Зачем вам быть зверем, если вы дракон?

— Вполне состоятельный и огнедышащий, — добавил Никто.

— Ну хорошо, — согласился дракон. — Однако я все-таки люблю, чтобы меня называли зверем, о чем настоятельно прошу всех родных и знакомых.

— Синим зверем — уточнил Никто.

— Вот именно, синим зверем, — дракон расхохотался.

И предложил Асон полетать по залу на его могучей спине.

— А у вас есть очень родные драконы? — спросила Асон, наблюдая, как предметы стеклянного зала равномерно удаляются и приближаются к глазам.

— Есть, конечно, жена-дракониха и дочка-драконенок. Но ночью им полагается спать.

— А вам?

— А нам не полагается, — дракон опустил на стеклянный пол и застучал когтями по стеклу. — Теперь будем есть быков.

Из-под пола раздался страшный шум, стеклянные плиты распустились, как цветок, и в середине зала возник пышно обставленный стол.

— Вы будете есть быков живыми или жареными? — поинтересовался дракон.

От страха Асон абсолютно потеряла аппетит.

— Вы что, с ума сошли?

— Как ты со мной разговариваешь? — дракон нахмурился, разинул зубастую пасть и, схватив лапой живого быка, стоявшего возле стола, проглотил его полностью, перед этим разорвав на две части.

Асон смотрела в его огромные желтые глаза, не моргая.

— Что ты на меня уставилась? Я же зверь. Но при этом я, в принципе, хороший.

— Никто, — сказал дракон, — положи девочке кусочек жаренного животного.

— Я не хочу есть, — теперь Асон уставилась в стеклянный пол и, казалось бы, изучала его ровную, гладкую поверхность.

— Ну вот такая капризная, — ящер протянул лапу и ухватил жаркое вначале с тарелки Асон, а затем и с блюда ее спутника.

— Теперь вы уже не так голодны, так что располагайтесь как дома, завтра познакомьтесь с моим дракончиком — дочкой, у нее, в отличие от нас с женой, две головы и она всеядная.

— Вообще-то мне надо идти, — сказала Асон.

— Ну, куда же ты пойдешь? — запротестовал дракон — Оставайся в нашем доме, здесь места хватит на всех.

— Я не хочу — у меня своя жизнь, у меня есть мама и сестра. Мои книжки, и вообще, я же не ваша.

— Я дракон, мне все можно, — крылатый змей расхохотался от души. — Запомни, моя маленькая Асон, я синий зверь.

— До утра, — он зевнул, показав гостям три ряда острых зубов, блеснул чешуей и полетел вверх досыпать ночь в пустой алюминиевой комнате.

— Я пошла, — сказала Асон.

— Я тоже, — сказал Никто, и они бесшумно выскользнули сквозь приоткрытую дверь.

«Потом он скажет, что я сам виноват в ее страхах, — подумал Никто, — он скажет, что зверям все можно, тем более синим».

Асон и Никто пошли сквозь чащу темных деревьев, кое-где в окружающем их пространстве уже появились светлые пятна — ранние посланцы рассвета занимали свои места в воздухе и на земле.

— Асон, почему ты молчишь? — спросил Никто.

— Я представляла синего зверя совсем по-другому: он легок и неуловим, а дракон грузен, невоспитан и к тому же весьма материален. Нет, он, наверное, хороший, но мне он чужероден, да к тому же и ты...

— Не говори, пожалуйста, обо мне, — перебил ее Никто, — я представляю синего зверя тоже совершенно по-другому, каждый видит его по-разному, и каждый может им назваться.

— Интересно узнать, какой он на самом деле? — Асон вдруг остановилась и стала пристально смотреть кругом.

— Он не любит конкретности, — сказал Никто и вдруг увидел, как мимо деревьев бежит кто-то очень гибкий и синий.

— Ты видела? — спросил Никто.

— Он! Он! — радостно закричала Асон. — Вот он, настоящий синий зверь!

— Он уже убежал, — вздохнул Никто. — Очень редки случаи, когда кому-нибудь удается вызвать его на разговор.

— Главное, что он есть, — сказала Асон и впервые за долгое время весело рассмеялась; вдаль они увидели озеро, небо над которым было уже наполовину светлым.

— Пошли к воде, — предложила Асон.

— Пошли, — согласился Никто.

— Ты знаешь, мне кажется, если бы я осталась с драконом, то он съел бы меня при первой же возможности. Я чувствовала, что под взглядом его гипнотических глаз теряю саму себя. Твой мир и твой дом очень сильные, и они также отнимают меня у себя самой.

— Только не я, — сказал Никто. — Я тебе ничего не могу сделать плохого. Меня не может съесть даже синий дракон. Понимаешь, я Никто, пришел из Ниоткуда и живу в Нигде. Разве может быть опасным тот, чье существование находится под вопросом?

— У меня не возникает вопросов, — сказала Асон.

— Любое существование — это вечный вопрос, находящийся под вопросом, — сказал Никто.

— Все-таки странно, что ты Никто, — засмеялась Асон и небольно дернула его за ухо.

Они сели у самой воды и стали кидать хлеб озерным обитателям — птицам и рыбам.

Сцена III

Так они сидели неопределенное количество времени, пока не прилетели голуби и не принесли в клювах деньги.

— Вот как здорово, — воскликнула Асон, — вероятно, их кто-то этому научил, теперь давай обучим этому искусству чаек-птиц.

— Зачем? — спросил Никто.

— Ради интереса, не ради же денег.

— Ну ладно, — согласился Никто. Поворчав, он присоединился к Асон, которая выдавала голубям хлеб в обмен на сверкающие кружочки.

Чайки-птицы с интересом следили за обедом собратьев, а затем улетели, разразившись незадолго до вылета громким гортанным криком.

Асон и Никто еще немного посидели у озера и вдруг увидели, что по противоположному берегу идет какое-то любопытное существо непонятного возраста. Когда существо подошло достаточно близко к воде, Асон вскрикнула: это был тот самый младенец, правую половину лица которого искажала непробившаяся звезда.

— Не кричи, он все равно до нас не доберется, — Никто попытался успокоить Асон. Но она снова закричала, да так сильно, что младенец оступился и упал в озеро, побарахтавшись довольно долго в воде, он с трудом вылез на берег, а затем убежал с диким воем в видневшийся неподалеку лес.

— Мне страшно, — Асон поежилась и положила голову на колени.

— Не бойся, — сказал Никто и обнял ее за плечи. — В вечном доме происходят вещи и куда более страшные.

— По-моему, ничего страшнее быть не может, — прошептала Асон.

— По сути ты права, и все же здесь случаются катавасии и похлеще, — сказал Никто.

Тут на озеро вернулись чайки, неся в клювах драгоценные камешки, кольца и бусы, золото и серебро.

— С ума сойти, — сказала Асон, — и что мы будем со всем этим делать?

— Лично мне ничего из этого не нужно, — сказал Никто, — ведь я живу в вечном доме. Если хочешь, возьми что-нибудь себе.

— Давай кидать все это в воду, — предложила Асон и бросила в озеро большое бриллиантовое ожерелье.

Со смехом они стали предавать драгоценности набегаящим маленьким волнам, но в конце концов и это занятие им пришлось бросить в связи с невозможностью избавиться от всего, принесенного чайками.

Оставив валяться на берегу ненужные отливающие тускло-желтым сокровища, они пошли купаться.

— Теплая вода, — сказала Асон и внезапно увидела отражение своего имени на зеркальной поверхности воды. Имя, вытатуированное маленькими буквами на ее левом плече, показало себя с неожиданной стороны: «С.О.Н.», буква «А» почему-то не отразилась, вместо нее в воде кружилось маленькое «я» — получилось «Соня—Ясон».

— Ой, а ведь там, в другом мире, меня всегда так называют мама и сестра, и кот, — Асон вышла из воды и стала натягивать одежду прямо на мокрое тело.

— Спасибо тебе, Никто, ты замечательный. Но теперь мне действительно пора.

Асон пошла по цветущим холмам, и пока Никто одевался, совершенно исчезла из виду.

Как он ни пытался разыскать ее, ничего у него не получилось. В конце концов ближе к вечеру, когда в некоторых местах вечного дома воцарился сумрак, Никто добрал до зияющего проема, откуда вошла в его мир Асон. Выйти наружу он никак не мог — ведь он был никем. Никто надеялся, что Асон еще не покинула вечный дом, поскольку не обнаружил возле входа в свой мир чьих-либо следов недавнего присутствия.

Когда Никто очень сильно устал, он лег прямо на землю и заснул. Он не заметил, как глубоко за полночь мимо него проскочила Асон, едва не споткнувшись о спящего и не отдавив ему пальцы рук. Она бежала домой, на Землю, в горизонтальный знакомый мир и, конечно же, не могла предположить, что кто-то ждет ее у дверей Вечного дома...

Никто очнулся на рассвете и решил, что Асон находится где-то внутри дома, он пошел по одной из галерей и вскоре увидел в ее конце яркий слепящий свет.

«Это опять ребенок-звезда», — подумал Никто и пошел навстречу свету.

Как ни странно, ребенок заговорил с ним первым.

— Я уже родился, — сказал он, — и наконец-то сегодня мое лицо, вернее его правая половина, тоже родит и притом вечную звезду. А ты что такой грустный? — спросил младенец у первого в своей жизни собеседника.

— Я потерял Асон, — сказал Никто и вдруг почувствовал, что готов разреветься на самом деле.

— Ну-ну, будет тебе, — сказал младенец успокаивающим глубоким голосом. — Ты вот что, лучше ляг на землю и поспи, а я тебя разбужу, когда звезда выйдет из моего лица.

Он коснулся локтя собеседника маленькой, сморщенной ручкой, и Никто послушно сел на землю. Так он и заснул, облокотившись на жесткую холодную стену. Во сне он встретил Асон, они пошли на берег озера и стали швырять в воду оставшиеся драгоценности.

Потом совершенно неожиданно Асон куда-то заторопилась. Затем решительно направилась к горе, возвышавшейся на горизонте в окружении длинных и темных облаков.

Никто догнал Асон и пошел рядом.

— Ты куда идешь?

— На гору, — Асон сосредоточено сжала губы и вовсе не смотрела в его сторону.

— Асон, мы же договорились идти на гору вместе.

— А мы и идем вместе, или что мы, по-твоему, делаем?

— А мне показалось, что ты хочешь идти туда одна.

— Слушай, отстань от меня со своими «показалось» и «кажется», и вообще делай что хочешь, живи, как жил в своем Вечном доме.

— У тебя давно такой равнодушный голос? — спросил Никто, Асон показалась ему настолько реальной в своем холоде, что он едва не проснулся.

— Нет недавно, — огрызнулась Асон. — И вообще я, наверно, прикидываюсь.

— Тогда у тебя плохо получается, — сказал Никто. Ему очень не понравился этот затянувшийся сон. «Лучше не видеть Асон, чем видеть ее такой», — подумал он, но все же не смог проснуться. Они продолжали идти вверх, на гору.

— Тебя что кто-то укусил? — спросила Асон.

— Нет. А почему ты спрашиваешь?

— Да ты сегодня какой-то укушенный, совсем не верится, что ты имеешь то, что у тебя есть.

— Мне самому не верится, что я это имею, — сказал Никто. — Иногда я теряюсь и говорю, что попало.

— Да-да, и наживаешь себе кучу неприятностей.

— У меня нет неприятностей, и не может быть, — сказал Никто, — я вневременное и бесстрессовое создание.

— Счастливый человек, — сказала Асон, — мне иногда кажется, что ты на грубость добровольно нарываешься. Ну что ты за мужчина!?

Никто остановился. Они шли на вершину горы, но говорили совершенно не то, что могли бы сказать друг другу и совершенно не так. Он попытался объяснить Асон, что с ними происходит что-то не так, но слова застряли у него в горле, и те из них, что вышли наружу, мало соответствовали тому, что он хотел сказать.

— Можно я не буду все это слушать? — попросила Асон и остановилась, не дойдя до вершины совсем чуть-чуть...

— Конечно, можно, — сказал неожиданно для себя Никто, и в этот момент вдруг проснулся.

Как ни странно, он стоял на вершине приснившейся ему горы, а за его спиной что-то кричал ребенок-звезда.

Никто обернулся как раз в тот момент, когда звезда наконец-то вырвалась наружу и, с минуту повисев в воздухе, устремилась ввысь к своим далеким собратьям. Она летела, расправив острые блестящие лучи, словно гигантская птица со множеством крыльев. Лицо младенца сразу же стало ровным гладким и симметричным.

— Звезда родилась, — сказал младенец и по-детски звонко засмеялся.

— Как ты думаешь, она вернется? — спросил его Никто.

— Обычно улетевшие звезды не возвращаются, — сказал младенец. — Но мы — в Вечном доме, где может произойти абсолютно все.

— Это так, — сказал Никто и шагнул с вершины. Младенец не сдвинулся с места и удивленно смотрел на застывшего прямо в воздухе над пропастью собеседника.

— Понимаю, этого ты еще не умеешь, — Никто сделал шаг назад и привлек младенца к себе, а затем бережно взял его на руки.

— Ничего. Мы с тобой тоже воспарим, как звезда, через вертикаль.

Постояв еще немного на вершине, они пошли прямо по воздуху туда, где предзвездное небо сливается с синим лесом, в котором жил, живет и будет жить самый что ни на есть настоящий Синий-пресиний Зверь.

7.

О
Б
Е
Щ
А
Н
И
Е

О
Д
Н
О
Й
Т
Р
И

В
А
Р
И
А
Н
Т
А
Ж
Е

И
С
Т
О
Р
И
И

2003

Здесь все в цепях,
Здесь все в оковах,
Здесь не приснится лик Свободы...

Печальный сердца плач звучит,
Как белый кит, луна горит.

Распятие грезится везде,
Зачем идти им по воде?
Не лучше ли сгореть в огне
Своих безудержных страстей?

А правда, как подснежник по весне,
пробьется лишь однажды.
Кристалльный свет ее развеет

тьму во тьме,
И расцветет деревьев мудрый сад
Природы Превозданной.

А.Б.

*Никогда не говори никогда.
Джеймс Бонд*

1-ый вариант

Случилось так, что в некотором шахматном королевстве Офицер, или попросту Слон, влюбился в Пешку. Слон с опаской относился к Белому Королю: с одной стороны, из-за того, что Король руководит Пешками, а он, Слон, полюбил одну из них, а с другой стороны, думал Слон: «Ну подумаешь, Король, это еще не предел, я вот лично знаю Мастера, который сделал все эти фигуры и меня в том числе, так что Король — еще не предел».

И вот однажды, когда белым фигурам нужно было выступить против черных в решающий бой, Слон сказал Пешке: «О, Пешка, любишь ли ты меня, Офицера доблестной Белой гвардии?» — «Люблю», — ответила Пешка и покраснела от смущения. «Тогда обещай мне одну вещь», — перешел на шепот Слон. «Какую?» — робко спросила Пешка и опустила глаза. «Обещай мне, что если ты дойдешь до последней линии на поле врага, то не сделаешь последнего шага и не станешь Королевой, а я буду тебя прикрывать с правого фланга». «Обещаю», — сказала Пешка и чего-то испугалась. «Ну, вот и хорошо, — сказал Слон, — иначе наша любовь зашла бы в тупик, не дай ты мне столь ценного обещания».

И вот начался бой. Как известно, за фигурами всегда кто-то стоит, и одному лишь Создателю известно, как повернется игра. Случилось так, что у белых уже не было Королевы, и ситуация для них складывалась не в лучшую сторону. Тем временем Пешка активно шла вперед и сама не заметила, как оказалась в шаге от конечной линии расположения Черных. Тут она вспомнила об обещании, данном ею Офицеру, и стала колебаться. «Ты что, с ума сошла, иди вперед! — прикрикнул на нее Слон левого фланга. — Мы сейчас проиграем из-за тебя партию». Пешка не успела вздохнуть, как какая-то сила сверху твердо передвинула ее на последнюю линию. Она почувствовала неизмеримый рост внутри себя, все фигуры теперь показались ей совсем маленькими, а она, большая и сильная, бросилась через все

поле на помощь Белому Королю. Так случилось, что Белые переломили ход уже казалось бы безнадежной партии и победили.

Офицер стал неистово разыскивать Пешку, ибо в пылу битвы и не заметил, как она стала Королевой. «Глупый Слон, — сказала Ладья с правого фланга Коню, — он так и не понял, что у шахматной игры есть свой закон, пешка обязана в случае необходимости исполнять обязанности Королевы, то есть на время стать ею». «А я ведь слышал, что она давала Слону обещание не становиться Королевой», — сказал Конь. «Это все ревность, — засмеялась Ладья. — Вон, смотри, она сейчас обнимает Короля, а Слон так и не понял, что это она, Пешка, исполняет обязанности Королевы. Когда она вернется в Пешки, ему и невдомек будет, что она была намного выше его по положению». «Да, — вздохнул Конь, — действительно, жизнь — это игра, а игра — это жизнь. И все это очень интересно». — «Над всем царит закон, — улыбнулась Ладья. — Слон остается Слоном, а Пешка становится Королевой, обещание Пешки — ничто перед величием последней...»

2-ой вариант

Однажды отряд солдат расположился в уютной деревеньке близ границы со страной «У». Солдат хорошо кормили, военных действий никаких в округе не было, к тому же в деревне жили весьма прекрасные селянки. Солдат ЦИ начал встречаться с селянкой ГО, и их любовь росла день ото дня. И вот в пятницу вечером должна была наступить кульминация. Они договорились встретиться в полночь у плетня на краю деревни, где ЦИ должен был нести караульную службу. ЦИ с нетерпением ожидал этой встречи, ибо твердо решил сделать ГО предложение. Каждый раз, целуя ее раскосые красивые глаза, ЦИ хотелось ощутить все ее тело, но что-то удерживало его от близости. Теперь же он твердо решил, он сделает предложение селянке, она согласится, и последнее препятствие будет убрано, он полюбит ее прямо в мягкой летней траве, а потом, естественно, они поженятся. Потом она родит ему сына... Но тут мысли ЦИ были прерваны неожиданным треском. Он встрепенулся: было без пяти двенадцать, светила полная луна, и вот-вот

должна была появиться ГО. Но вместо девушки на поляну вывалился толстый солдат ХО. «ЦИ, ты назначен И.О. командира, следуй за мной». ЦИ с тоской посмотрел на душистую траву и переместился в секретный лагерь своего маленького отряда. Дело в том, что командир был направлен со срочным донесением в противоположный конец страны к границе царства ХЕ-ХЕ и почему-то назначил ЦИ И.О. командира. С неожиданным рвением ЦИ взялся за дело, ибо, по секретным сводкам, поступившим в полночь, враг подступал к деревне именно в эту ночь. Неожиданно для себя самого ЦИ провернул массу дел за один час: он грамотно организовал оборону, давал четкие и ясные указания войнам и сам повел в атаку солдат в решающий момент сражения. В результате многочисленный отряд противника был наголову разбит и отброшен прочь. В три часа утра было получено известие от командира, что утром воины должны выступить к дальней границе царства ХЕ-ХЕ. ЦИ все-таки решил отправиться к душистой траве у плетня, надеясь, что ГО еще ждет его. Он приказал ХО собрать отряд и подготовить его к выступлению, а сам пошел быстрым шагом в лес по тропинке, ведущей к плетню. По дороге он наткнулся на прекрасную девушку, сидящую у ручья. Девушка плакала, и ее слезы падали в чистую ночную воду подобно дождю. ЦИ остановился. «Я люблю твоего командира. В эту ночь я ждала его здесь, светлая душа мыслителя ЛО должна воплотиться через девять месяцев, и твой командир должен был полюбить меня у ручья, — сказала девушка. — А кто ты?» И она подняла свои прекрасные глаза на ЦИ. «Я солдат ЦИ, — отвечал он. — В данный момент я И.О.К. своего отряда. Я исполняю обязанности командира». Девушка скинула легкий хитон и легла на спину. «Иди ко мне и полюби меня», — шепнула она. «Я не могу, другой женщине я дал обещание быть в другом месте», — смутился ЦИ. «Я дала обещание душе мыслителя ЛО, что она воплотится через мое лоно, твой командир дал обещание полюбить меня у ручья, а теперь ты, исполняющий обязанности командира, должен быть со мной». ЦИ опять хотел сказать «нет», но какая-то сила как будто бы сверху направила его в объятия прекрасной незнакомки. В четыре часа утра он появился у плетня и увидел заплаканную и потерянную селянку ГО. «Мерзавец, обманщик, лжец, ты разбил мое сердце!» — закричала девушка и бросилась на ЦИ с кулаками. «Я всего лишь И.О.

командира, — робко сказал ЦИ. — Я солдат». «Мне плевать на твои обязанности, — захрипела ГО. — Ты обещал быть со мной в двенадцать у плетня». «Да, я обещал, — сказал ЦИ. — Но исполняющий обязанности командира повинуетея долгу, а долг выше любого обещания». С этими словами он повернулся и быстро зашагал к своему отряду, чтобы с рассветом выступить к границам дальнего царства ХЕ-ХЕ.

3-ий вариант

В некотором лесном княжестве жила прекрасная Фея. У этой Феи было очень доброе сердце, она любила воду, деревья, весь лес и, конечно, любила лесного Князя. Его замок возвышался на горе, где он счастливо жил с красавицей Княгиней. Обычно днем Фея гуляла у реки, а ночью пробиралась к костру, возле которого эльфы из свиты великого Князя рассказывали волшебные истории. В одно замечательное летнее утро Фея как всегда сидела у реки и играла со своим отражением. В этот момент из леса выехал Всадник в темных доспехах. Он спешил и подошел к тому месту, где сидела Фея. Голову Рыцаря покрывал шлем с пышным плюмажем, но сквозь приоткрытое забрало Фея увидела печальные сильные и безумные глаза. Фея и Рыцарь полюбили друг друга. И стали встречаться каждый день у реки. Однажды Рыцарь сказал: «Моя дорогая Фея, я странствующий Всадник, и мне надо уехать на один день. Завтра утром я вернусь к реке. Обещай мне, что ты никуда не пойдешь сегодня ночью, ибо я знаю, что в замке у Князя готовится праздник, но я не хочу, чтобы ты шла туда одна без меня». «Обещаю», — ответила ему Фея. И ударила ручкой по своему отражению в воде. «Обещаю», — повторило отражение. «Смотри, не обмани меня, — голос Рыцаря похолодел. — Мой взгляд подобен стреле, я все равно узнаю правду. И тогда я покину тебя навсегда». С этими словами он вскочил в седло и поскакал прочь.

Фея очень мирно провела время сама с собой, а когда наступили сумерки, направилась к месту, где обычно горел эльфийский огонь. Но там никого не было, Фее стало скучно и одиноко. Вдруг легкая рука коснулась ее плеча. Это был начальник стражи великого Князя Эльф-Сон. «Дорогая Фея, Князь приглашает вас ко двору, сегодня день великой

Княгини, но ее нет, она вернется завтра, поэтому совет его величества выбрал вас как самую прекрасную Фею исполнять обязанности Княгини. Следуйте за мной, а в реке останется ваше отражение». Фея хотела возразить, ведь она обещала Рыцарю не ходить в замок, но какая-то сила подняла ее по воздуху и перенесла во дворец.

Ее убрали в прекрасные одежды, и сам Князь подал ей руку при входе в тронный зал. Фея была польщена. А потом был прекрасный праздник, танцы, угощение, достойное божеств, и незабываемая ночь в покоях великого Князя... Фея не могла отказаться от всего этого и спохватилась лишь под утро, когда ей надо было возвращаться к реке. Выйдя из замка, она горько заплакала, поскольку больше всего на свете боялась остаться одна. Но тут из-за большого дерева, растущего у подножья горы, вышел Сон. «Я знаю, о чем ты думаешь, — сказал Эльф. — Я научу тебя, как уберечься от стрел Рыцаря». И он провел рукой по воздуху, рисуя странный знак. Тут же в воздухе возникли серебряные щиты странной формы, они повисли вокруг Феи, блестя как зеркала. «Это отражатели ядовитых стел недоверия, — сказал Сон. — Каждое существо вольно поступать согласно велениям своего сердца, а обещание, произнесенное под знаком страха, имеет силу только лишь, когда есть страх. Эти щиты — подарок великого Князя». С этими словами Сон растаял в воздухе.

Очень скоро Фея подошла к реке и села у воды на свое любимое место. Вскоре появился и Рыцарь. Он спешил и, не дойдя до Феи нескольких шагов, метнул в нее стрелы своего проверяющего взгляда, и не одну, а целое множество. Однако Рыцарь, ослепленный безумной жадой обладания, не заметил вокруг хрупкой фигуры Феи блестящих щитов, благодаря чему все выпущенные стрелы изменили свое направление и вошли в воду в отражение Феи. «Ты сдержала свое обещание?» — спросил Рыцарь, и от голоса его веяло льдом. «Сдержала», — сказала отражение в воде. Звук полетел обратно в сторону Феи и, отразившись от щитов вокруг нее, долетел до Рыцаря. Рыцарю показалось, что это сказала сама Фея. «Вижу, что это правда», — улыбнулся он, довольный своей силой и властью.

Вечером Фея пошла к костру и села рядом с Эльфом. «Отражение рождает отражение, — молвил Сон. — Страх и недоверие порою требуют обещаний, которые не имеют силы

в определенных местах и способны сбить с пути самого требующего. Рыцарь просил обещание у твоего отражения, потому что сама ты не способна была дать его. Отражение не есть твое истинное Я, не есть ты самое, оно, давшее обещание, живет в воде, Рыцарь ведет борьбу с отражением, а не с тобой». «Иначе он бы сошел с ума», — прошептала Фея и посмотрела в глубокий эльфийский огонь. «Будь собой, одинокая Фея, — сказал Сон. — Быть одинокой — твоя судьба, иди по ней прямо, не путаясь в пустых обещаниях». И он указал на волшебный замок, что возвышется на вершине горы, где Фея исполняла обязанности Великой Княгини.

Сосны волнует ветер,
Над заливом сияет луна,
Для чего этот ясный вечер,
Прозрачная тишина?

Меч висит на стене,
Сплю спиной на щите,
Падают капли тихих дней,
С собою один на один
И сам себе господин.
Я делаю шаг в сторону севера.
Звезды вдруг расцветут,
Когда русские идут,
Стелется дым по земле
Да взлетает к солнцу.
Я сто раз умирал
И сто раз воскресал,
Северное сияние — мой дом,
И когда полярники примет силу огня,
Сдвинется все,
И мир наш переместится.
Я б хотел родиться опять
И в центре мира стоять
В блестящей кольчуге
С изображением солнца.
На земле мы зажжем костры,
Но не страха, а чистоты,
И планеты нашей системы
Запляшут по кругу.
На земле еще мало кто есть,
Но иные из нас уже здесь,
И мы тянемся, как магниты, друг к другу.
Меч висит на стене,
Сплю на жестком щите,
В небо мечу острие своих стрел да копий.
С собою один на один,
Я сам себе господин,
Я делаю шаг в сторону севера.

Кирилл Терр

ЗАВЕРШАЮЩЕЕ

I

Манерничать, читать и размышлять о Бытие,
Внезапно безвозвратно оказаться в тупике,
Желать, пылать, искать ответа в тишине,
Сжигать цветы, мечты, останки лени
в мраморной луне,
Летать без крыл, вилять хвостом, русалкой быть,
Лес, учтанный углем, пройти сквозь босиком,
Забыть названия рек, расстаться со своей судьбой,
Войти в прекрасный сон и запереть все двери за собой,
Очнуться в изумрудном поле и залиться
смехом серебра,
Найти ключи к свободе и прослыть Творцом Добра.

II

Как разбудить дыханья пыл,
Подскажет кто?
И нету сил искать струю живую
Среди пыльных силуэтов
Стражников неведомой страны.
Как разобраться на распутье
Нескончаемых дорог?!
Запутавшись и сбившись с ног,
Ищу я дверь и тот порог,
Который свет Божественный прольет.
А может, он найдет меня,
Обвяжет нитью золотых лучей крыла
Да и отпустит полетать...
Пусть на день, на два, на три,
Там — как знать — вернусь ли я
Закончить эти строки.
До свиданья!!!

А.Б.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ (от авторов)	4
1. ПАРИЖСКАЯ ТЕТРАДЬ	5
Звучание ветра – по коже звон... ..	6
Споры, споры до хрипоты... ..	6
Прозрачное небо – изнанка души... ..	7
Когда бы сердце я разбил... ..	7
Я принят был магнитным озареньем... ..	8
Тоска с утра висит на башне... ..	8
Над Парижем воздух стынет... ..	9
Это кипящее чувство... ..	10
Сажу в пустом кафе Парижа... ..	11
Огромный город – сын небес... ..	11
Рыб прозрачных чешуя... ..	12
Каждый день бегом лечу... ..	12
Написать бы мне в этот солнечный... ..	13
Звенящий март на кольцах звезд... ..	13
Брод через небо – не пишется... ..	14
Я знаю о жизни несколько больше... ..	15
Жарким зноем упоен... ..	16
Я вышел к лавине моря... ..	16
Снег, мой миленький снежок... ..	17
Наверно, поэтом быть все же трудней... ..	17
Чудных метафор шумный спор... ..	18
Вечер	18
Ледяные рога у беззвездного неба... ..	19
Никогда не бойся растерять... ..	20
Осень	20
Как холоден приют, когда тебя не ждут... ..	21
Ангел у трона	22
Что еще ты можешь здесь сделать? ..	23
Чудо	24
Боль	25
Поэтов больше нет... ..	25
Моему другу Алексу	26
По бескрайнему полю... ..	27
2. МИМО НЕБА	29
3. ОДИНОЧЕСТВО ЛЕТАЮЩЕГО ЖУКА	61
Август – мертвый сезон... ..	62
Перевернуться утром мыслей нет... ..	62
Складки неба блещут тушью... ..	63
Когда мы только лишь вышли... ..	63
Когда слабеющей рукой... ..	64

Мы упивались любовью на звездах...	64
Курился белый фимиам...	65
Видишь, какая-то мысль падает...	65
Смыкание глаз...	67
Метнув минуту в глаза закату...	68
Насквозь разбитым и усталым...	68
К чему стремимся мы?..	70
Я шел к огню...	70
Порой как славно на просторе...	71
Она идет: холодный грот...	71
Прямоугольные строки...	72
Ловцы жемчуга обожают...	72
Сон не придет. Я одинок...	74
О, какая страшная...	74
Ты жгучим чувства водопадом...	75
Мне нравится в этом городе...	75
Я в храме: проломлен купол...	76
Наш поздний завтрак...	77
Я вышел, чтобы...	78
 4. ВОЛК И НОЧЬ	 81
 5. ПЕСНИ ОДИНОКОГО ВОИНА	 115
I Песнь. Песня Ницше	117
II Песнь. Песня одинокого воина	118
III Песнь. Песня божьей благодати	118
IV Песнь. Песня инь и песня ян	118
V Песнь. Песня женского сердца	119
VI Песнь. Песня преданного менестреля	119
VII Песнь. Песня сущностного я	120
VIII Песнь. Песня любовного пламени	120
IX Песнь. Песня дождевой тоски	121
X Песнь. Песня абсолютной победы	121
XI Песнь. Песня одинокого полуночника	122
XII Песнь. Песня возродившегося паломника	123
XIII Песнь. Песня посланника радуги	123
XIV Песнь. Песня прозревшего поэта	124
XV Песнь. Песня наблюдателя рек	125
XVI Песнь. Песня седого мыслителя	125
XVII Песнь. Песня молодой ладьи	126
XVIII Песнь. Песня не боящегося смерти	127
XIX Песнь. Песня неумолимого времени	127
XX Песнь. Песня противника лунного культа	128
XXI, XXII, XXIII Песни. Песни отрешенного	
XXI. К безмолвию	130
XXII. К словам	130
XXIII. Ко времени	130
XXIV Песнь. Песня противника варваров	130

XXV Песнь. Песня лесного шамана	132
XXVI Песнь. Песня провожающего весну	132
XXVII Песнь. Песня богатыря	133
XXVIII Песнь. Песня раскаявшегося пустынника	134
XXIX Песнь. Песня 33-летнего мужа	134
XXX Песнь. Песня бесконечного я	135
XXXI Песнь. Песня просветленного в ночи	136
XXXII Песнь. Песня хранителя языка	136
XXXIII Песнь. Песня ясного прорицателя	137
 6. СКАЗКА О СИНЕМ ЗВЕРЕ	 139
 7. ОБЕЩАНИЕ (три варианта одной и той же истории)	 153
 Завершающее	 161

Тер-Амбарцумян Кирилл
БРОД ЧЕРЕЗ НЕБО

Технический редактор — А.Полосков
 Компьютерная верстка — Н.Фомина

Издательство «Лилия Принт»
 ИД № 02058 от 16.06.2000 г.
 ISBN

Подписано в печать 25.11.2004.
 Формат XXхXX/XX. Объем 10,25 п.л.